

ЧАК ПАЛАНИК

18+

СНАФФ

РОМАН

Annotation

Легендарная порнозвезда Касси Райт завершает свою карьеру. Однако уйти она намерена с таким шиком и блеском, какого мир «кино для взрослых» еще не знал. Она собирается заняться перед камерами сексом ни больше ни меньше, чем с шестьюстами мужчинами! Специальные журналы неистовствуют. Ночные программы кабельного телевидения заключают пари – получится или нет? Приглашенные поучаствовать любители с нетерпением ждут своей очереди и интригуют, чтобы пробиться вперед. Самые опытные асы порно затаили дыхание... Отсчет пошел!

- [Чак Паланик](#)

-
-
- [1. Мистер 600](#)
- [2. Мистер 72](#)
- [3. Мистер 137](#)
- [4. Шейла](#)
- [5. Мистер 600](#)
- [6. Мистер 72](#)
- [7. Мистер 137](#)
- [8. Шейла](#)
- [9. Мистер 600](#)
- [10. Мистер 72](#)
- [11. Мистер 137](#)
- [12. Шейла](#)
- [13. Мистер 600](#)
- [14. Мистер 72](#)
- [15. Мистер 137](#)
- [16. Шейла](#)
- [17. Мистер 600](#)
- [18. Мистер 72](#)
- [19. Мистер 137](#)
- [20. Шейла](#)
- [21. Мистер 600](#)
- [22. Мистер 72](#)

- [23. Мистер 137](#)
 - [24. Шейла](#)
 - [25. Мистер 600](#)
 - [26. Мистер 72](#)
 - [27. Мистер 137](#)
 - [28. Шейла](#)
 - [29. Мистер 72](#)
 - [30. Мистер 137](#)
 - [31. Шейла](#)
 - [32. Мистер 600](#)
 - [33. Мистер 72](#)
 - [34. Мистер 137](#)
 - [35. Шейла](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Чак Паланик

Снафф

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.;

© Chuck Palahniuk, 2008

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

*Герцогиня: А говорят, всего дороже те
бриллианты,*

Каких касались ювелиров многих руки.

Фердинанд: Раз так, продажным девкам нет цены.

Джон Уэбстер, «Герцогиня Мальфи» (I, II)

1. Мистер 600

Чувак, одетый в одни боксеры, весь день простоял у буфета, слизывая оранжевое напыление с картофельных чипсов со вкусом барбекю. Другой чувак, рядом с ним, окунал чипсу в луковый соус и облизывал – раз за разом, ту же самую размокшую чипсу. Не обязательно ссать на столб. Есть миллион других способов, чтобы пометить «свою» территорию.

Что касается обеспечения жрачкой, у нас тут два раскладных стола, заставленных банками газировки и открытыми пакетами с дешевыми кукурузными чипсами. Чуваков вызывают на съемочную площадку – девочка, ассистент режиссера, объявляет их номера, и они отправляются спускаться перед камерой, дожевывая на ходу кукурузные хлопья, политые карамелью. Их пальцы горят от чесночной соли. Пальцы слипаются от сиропа.

Одноразовые исполнители, они пришли лишь затем, чтобы потом говорить, что они тоже здесь были. Мы, ветераны, пришли пообщаться и оказать Касси услугу. Помочь ей приблизиться к мировому рекорду – еще на один член. Мы пришли стать свидетелями истории.

На буфетных столах миски, доверху полные презервативов, соседствуют с мисками, в которых соленые крендельки. Шоколадные минибатончики. Арахис в меду. На полу – пластиковые обертки от конфет и гондонов, смятые, разодранные зубами. Те же руки, которые зачерпывают пригоршнями «M&M's», лезут в трусы и оглаживают приборы в состоянии полуготовности. Пальцы цвета конфет. Эрекции со вкусом острого соуса «по-деревенски».

Дыхание, пропахшее арахисом. Рутбиром. Чипсами-барбекю. Ароматы, которыми дышат в лицо Касси.

Наркоманы в ломке расчесывают себе руки. Девственники-старшеклассники желают расстаться с девственностью перед камерой. Вон тот малыш, мистер 72, явно нацелился убить одним «выстрелом» сразу двух зайцев: лишиться невинности и одновременно войти в историю.

Худосочные дядьки, не снявшие футболок, которые будут постарше некоторых из присутствующих исполнителей. Футболки, выпущенные к премьере «Секса с городом» целую жизнь назад. Футболки фан-клуба из тех времен, когда Касси снималась в «Постельных горизонтах». Футболки явно постарше мистера 72, отпечатанные по трафарету еще до его рождения.

Громкие чуваки кричат в сотовые телефоны – что-то о фондовых опционах и курсах акций – и одновременно гоняют лысого. На бицепсе каждого исполнителя – номер от одного до 600. Девочка-ассистентка разметила всех черным маркером. Их прически – мемориалы гелю и терпению. Загар и туманная дымка одеколona.

Комната заставлена складными стульями. Для создания нужного настроения есть потрепанные порножурналы.

Шейла, девочка-ассистентка с папкой-планшетом в руках, выкрикивает номера. Номер 16, номер 31 и номер 211. Сейчас эти трое поднимутся вверх по лестнице, ведущей на съемочную площадку.

Чуваки в теннисных туфлях. В топсайдерах. В тесных плавках. В ботинках и синих носках до середины икры, держащихся на смешных старомодных подвязках. В пляжных сандалиях в корке песка, отчего каждый шаг отдается скрипучим скрежетом.

Старый анекдот: чтобы уговорить девочку сняться в порно, предложите ей миллион долларов. Чтобы уговорить парня, предложите ему... сняться в порно. На самом деле это не анекдот. Не совсем анекдот. Не из тех, над которыми надо смеяться.

За исключением разве что нас, профессиональных работников отрасли, большинство из присутствующих – просто случайные люди с улицы, которые прочли объявление в «Adult Video News». Приглашение на кинопробы. Стояк и справка от доктора об отсутствии венерических заболеваний – собственно, вот и весь кастинг. Да, кстати, детское порно здесь не снимают, так что берут только тех, кому есть восемнадцать.

Мы, у кого сбриты волосы на груди, а лобковые волосы вырваны воском, ждем в одной очереди вместе с софтбошной командой даунов.

Чернокожие, азиаты, латиносы. Чувак в инвалидной коляске. Что-то для каждого рыночного сегмента.

Тот малыш, номер 72, принес букет белых роз. Цветы уже вянут. Поникие лепестки коричневеют по краям. Мальчик вытягивает вперед руку. Глядит на ладонь, исписанную синей шариковой ручкой. Тихонько бормочет:

– Мне от тебя ничего не нужно, но я всегда тебя любил...

Красиво завернутые коробочки в руках у других чуваков распушаются бантиками и ленточками. Крошечные коробочки, которые легко помещаются на ладони.

Ветераны в атласных халатах – в чемпионских боксерских халатах, подвязанных кушаками, – ждут, когда их позовут. Профессиональные плунжеры, у которых стоит всегда. Половина из них даже ухаживали за

Касси и звали замуж – чтобы стать четой Лант^[1], Дизи и Люси^[2] от порно.

В этой комнате нет ни единого профи, который бы не любил Касси Райт и не хотел бы помочь ей войти в историю.

Для остальных чуваков, никогда не совавших свой член никуда, кроме собственных кулаков, за просмотром порнухи с участием Касси Райт – для них это как проявление супружеской верности. Торжественное бракосочетание. Эти ребята, сжимающие в руках свои маленькие подарки – сегодня у них как будто медовый месяц. Консумация брака.

Сегодня – ее последнее представление. Противоположность первому рейсу. Для каждого, кто придет после пятидесятого чувака, Касси Райт – там, наверху – будет не более чем воронкой от реактивного снаряда, щедро смазанной вазелином. Плоть и кровь, только как будто взорвавшаяся изнутри.

Глядя на нас, даже не скажешь, что мы творим историю. Абсолютный рекорд, после которого не будет уже никаких рекордов.

Девочка-ассистентка кричит:

– Джентльмены. – Эта девочка, Шейла, она поправляет очки на носу и объявляет: – Когда вас позовут, вы должны быть готовы к съемке.

Она имеет в виду, что член должен стоять, как штык.

Самое близкое сравнение для сегодняшних ощущений: когда подтираешься не в том направлении. Сидишь на толчке. Отрываешь бумажку и, не задумываясь, трешь от задницы к яйцам, размазывая говно по морщинистой волосатой мошонке. Причем чем активнее стараешься его очистить, тем сильнее тянется кожа и тем больше говна прилипает к волосам. В результате оно расползается тонким слоем по яйцам и бедрам. Так вот, ощущения примерно такие же. Когда у тебя есть какая-то страшная тайна, о которой нельзя рассказать никому.

Шестьсот мужиков. Одна порнодива. Мировой рекорд на века. Фильм, обязательный для коллекции каждого уважающего себя ценителя эротики.

У кого-то из нас все готово к тому, чтобы сделать из этого фильма снафф.

2. Мистер 72

Все-таки дурацкая была мысль – притащить розы. Не знаю. Как только заходишь, тебе сразу вручают бумажный пакет. На пакете написан номер – от одного до 600. Тебе говорят: «Раздевайся, малыш, а одежду клади сюда». Выдают деревянную прищепку с тем же номером, выведенным черной ручкой. Говорят: «Прицепи эту штуку к трусам. Только не потеряй, а то не получишь назад свои вещи». На груди у помощницы режиссера болтается секундомер. Прямо над сердцем. Там, где оно предположительно есть.

К стене над столом, у которого все раздеваются, прилеплено скотчем объявление, написанное от руки той же черной ручкой. В нем говорится, что за оставленные ценные вещи киносъемочная компания ответственности не несет.

Еще одно объявление: «Никаких масок!»

Парни укладывают свои вещи в пакеты. Туфли с запиханными внутрь носками. Туго скрученный пояс – в одну из туфель. Сверху – брюки, сложенные таким образом, чтобы стрелки соприкасались друг с другом. Парни складывают рубашки, расстелив их на груди и придерживая подбородком. Рукав на рукав, полы к воротнику – чтобы меньше помялось. Майки сложены. Галстуки свернуты в трубочку и убраны в карманы пиджаков. Это у тех, кто одет хорошо.

Другие парни просто стягивают с себя джинсы или спортивные штаны. Выворачивая наизнанку. Сминая их как попало. Футболки и трикотажные рубашки. Мокрые майки. Они пихают все это в пакеты, а сверху бросают вонючие кеды.

Когда ты разделся, девочка с секундомером забирает пакет с одеждой и ставит на пол у бетонной стены.

Все стоят почти голые, в одних трусах. Вертят в руках кошельки и ключи от машин, сотовые телефоны и прочие ценные вещи.

И я со своими унылыми подвядшими розами. Нет, все-таки это была идиотская затея.

Я раздеваюсь, расстегиваю рубашку, и девочка с секундомером, которая выдает всем пакеты, тычет пальцем мне в грудь:

– Собираешься с этим на съемку?

Она держит пакет с номером «72». К одной из ручек пакета прицеплена прищепка. Мой номер. Девочка с секундомером тычет пальцем мне в грудь и говорит:

– Вот с этим.

Я смотрю вниз, прижав подбородок к груди. Смотрю, пока шея не начинает болеть, но вижу только свой крестик с распятием на золотой цепочке.

А в чем, спрашиваю, проблема? Ну, крестик.

Девочка отцепляет прищепку, тянет руку вперед. С явным намерением прищемить мне сосок. Но я отступаю на шаг назад. Она говорит:

– Мы не первый год в бизнесе.

Она говорит:

– Вас, христианских фундаменталистов, мы видим насквозь.

Если судить по ее лицу, она еще школьница, моя ровесница.

Девочка с секундомером рассказывает про актрису по имени Кэнди Эплз, Карамельные яблочки. Когда эта Кэнди пыталась установить рекорд в 721 половой акт, на самом деле в том фильме снималось всего пятьдесят мужиков, постоянно сменявших друг друга. Это было в 1996 году, и Кэнди остановило лишь то, что в студию ворвалась полиция и прикрыла всю лавочку.

Она говорит:

– Подлинный факт.

Когда Анабель Чонг установила свой давний рекорд, говорит девочка с секундомером, гэнг-бэнг из 251 полового акта, тогда на пробы пришло больше восьмидесяти мужиков, но у 66 процентов из них либо не встало вообще, либо встало недостаточно крепко, чтобы их взяли на съемки.

В том же 1996 году Жасмин Сент-Клер побила рекорд Чонг, совершив триста сношений за один съемочный день. Спонтаниз Экстази установила новый рекорд в 551 половой акт. В 2000 году актриса по имени Сабрина Джонсон устроила секс-марафон на две тысячи мужиков, которые затрахали ее до того, что под конец ей пришлось держать между ног грелку со льдом, пока она ублажала оставшихся исполнителей ртом. Когда гонорар был истрачен, и чеки Джонсон перестали принимать к оплате, она обнародовала сенсационное разоблачение: ее рекорд был фальшивкой. Она совершила максимум пятисот актов, и вместо заявленных двух тысяч, желающих поучаствовать в съемках, набралось всего тридцать девять.

Девочка с секундомером тычет пальцем в мой крестик и говорит:

– Только не вздумай спасать тут заблудшие души.

Парень рядом со мной, он снимает черную футболку. Его голова, руки и грудь покрыты ровным сплошным загаром. В пробитом соске – золотое колечко. Волосы на груди аккуратно приглажены и пострижены до одинаковой длины. Волосок к волоску. Он говорит мне:

– Слушай, дружище...

Он говорит:

– Не спасай ее душу, пока не пройдет моя очередь, хорошо?

Он подмигивает с такой силой, что половина лица собирается морщинами вокруг глаза. От взмаха ресниц поднимается ветер.

Если смотреть на него вблизи, у него на щеках и на лбу размазаны розовые румяна. Порошковые тени для век трех оттенков коричневого собираются в мелкие складочки вокруг глаз. Он держит под мышкой какой-то белый матерчатый сверток, прижимая его локтем к загорелым ребрам.

С той стороны стола девочка с секундомером вертит головой, глядя по сторонам. Запускает руку в передний карман джинсов и спрашивает меня:

– Эй, проповедник, не хочешь приобрести страховку?

Она выуживает из кармана маленький аптечный пузырек. Встряхивает его, и внутри гремят голубые таблетки.

– Десять баксов штука, – говорит девочка с секундомером и снова встряхивает пузырек. – Ну, чтобы подстраховаться и не попасть в число тех шестидесяти шести процентов.

Этот накрашенный парень... Девочка с секундомером вручает ему пакет с номером «137».

– Не хотите убрать в пакет вашего тряпичного зверя?

Она кивает на сверток у парня под мышкой.

Номер 137 вынимает сверток из-под мышки и говорит:

– Мистер Тото – это не просто тряпичный зверь...

Он говорит:

– Мистер Тото – охотничий пес для автографов.

Он целует тряпичного пса и говорит:

– Вы не поверите, какой он древний.

Игрушечный зверь сшит из белой холщовой ткани: длинное туловище наподобие толстой сардельки и четыре короткие лапы, торчащие в стороны. Сверху прикреплена голова с черными пуговицами-глазами и большими свисающими ушами. По белому холсту расползаются надписи – синими, черными и красными чернилами. Витиеватыми завитушками. Печатными буквами. Под некоторыми проставлены даты. День, месяц и год. В том месте, где парень поцеловал пса, осталось пятно красной помады.

Он держит тряпичную псину, как держат младенцев – на сгибе локтя. Другой рукой он указывает на надписи. Автографы. Имена. Он нам показывает: Кэрл Чаннинг. Бетт Мидлер. Дебби Рейнолдс. Кэрл Бейкер. Тина Тернер.

Он говорит:

– Мистеру Тото уже столько лет, сколько, надеюсь, никто не даст *мне*.

По-прежнему сжимая в руке пузырек с таблетками, девочка с секундомером спрашивает:

– Хотите, чтобы мисс Райт надписала вам этого пса?

Касси Райт, сообщает нам парень, его любимая порнозвезда. Непревзойденная, на все времена. Ей просто нет равных по уровню мастерства.

Номер 137, он рассказывает о том, как в течение полугода Касси Райт буквально не отходила от какого-то там эндокринолога, изучала его манеру общения и язык тела, пыталась вникнуть в особенности профессии – готовилась к роли врача в большой порно-саге «Скорая помощь: во все отверстия и прободения». Прежде чем приступить к съемкам в мегаэпосе «Титаник: во все отверстия и пробоины», Касси Райт потратила шесть месяцев на сбор материалов: изучила архивы, списалась с уцелевшими пассажирами. В единственной реплике Касси, когда она говорит: «Сегодня не только корабль пойдет ко дну...», – ее западноирландский акцент бьет прямо в точку, так что ты очень живо себе представляешь, каким безудержно пылким должен был быть этот дармовой секс, доступный для всех пассажиров третьего класса в последние мгновения самого трагичного кораблекрушения за всю историю человечества.

– В «Скорой помощи», – говорит этот парень, – в лесбийской сцене с двумя лаборантками, сразу видно, что Касси Райт – единственная актриса, которая знает, как правильно обращаться с вагинальным расширителем.

Критики, говорит номер 137, вполне оправданно восторгались ее трактовкой образа Мэри Тодд Линкольн в эпопее на тему Гражданской войны «Театр Форда: во все дыры и пулевые отверстия». Потом этот фильм выходил под названием «Приватная ложа». А потом – под названием «Президентская ложа». Номер 137 говорит нам, что Касси Райт провела очень серьезную подготовительную работу, и эпизод с двойным проникновением, когда Джон Уилкс Бут и Честный Эйб Линкольн долбятя в Касси одновременно – это подлинная американская история, ожившая на экране.

По-прежнему баюкая на руках своего тряпичного пса, прижимая его глаза-пуговицы к золотому колечку в соске, он говорит, этот парень:

– Так сколько там стоят твои таблетки?

– Десять баксов, – отвечает девочка с секундомером.

– Нет, – говорит парень. Пихает собаку обратно под мышку и лезет в задний карман штанов. Вынимает бумажник, достает двадцать, сорок, сто долларов и говорит: – Сколько за весь пузырек?

Девочка с секундомером говорит:

– Подойдите поближе – я напишу номер у вас на руке.

И парень под номером 137, он опять мне подмигивает. В окружении всей этой коричневой пудры его большой глаз кажется еще больше. Он мне подмигивает и говорит:

– Ты принес розы.

Он говорит:

– Как мило.

3. Мистер 137

Знаете, как это бывает, когда приходишь в «качалку» и выполняешь, к примеру, жим лежа с шестью блинами, и все идет просто отлично: ты, как заведенный, жмешь штангу, чередуя тяги на низком блоке с тягами вниз на высоком блоке с широким хватом – подход за подходом, как нечего делать, успевай только накручивать диски, – а потом завод резко кончается. И все, ты выдохся. Спекся. Каждый жим, каждое сгибание рук превращается в натужное усилие. Вместо того чтобы получать удовольствие от процесса, ты считаешь, сколько еще повторений осталось. Задыхаешься и обливаешься потом.

И дело не в резком падении уровня сахара в крови. Дело в том, что какой-то придурок за администраторской стойкой взял и вырубил музыку. И знаете что? Может быть, ты ее и не *слушал*, но когда музыка умолкает, тренировка становится обычной работой.

Тут же самую безысходность, тот же полный упадок сил ты ощущаешь, когда выключается музыка, часа в три ночи, под закрытие «Штыря» или «Орла», и ты остаешься совсем один, так никем и неоттраханый.

Точно такой же облом ждет тебя и на съемках кино: никакой фоновой музыки. Никакой музыки для настроения. Там, наверху, в этой комнате с Касси Райт, тебе не поставят даже самого простенького порно-джаза на электрогитаре с эффектом вау-вау. Нет, только после того, как фильм будет смонтирован, как озвучат все реплики, вот тогда и наложат музыку – для полноты картины.

И знаете что? Притащить с собой мистера Тото – это была неудачная мысль.

А вот сожрать весь пузырек виагры... может быть, это меня и спасет.

На другом конце комнаты настоящий, живой Бранч Бакарди беседует с мистером 72, с тем самым парнишкой с букетом увядших роз. Эти двое могли бы быть снимками «До» и «После» одного и того же актера. Бакарди – в атласных боксерах ярко-красного цвета – разговаривает с парнишкой и при этом задумчиво водит рукой по груди, растирает ее медленными кругами. В другой руке – одноразовый бритвенный станок. Когда рука, трущая грудь, замирает, рука с бритвой тянется к этому месту и соскабливает невидимую щетину. Бритва чиркает по коже – короткими быстрыми взмахами, как орудуют тяпкой, когда выпалывают сорняки.

Бранч Бакарди продолжает беседовать, не глядя на руку, которая медленно перемещается по груди, щупает, ищет, а потом туго натягивает загорелую кожу, и рука с бритвой скребет, брея во всех направлениях.

Вот он, здесь: Бранч Бакарди, звезда таких культовых фильмов, как «Ввод да Винчи», «Иметь пересмешника», «Почтальон всегда заправляет дважды» и самого первого порномюзикла «Читти Читти Гэнг-Бэнг».

Даже сейчас, в помещении, все мастодонты «кино для взрослых» – Бранч Бакарди, Корд Куэрво, Бимер Бушмилс – не снимают темные очки. Они поправляют прически, приглаживают волосы. Все эти люди – из поколения настоящих сценических актеров; все учились актерскому мастерству в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе или в Нью-Йоркском университете, но им нужно было платить за аренду жилья и в перерывах между серьезными ролями. Для них сняться в порно – это была просто шалость. Радикальный политический жест. Главная мужская роль в «Сумеречной жопе» или «Истории двух буферов» – это хорошая шутка, которую потом можно будет включить в резюме. А когда они станут известными «кассовыми» актерами большого кино, эти ранние работы превратятся в веселые байки для рассказов на ночных ток-шоу.

Такие актеры, как Бранч Бакарди или Пост Кампари, они лишь пожмут загорелыми бритыми плечами и скажут:

– Да ладно, даже Слай Сталлоне снимался в порно, чтобы оплачивать счета...

Прежде чем стать архитектором с мировым именем, Рем Колхас снимался в порно.

На другом конце комнаты – девушка с секундомером, висящим на черном шнурке на шее. Она подходит к Бакарди и пишет номер «600» у него на руке. Жирным черным маркером. Шестерка сверху, под ней – один ноль, а под ним – второй ноль, как нумеруют спортсменотриатлонистов. Несмываемыми чернилами. Даже пока ассистентка выводит цифры у него на руках, на одном бицепсе и на другом, Бакарди ни на секунду не прерывает беседу с мальчиком, у которого розы. Пальцы ощупывают брюшной пресс в поисках невидимой щетины. Пластмассовая бритва ждет близости – наготове.

Те, кто не ест картофельные чипсы, выскребают себя одноразовыми станками. Давят прыщи. Выжимают из тюбиков какую-то липкую массу, растирают ее в руках и размазывают по лицу, по бедрам, по шее, по стопам, покрывая себя коричневым. Бронзером. Автозагаром. Их ладони – в коричневых пятнах. Кожа вокруг ногтей – темно-бурая, как будто в корке запекшейся грязи. Скрючившись в три погибели, эти актеры роются в

спортивных сумках. Ищут тубики с гелем и с бронзером, вынимают пластмассовые бритвенные станки и складные карманные зеркала. Отжимаются от пола. По их белым трусам растекаются коричневые дорожки. Заходишь в единственный на шестьсот человек сортир – один толчок, раковина и зеркало – и видишь картину: от многочисленных задниц белое сиденье унитаза сплошь заляпано коричневым. Вся раковина – в пятнах от испачканных бронзером рук. Белый дверной проем подернут налетом коричневых отпечатков ладоней и пальцев, оставленных спотыкающимися мастодонтами порно, слепыми за стеклами темных очков.

Сразу же представляется Касси Райт: там, на съемочной площадке, на огромной продавленной кровати, застеленной белыми атласными простынями, к этому времени – несвежими, захватанными и испачканными. С каждым новым актером они темнеют все больше и больше. Грязное порно.

Я принимаю таблетку.

Проходя мимо, девочка-ассистентка приостанавливается рядом со мной и говорит:

– Точно ослепнет. Только, чур, к нам потом никаких претензий.

– Что? – переспрашиваю.

– Силденафил, – говорит девочка-ассистентка и легонько стучит меня маркером по руке, в которой зажат пузырек с голубыми таблетками. – Вызывает естественную эрекцию, однако в случае передозировки может случиться неартритная ишемическая оптическая невропатия.

Она идет дальше, а я глотаю еще одну голубую таблетку.

Обращаясь к мальчику с розами, Бранч Бакарди говорит:

– Участников вызывают не по порядку. – Сложив ладонь чашечкой, он приподнимает провисающую, дряблую грудную мышцу и скребет под ней бритвой.

Он говорит:

– Официально это объясняют тем, что у них всего три гестаповских костюма трех разных размеров: маленький, средний и большой. И они вызывают парней, так чтобы они подходили под эти размеры. – По-прежнему бреясь, он поднимает глаза и смотрит на телеэкран, установленный под потолком. На экране идет порнофильм.

Он говорит:

– Когда подойдет твоя очередь, не жди, что костюм будет сухим, не говоря уже о том, чтобы чистым...

По всему периметру комнаты, под потолком, установлены телеэкраны.

На каждом экране – свой фильм. Жесткое порно. На одном крутят «Волшебника страны Анус». На втором – классику порно «Гроздь порева». Величайшие хиты с Касси Райт в главной роли. Снятые лет двадцать назад. На экране, куда глядит Бранч Бакарди, – он сам, только на поколение моложе, шпарит Касси Райт раком в «Шлюха идет на войну: Первая мировая. В глубоких окопах». Этот экранный Бакарди, у него не провисают грудные мышцы. Его руки – не красные от раздражения после бритья и не покрыты штриховкой вросших волос. Руки сжимают бока Касси Райт, кончики пальцев чуть ли не соприкасаются на тонкой талии. Кутикулы не очерчены темными остатками старого автозагара.

Живой Бранч Бакарди – его ищущая рука и рука с бритвой враз замирают. Он глядит на экран. Рукой, которая с бритвой, снимает темные очки. Он застыл, словно в оцепенении; движутся только глаза, взгляд мечется туда-сюда. С экрана – на лицо мальчика, и вновь – на экран. Под глазами Бакарди – набрякшие мешки. Сморщенные складки багровой кожи. На носу, под загаром – багровые вены. Точно такие же багровые вены оплетают его икроножные мышцы.

Молодой Бранч Бакарди, который сейчас вынимает свой поршень и выстреливает струей спермы прямо на эти мокрые розовые половые губы, он – просто вылитый мальчик с увядшими розами. Мальчик, которого девочка-ассистентка обозначила номером 72.

Номер 72 стоит, баюкая на руках свои розы, спиной к экрану. Стоит и не видит. Он, этот мальчик, наблюдает за действием на экране за спиной у Бакарди. Там крутят «Шлюха идет на войну: Вторая мировая. Случка на острове», где Касси Райт самозабвенно отсасывает у молоденького Хирохито, с перебивками на кадры с «Энолой Гей», приближающейся к Хиросиме со своим смертоносным грузом.

Как раз после того, как «Вторая мировая» была удостоена премии «Adult Video News» за лучшую сцену мальчик-девочка-девочка, где Касси Райт на пару с Клепальщицей Розы минетит Уинстона Черчилля, в том же году Касси взяла длительный отпуск. И целый год не снималась вообще.

После этого она вернулась к своему обычному графику: два проекта в месяц. Снялась в порноэпопее «Моби Дик: Белый дрын». Получила еще одну премию «AVN» за лучшую анальную сцену в фильме «Сунь в летнюю ночь», который имел потрясающий успех – в первый год после выхода в свет было продано более миллиона экземпляров. После тридцати Касси забросила съемки и выпустила собственный бренд шампуня под названием «Тридцать три удовольствия» – с ароматом сирени, в длинных флаконах, недвусмысленно и нарочито изогнутых на сторону. Магазины как-то не

рвались закупать партии кривобоких флаконов, неудобных в складировании, и никто не спешил делать заказы через Интернет, пока Касси не договорилась о том, чтобы ее продукт «промелькнул» сразу в двух фильмах. Во «Много шума из дрочево» актриса Казино Курвуазье ублажала себя посредством флакона с шампунем, демонстрируя, как эта длинная изогнутая емкость бьется о шейку матки, так что каждый толчок завершается неизбежным вагинальным оргазмом. Актриса Джина Гальяно проделала то же самое в «Двенадцатой дрочи», после чего все складские запасы «Тридцати трех удовольствий» в розничных магазинах были распроданы вмиг.

Но знаете что? В «Wal-Mart» были не очень довольны, что их вынудили продавать секс-игрушки в одном отделе с зубной пастой и присыпкой для ног. Это вызвало отрицательную реакцию. А потом и бойкот.

После той эпопеи с шампунем Касси Райт попыталась вернуться в кино, но здесь, на экранах под потолком, эти фильмы не крутят. Фильмы с «девочками-пони» для японского рынка – когда женщины носят уздечки и седла и исполняют элементы выездки для мужика, щелкающего кнотом. Или фильмы для фетишистов типа «Похабного лакомства», снятые в жанре «сплэш», когда красивых женщин раздевают догола, забрасывают тортами с кремом, обмазывают взбитыми сливками и клубничными муссами и поливают медом и шоколадным сиропом. Нет, здесь никто не желает смотреть ее последние киноработы и особенно «Леси, кончай!».

Среди людей, осведомленных о положении дел в современной порноиндустрии, ходят слухи, что фильм, который мы снимаем сегодня, выйдет в свет под названием «Шлюха идет на войну: Третья мировая. Последнее выступление».

В «Первой мировой шлюхе» сцена сношения раком сменяется эпизодом освобождения французского женского монастыря в Эльзасе тремя солдатами армии США. Когда начинается новая сцена, Бакарди вновь надевает темные очки. Без облачения и платка, у одной из монахинь заметны белые полоски от купальника. У всех монахинь выбриты лобки. Пальцы Бакарди растирают кожу вокруг соска, бритва начинает скрести.

Девочка-ассистентка с секундомером на шее и черным маркером в руке, проходя мимо меня, говорит:

– Эти таблетки – по сто миллиграммов, так что следите, не появятся ли у вас следующие симптомы: головокружение... – Она говорит, загибая пальцы: – ...тошнота, опухание ног и особенно стоп и лодыжек...

Я принимаю еще таблетку.

На другом конце комнаты Бранч Бакарди слегка наклоняется вперед и заводит обе руки за спину. Одной рукой он оттягивает эластичную резинку своих красных боксеров. Другой рукой сует бритву внутрь и принимается брить ягодицы.

Девушка-ассистентка проходит дальше, продолжая считать на пальцах:
– ...учащенное сердцебиение, аритмия, заложенность носа, головная боль, понос...

В тот год, когда Касси Райт вдруг прекратила сниматься и взяла продолжительный отпуск на целый год в самом расцвете своей карьеры, среди осведомленных людей ходили слухи, что она родила ребенка. Она залетела случайно, прямо на съемках, когда Бенито Муссолини не успел вовремя вынуть и спустил прямо в нее. Ходили слухи, что она родила ребенка и отдала его на усыновление.

И знаете что? Муссолини играл Бранч Бакарди.

Я принимаю еще таблетку.

4. Шейла

Пот собирается в капли.

Пот набухает бледными волдырями внутри латексных перчаток, надетых в два слоя. Известная хитрость. Мера предосторожности, позаимствованная из гейского порно: под обычный розовый презерватив надевают еще один, голубой, так что если в процессе анального секса член становится голубым, уже сразу понятно, что внешняя резинка порвалась. Двойная защита. Подлинный факт. В розовых перчатках поверх голубых – пальцы преют, пульсируют с каждым ударом сердца; пот собирается пузырями, пузыри перекатываются под латексной кожей, сливаясь с другими волдырями пота, сплавляясь друг с другом. Увеличиваясь в размерах. Скопившийся пот набухает жировыми комками на ладонях. Струйки пота текут по костяшкам, внутри латексных слоев, кончики пальцев надуваются воздушными шариками, мягкие и распухшие. Онемевшие. Потерявшие чувствительность.

Я не чувствую ничего. Только свой собственный пульс и пот, проникающий под кожу.

Латекс испачкан коричневым автозагаром. Испачкан оранжевым от картофельных чипсов и белым – от сахарной пудры или кокаина. Измазан красным – от денег, заляпанных соусом барбекю или кровью.

Я чувствую, как перекатываются водяные волдыри – когда мои пальцы обхватывают шариковую ручку или сжимают долларовую бумажку, волдыри устремляются к краю перчаток, к запястью, и вскрываются на руке, отчего руке мокро и горячо. Пот остывает и капает с локтя уже холодный.

Какой-то дровича держит пятидесятидолларовую банкноту. Держит обеими руками, растянув ее в стороны. Его руки дергают банкноту, отчего она туго натягивается и издает тихий хлопок. Раз, другой, третий. Он, этот дровича, стоит так близко, что мокрая головка его полового члена упирается мне в бедро. Нежный, как поцелуй. Крошечный стенобитный таран.

Еще пара хлопков, и я оборачиваюсь к нему. Делаю шаг назад. Опускаю глаза и смотрю на блестящую жилку секретий, протянувшуюся между моей ногой в джинсах и головкой его члена.

Дровича кладет свой полтинник мне на планшет и говорит:

– Слушай, малышка. У меня всего час на обеденный перерыв.

Он говорит:

– Босс меня точно убьет...

Я пожимаю плечами. Вытираю влажные локти о пятна пота внизу на футболке.

Ключевое понятие наших дней – свобода воли.

Вы же не станете отрицать, что у каждого взрослого человека есть право на собственный выбор?

Эти задроты. Эти унылые онанисты. Достаточно только на них посмотреть – и даже не нужно уметь читать мысли. Взять, например, этого мальчика с охапкой роз. Сразу видно, что он представляет себя этаким Прекрасным принцем из сказки. Примчался на белом коне, чтобы спасти Касси Райт от ее трагической жизни, выбранной неправильно и неудачно. Он ее моложе в два раза. Думает, один поцелуй – и спящая красавица сразу проснется и разрыдается от благодарности.

Вот за такими страдальцами надо следить в оба глаза.

По протоколу гэнг-бэнга, еще с тех времен, как Анабель Чонг установила тот первый рекорд, мужчины-участники съемок ждут своей очереди, раздевшись практически догола. Мисс Чонг ужасно боялась маньяков с пистолетами или ножами. Боялась, что какой-нибудь психопатический святоша, получающий приказы напрямую от Господа Бога, убьет ее прямо перед камерой. Подлинный факт. И поэтому всем шестистам рукоблудам приходится ждать своей очереди чуть ли не с голыми задницами.

Еще одно ключевое понятие наших дней – свобода торговли.

Вы же не станете отрицать, что у каждого есть право по мере возможностей делать деньги и использовать личную власть?

Вы же не станете ограничивать человека в его стремлениях, чтобы уберечь от потенциального несчастья? А как же профессиональные автогонщики? Или участники родео, объезжающие быков?

Эти дрыщи-рукодельники. Никто из них не удосужился прочесть и двух строк по теории феминизма, за исключением давно устаревшего бреда Андреи Дворкин. Никакой позитивной самооценки полов. Ничего, кроме цитаты из Наоми Вулф. *Яоргазмирую, следовательно, существую...* Нет, для них женщина – либо шлюха, которую надо трахать, либо заколдованная принцесса, которую надо спасать. Всегда – некий пассивный объект, предназначенный для достижения мужских целей.

Эти любители ручной стирки. Один машет мне, поднимает два пальца – средний и указательный, – и резко сгибает их по направлению к себе, как будто тут ресторан, и он подзывает официанта. Смотрю ему прямо в глаза.

Подхожу. Этот страдалец приподнимает другую руку, разжимает кулак и демонстрирует сложенную в несколько раз пятидесятидолларовую банкноту. Деньги, мятые и лоснящиеся от масла, которым полит попкорн. Влажные от лимонада из банки. С жирным пятном красной помады на одном из краев. Страдалец кладет свой полтинник мне на планшет и говорит:

– Проверь свой список, красавица. Думаю, сейчас как раз моя очередь...

Откровенная взятка.

Официально считается, что у нас есть генератор случайных чисел. Чье число выпадает, того мы и зовем на съемочную площадку.

Достаю из заднего кармана флуоресцентную ручку. Провожу линию по банкноте – проверяю, фальшивая или нет. Поднимаю полтинник, смотрю на свет от экрана – есть ли магнитная металлическая полоса. Там, за развернутой банкнотой, задница мисс Райт извивается на экране.

Запихиваю полтинник под зажим на планшете, под верхний лист с именами. Записываю номер страдальца. Задрот 573. Под этим верхним листом – толстая стопка выровненных и разглаженных полтинников и двадцаток. Пара сотен. Нехилая пачка наличности.

Я считаю, мисс Чонг в совершенстве владела искусством «управления толпой». Это была ее идея: запускать мужиков на съемочную площадку группами по пять человек. Из каждой пятерки ее трахал тот, у кого первого встало. Каждая группа проводила на съемочной площадке по десять минут, и кто сумел, тот и кончил. И хотя у некоторых не вставало вообще, и они даже не прикасались к мисс Чонг, все равно вся пятерка шла в общий счет, в эти самые 251.

Это был гениальный ход: превратить съемку в соревнование. В гонку эрекций. Плюс к тому, по данным исследований, если нескольких самцов поместить в непосредственной близости друг от друга перед половым актом, у них повышается количество семенной жидкости. Эти исследования проводились на животноводческих фермах, где быков подпускают к готовой к оплодотворению корове не поодиночке, а группами. В результате чего у быков повышается количество жизнеспособных сперматозоидов, и производительность семени значительно возрастает. Из-за более сильного сокращения мышц таза, высота и дальность струи при выбросе семенной жидкости достигают своей максимальной величины.

Наука, стоящая за всяким хорошим кадром с фонтанирующей спермой.

Увеличение аффинности и поверхностного натяжения. Повышение

вязкости. Физика хорошего кадра с выбросом спермы на лицо партнерши.

Биологический императив, только лучше. Приемы для порно на базе методов современного животноводства. Профессиональные тайны, способные уничтожить романтику любого хорошего гэнг-бэнга.

Подлинный факт.

Если вы собираете коллекцию неудачников, извращенцев на почве интимной близости, несостоятельных особей, патологически зажатых и неспособных «раскрыться» из-за боязни отказа – если вам нужно набрать образцов для изучения этих бентофагов, – просто дайте объявление в пару газет, что для съемок гэнг-бэнга требуются мужчины, и вам обеспечен богатый улов.

По утверждению британского антрополога Катрин Блэкледж, человек начинает мастурбировать за месяц до рождения, еще будучи плодом в материнской утробе. Начиная с тридцать второй недели, эта пульсация, эти резкие подергивания внутри матки – это он не пинается ножками, ваш малыш. Мелкий негодник тягает свою пиписку, весь последний триместр, без остановки.

Эта команда задротов, эта артель ручников – это они убили Sony Betamax. Определили победу формата VHS над Beta. Провели к себе домой дорогой Интернет первого поколения. Позволили осуществиться «всемирной паутине». Это их одинокие деньги оплатили создание серверов. Их онлайн-закупки порнопродукции породили целую технологию интернет-торговли и подготовили почву для появления eBay и Amazon.

Эти одинокие рукоблуды, голосуя своими болтами, они решили исход войны видеоформатов – HD против Blu-ray – за доминирующий стандарт высококачественного видео.

«Ранние последователи» – так называют эту категорию потребителей новейших электронных технологий. Ранние последователи, с их патологическим одиночеством. С их неспособностью устанавливать эмоциональные связи.

Подлинный факт.

Эти задроты, эти унылые онанисты – они ведут за собой всех нас. На что у них встанет – именно это и определяет, какие подарки захотят получить на следующее Рождество наши дети.

На другом конце комнаты – еще один неудачник пытается привлечь мое внимание. Рука поднята над головой. В руке – сложенный полтинник, зажатый двумя пальцами.

Если вам хочется поговорить о феминизме третьей волны, можно

вспомнить Ариэль Леви и идею о том, что женщины приняли мужской шовинизм по отношению к самим себе. Поехать в отпуск в Форт-Лодердейл, напиться в хлам и сверкать голыми сиськами – это не акция в поддержку расширения прав и возможностей женщин. Это ты, ты сама, сформированная и зомбированная стереотипами патриархального общества. С мозгами, промытыми настолько, что ты уже не понимаешь, что для тебя хорошо, а что плохо.

Заколдованная принцесса, такая тупая, что она даже не понимает, как у нее все запущено.

Можно вспомнить Анабель Чонг – настоящее имя Грейс Куэк, – которая перетрахалась с 251 мужчиной в том своем первом мировом рекорде, потому что хотела, чтобы и женщина тоже хоть раз побыла «жеребцом». Потому ей нравился секс, и ее откровенно тошнило от феминистских теорий, представляющих женщин, которые снимаются в порно, либо круглыми дурами, либо несчастными жертвами. В начале 1970-х Линда Лавлейс снялась в «Глубокой глотке», исходя из тех же философских посылов.

И последнее ключевое понятие наших дней – личностный рост.

Вы же не станете отрицать, что у каждого есть право испытывать себя, рисковать и стремиться раскрыть свой истинный потенциал? Чем гэнг-бэнг отличается от восхождения на Эверест? Или вы не согласны с мыслью, что секс – это действенный метод эмоциональной терапии?

О том, что Линду Лавлейс держали взаперти, истязали и заставляли сниматься насильно, стало известно совсем недавно. И о том, что когда Грейс Куэк жила в Лондоне – до того, как она стала порнозвездой, – ее изнасиловали четверо мужчин и один двенадцатилетний мальчишка.

Ранние последователи любят Анабель Чонг. Обиженные любят обиженных.

Подлинный факт.

Считаю деньги в пачке под списком имен, кончики пальцев в латексе становятся черными от соприкосновения с банкнотами. Подходит еще один сырый страдалец. Встает так близко, что едва не касается меня своим членом. Спрашивает про футболки. Где тут можно купить футболки? Я иду дальше, а он идет рядом, не отстает ни на шаг.

Я говорю ему:

– Тридцать баксов, наличными.

У него будет возможность купить футболку на выходе из здания. Сувенирные кепки, по двадцать долларов за штуку. Заказ копии фильма с автографом – полторы сотни баксов.

Мисс Райт уже надписала обложки и вкладыши в коробки. Заранее, на всякий случай. А то вдруг Господь Бог повелит дроздофилу под номером 573 задушить ее прямо на съемочной площадке. Или тот же Господь пошлет ей фатальный сердечный приступ. Пошлет наводнение или цунами.

И еще одно, самое последнее ключевое понятие наших дней – суровая реальность.

Что делать, когда разрушается вся твоя личность и все твои представления о себе? Как жить дальше, когда вдруг выясняется, что все это время ты жил неправильно?

Волдыри пота внутри перчаток – все еще розовых, значит, оба латексных слоя пока что целы. Пальцы сморщились, как чернослив. Они слишком долго пробыли во влажной среде. Кожа просоленная и старая. Защита все еще держится. Все безопасно и чисто, только пальцы вообще ничего не чувствуют – они слишком старые для остальной двадцатилетней меня.

На другом конце комнаты, в свете дюжины экранов с порно, мелькают еще два пальца. Волосатые суставы изгибаются крючком. Подзывают меня. В руке – снова деньги для взятки, сложенные так, чтобы их можно было спрятать в кулаке.

5. Мистер 600

Если без дураков, то я соврал этому малышу, номеру 72, о гестаповской форме – ну, что нас вызывают на съемочную площадку в произвольном порядке, потому что организаторы съемок взяли в прокате всего три комплекта нацистских костюмов. Малыш смотрит фильмы, которые крутят на ящиках наверху. Конкретно сейчас – фильм под названием «На золотистой блондинке». В его глазах извиваются два отражения Касси Райт, словно в двух крошечных видеомониторах. Он стоит широко раскрыв рот, и ему глубоко фиолетово все, что я говорю.

Я говорю ему:

– Только не думай, что она будет выглядеть так же классно...

Глаза этого мальчика, номера 72, они светло-карие. Точно такие же были и у меня, когда-то.

Эта девочка на экране, сосущая клитор Будлс Абсолют, когда-то она говорила, что станет единоличной владычицей всей индустрии. Прелестная, юная Касси Райт, когда она так говорила, ты сразу верил, что она сможет вылизать любого.

Но сейчас, в этой комнате, глядя на разношерстную команду членов, которых набрали на съемки, я бы сказал, что все получилось с точностью до наоборот.

Малыш, номер 72, пожирает глазами Касси и Будлс.

– Это я так пошутил, – говорю я ему и легонько пихаю локтем. Сегодня любой сможет вылизать у нее...

Чувак на другом конце комнаты, с какой-то тряпичной зверюгой под мышкой, он все время таращится на меня. Чувак под номером 137, с золотым колечком в пробитом соске. Наверняка пидор. И явно строит мне глазки.

На самом деле, говорю я парнишке, ему надо надеяться, что его вызовут в самое ближайшее время. Создатели этого фильма не зря дали ему второе название «Последнее выступление». После сегодняшних съемок никаких новых рекордов уже не будет. То, что мы делаем здесь сегодня, это останется на века. Я сам, этот малыш, чувак под номером 137, который все время глазеет на нас – после сегодняшних съемок нам всем обеспечено место в книгах рекордов.

Малыш, номер 72 – его взгляд мечется по экрану.

Он прижимает к груди эти розы, как будто они еще не превратились в

мусор.

Я говорю ему:

– Только не думай, что Касси Райт это переживет...

Нет, дело вовсе не в том, что у них всего три гестаповских костюма. Девочка-ассистент вызывает номер 45, номер 289 и номер 6. Беспорядочная подборка – полностью от балды. Но на то есть причины. Это нужно, чтобы скрыть жесткую правду: камеры будут работать даже после того, как Касси Райт упадет в кому. Эти парни, которые ждут своей очереди, они сделают свое дело, уверенные, что она просто спит. Ни одно человеческое тело не выдержит долбежа шестисот елдаков.

Я сейчас говорю о непроизвольном выбросе воздуха из влагалища, вбитом внутрь во время сношения. Или при куннилингусе, когда случайный выдох в женщину приводит к образованию воздушного пузырька, который проникает ей в кровь. Эмболия. Закупорка сосуда. Пузырек воздуха движется по кровеносным сосудам, и как только он доберется до сердца или до мозга, это будет мгновенный уход в затемнение для Касси Райт.

Я смотрю на другой монитор, где Касси отсасывает у какого-то чувака в «Шлюха идет на войну: Первая мировая». У него пухлые красные губы, похожие на дырку в пидорской заднице. Отличные рельефные трицепсы. Ни единого волоска на мошонке. Я снимаю темные очки, и этот чувак... Это я – там, на экране.

Малыш, номер 72, продолжает смотреть «Золотистую блондинку». Чувак под номером 137 продолжает разглядывать нас.

Чуваков приглашают на съемочную площадку в произвольном порядке, чтобы потом режиссер смог смонтировать отдельные эпизоды в правильной последовательности: от первого до шестисотого. После этого Касси будет стонать и извиваться под номером 599 точно так же, как и под номером 1. А в промежутке – просто лежать, как будто она спит. Только это будет не сон, а кома. Или еще того хуже. И никто ничего не заметит. Никто из нас, недоумков, не почувствует разницы, пока не выйдет официальный пресс-релиз: «Известная порнозвезда умерла прямо на съемках, установив мировой секс-рекорд».

Да, она много тренировалась. Упражнения Кегеля с дополнительным грузом. Аэробика. Пилатес. Даже йога. С такой подготовкой она могла бы запросто переплыть Ла-Манш, но, черт возьми, в этой комнате там, наверху, отдавшись на растерзание шести сотням членов, она сама – как Ла-Манш.

– Я опять пошутил, – говорю я парнишке и пихаю его локтем.

Но вот печальная правда: никто не вызовет «скорую», пока они не отснимут все до конца.

Нет, если будет расследование, каждый из этих елдометров поклянется, что Касси была жива, когда он ее паялил. Все уйдут в глухой отказ. После этого американская общественность встанет на уши. Религиозные доброхоты поднимут хай в средствах массовой информации. Как и бешеные феминистки. Правительство примет меры, и ни одна пылкая крошка уже никогда не установит новый рекорд из 601 члена.

Касси будет мертва, но мы – все шесть сотен членов, собравшихся здесь, – мы войдем в историю. Для половины из нас это будет отличный трамплин: новички смогут сделать хорошую карьеру, старички обеспечат себе триумфальное возвращение. И каждый из нас сможет напаялить футболку с надписью: «Я – член, который убил Касси Райт».

Касси Райт будет мертва, но все ее фильмы, все до единого, от «Анального зверинца» и «Спусти ей в глаз», сборника для любителей эпизодов с выбросом спермы на лицо партнерши, до классического «Лакомого кусочка», превратятся в чистое золото. «Забей ей в зад медленно». Коллекционные сборники, подарочные издания. Вечная Мэрилин Монро, богиня порно, приносящая себя в жертву.

Этот малыш, номер 72, он прилип взглядом к экрану.

Подходит девочка-ассистент, эта малышка по имени Шейла, пишет у меня на руках «600». Говорит:

– Смотрите не сбрейте сосок, – и кивает на бритву у меня в руке, на тройное лезвие, выскребающее тень щетины из-под пекторальной мышцы.

Я задаю ей вопрос:

– А кто этот педик?

Чувак с тряпичной игрушкой. Номер 137, который все время таращится на меня.

Эта девочка, Шейла, перебирает листы у себя на планшете, ведет пальцем по списку имен и номеров.

– Ничего себе, – говорит. – В жизни не догадаетесь.

Шейла показывает пальцем мне на живот и говорит:

– Вы тут пропустили одно местечко.

Она имеет в виду дорожку волос между пупком и лобковой частью. Она выбрита несимметрично.

Продолжая бриться, я спрашиваю:

– Я его знаю?

Шейла говорит:

– Вы вообще смотрите телевизор?

Я стучу рукой с бритвой по номеру «600» у себя на предплечье, и говорю, что она сама знает, кто она, а кто – я, так что лучше бы она прекратила язвить и сказала мне имя того чувака. Она все понимает прекрасно, и мне не надо ей напоминать, что будет с этим проектом, если я развернусь и уйду. Если Касси Райт перетрахает шестьсот чуваков, она побьет мировой рекорд, и этот фильм станет номером первым в сезоне. Но если ее отымеют 599 парней, тогда Касси – всего лишь изрядная шлюха. И кинокомпания пролетает фанерой.

И эта язва, она мне подмигивает. Это девочка-ассистентка, она говорит:

– Вы умный. Вы сами додумаетесь...

И уходит.

Этот чувак, номер 137, он по-прежнему смотрит на меня. Держит своего тряпичного зверя. Какой-то известный чувак с телевидения, причем его явно оттуда погнали.

Малыш, номер 72, говорит:

– Эй.

Он больше не смотрит на экран. Он смотрит на меня.

– А вы, случайно... – Он слегка наклоняет голову, щурит свои светло-карие глаза. – Вы Бранч Бакарди?

Я киваю в сторону номера 137:

– Знаешь, кто это?

Малыш, номер 72, смотрит и говорит:

– Ничего себе. Это же детектив из того сериала, ну, который шел по четвергам.

Бритва скользит по животу, ищет препятствия – сопротивление крошечных волосков, которые пока никому не видны. Я спрашиваю у парнишки: «Из какого еще сериала?»

Как зовут этого чувака?

Почему он таращится на меня?

Но малыш вновь устался на экран. Он говорит:

– Как вы думаете, я похож на нее? На Касси Райт. Как вы думаете, мы похожи?

Его светло-карие глаза впились в Касси и Будлс. Он говорит, не глядя на меня:

– Я просто так спросил, нипочему.

На другом конце комнаты чувак под номером 137 стучит пальцем себе по груди. Трогает свое золотое кольцо в соске. Потом показывает на меня, опускает глаза и вновь стучит пальцем себе по груди.

Я смотрю вниз, смотрю на себя и вижу длинную темную струйку крови, вытекающую из соска.

6. Мистер 72

Парень, который ест чипсы у стола, где буфет – к нему подходит еще один парень. На спине этого второго парня стоит номер «206». Но это не надпись фломастером, это татуировка, набитая толстыми шипастыми синими цифрами: двойка – на левой лопатке, ноль – точно по центру, на позвоночном столбе, шестерка – на правой лопатке. Парень, который ест чипсы, он набивает полный рот, жует и глотает, а рука уже тянется за следующей порцией, громкий хруст чипсов похож на скрип гравия под ногами. На руке, подносящей чипсы ко рту, написан фломастером номер «206».

Парень с татуировкой слегка пригибается, сгибает колени, а потом стремительно выпрямляется и бьет первого парня в лицо. Наотмашь, тыльной стороной руки. Бьет со всей силы, вложившись в удар целиком. Раздается звонкий шлепок. Брызги слюны и картофельной крошки летят в потолок. Звон отдается эхом, глухим эхом ударного соприкосновения твердых костяшек с костями черепа – практически напрямую. Эти костяшки смягчает лишь слой волосатой кожи. Кости черепа защищены лишь пережеванным хрустящим картофелем с солью, набитым за щеку.

Парень, который ел чипсы, теперь кашляет на полу. Парень с татуировкой расправляет плечи. Рука, нанеся удар, по-прежнему поднята над головой. Он тычет пальцем себе за спину, показывает на выбитый на спине номер. Он говорит:

– Два-ноль-шесть... это мой номер.

Он наклоняется, смотрит в глаза человека, распростертого на полу, и говорит:

– Возьми себе другой номер. – По-прежнему тыча пальцем себе на спину, он говорит: – А этот – мой.

У парня, который ел чипсы, идет кровь из носа. Выходит наружу толчками. Он продолжает жевать. Глотает. Вытирает губы рукой, размазывая красное по щеке. Вытирает еще раз, и теперь у него на обеих щеках – усы из размазанной крови.

Девушка с планшетом в руках и секундомером на шее, она подходит к ним, к этим двоим, и говорит:

– Джентльмены.

Она берет со стола пачку бумажных салфеток, отдает их парню с разбитым в кровь носом и говорит:

– Мы сейчас все уладим.

Парень с кровавыми усами шмыгает носом, втягивает в себя кровь, и тянется за очередной горстью картофельных чипсов. Его разбитые губы, распухшие от соли, сочатся кровью.

Девушка перебирает листы у себя на планшете. Парень под номером 137 подходит ко мне, встает рядом. Парень, который с телевидения. Со своим псом для автографов. Он говорит:

– Кого-то явно не кормили грудью...

Девушка с секундомером зачеркивает номер на руке парня, который ест чипсы. Пишет ему новый номер.

Парень с татуировкой, опускает руку. Он наблюдает за ними. Растирает костяшки пальцев о ладонь другой руки.

Я говорю:

– Этот, который с татуировкой, он из Суреньос, уличной банды из Сиэтла.

Я говорю номеру 137:

– Он кого-то убил, двенадцать лет отсидел в тюрьме. Вышел в прошлом году.

Парень под номером 137 прижимает к груди своего пса для автографов и говорит:

– Ты его знаешь?

Я говорю ему:

– Взгляните на его руку.

На одной руке парня с татуировкой, в ямке между большим и указательным пальцем, еще одна татуировка: две короткие параллельные черточки с тремя точками вдоль одной линии – ацтекский знак для числа тринадцать. Ацтекская нумерология и язык науатль имеют широкое распространение среди Суреньос, гангстерских группировок Южной Калифорнии. Внизу на спине этого парня, прямо над резинкой трусов, набито число «187»: статья за убийство в Уголовном кодексе Калифорнии. Рядом с пупком выколот надгробный камень с двумя датами, между которыми – двенадцать лет разницы. Срок, который отбыл этот парень.

Номер 137 говорит:

– Ты что, гангстер?

Нет, не гангстер. Я просто знаю. Мне объяснил мой приемный отец.

Другие парни, собравшиеся в этой комнате – я показываю на их татуировки. Вон тот азиат с черными полосами вокруг бицепса, он из якудзы, японской мафии. Каждая черная полоса обозначает какое-нибудь преступление, которое он совершил. Еще один азиат с татуировкой «NSA»

на спине, он тоже из мафии, из клана ниндзя-ассасинов. Парни ходят по комнате, топчутся на одном месте, ждут своей очереди – парни с маленькими крестами, набитыми на руках, на складке кожи между большим и указательным пальцем. Три дополнительные черточки сверху, расходящиеся лучами, превращают обычный крест в «крест пачуко», знак латиноамериканских банд. У других парней на том же месте наколоты три точки, образующие треугольник. Если они мексиканцы, эти три точки означают «*Mi vida loca*». «Моя безумная жизнь». Если они азиаты, точки означают «*To o can gica*». «Мне все равно».

Номер 137 говорит:

– Твой отец был мафиози?

Мой приемный отец был бухгалтером в одной корпорации, входящей в список 500 крупнейших компаний мира. Мы втроем – он, я и моя приемная мать – жили в пригороде, в доме, построенном в стиле эпохи Тюдоров, с огромным подвалом, где мой приемный отец возился со своими моделями железных дорог. Отцы соседских детей были юристами или химиками-исследователями, но они все увлекались моделями железных дорог. Каждые выходные, когда выдавалась возможность, они садились в машину и колесили по городу – проводили исследования. Фотографировали членов уличных банд. Граффити различных группировок. Проституток на панели. Мусор, грязь, бездомных наркоманов, плотно подсевших на героин. Все это они изучали, обсуждали между собой, спорили до хрипоты и старались перещеголять друг друга в создании наиболее реалистичных, наиболее подробных и жизненных сцен городского упадка, выполненных в масштабе, принятом для моделей железных дорог – у себя дома, в подвале.

Мой приемный отец брал единственный волосок от кисточки из меха норки и выводил номер «312» на спине крошечной фигурки гангстера. Превращал его в члена чикагских Vice Lords. Именно так гангстеры заявляют о своей территориальной принадлежности – делают татуировки с телефонными кодами городов. Обычно – на верхней части спины. Иногда – на груди или на животе. Парень, который ударил любителя чипсов, – у него на спине выбит код Сиэтла, территории банды Нортеньос. Так что, в общем, и неудивительно, что он такой напряженный.

Бладзы из банды «Блад» всегда перечеркивают букву «К» на своих татуировках. Так они отрицают всякую связь со своими извечными врагами из банды «Крип». Если у кого-то на татуировке перечеркнуты буквы «Б», это значит, что он из крипсов.

– Это тебе объяснил твой отец? – говорит номер 137.

Мой приемный отец. Корпящийся над своей моделью железной дороги.

Он никогда не обманывал мою приемную мать, но мог целыми днями мотаться по городу, фотографируя уличных проституток, а после сидеть у себя в подвале и раскрашивать крошечные фигурки, изображавшие этих самых проституток. Он никогда не употреблял запрещенные наркотики, но его миниатюрные джанки и нарки, сидящие на метедрине, – каждый был настоящим шедевром. Тонкой, не толще иголки, кисточкой мой приемный отец рисовал надписи на стенах миниатюрных заводов, заброшенных многоквартирных домов и дешевых ночлежек.

Я говорю номеру 137, что мне очень жаль, что его сериал сняли с эфира в прошлом сезоне.

Номер 137 пожимает плечами. Он говорит:

– Так ты приемный ребенок?

Я говорю ему:

– С самого рождения.

В ожидании своей очереди на Касси Райт, обрюзгший блондинистый парень с длинной бородой стоит, скрестив руки на груди. Его желтоватая борода – жесткая, словно окостеневшая – торчит во все стороны, не опускаясь под действием силы тяжести. Может, она просто грязная, я не знаю. Его бледные предплечья покрыты расплывчатыми черными буквами «А» и «Б», свастиками и трилистниками. Тюремные татуировки, набитые куском гитарной струны – чернилами из смешанной с шампунем сажи от сожженных пластиковых ложек и вилок. Арийское братство. Его большие веснушчатые локти затянuty вытатуированной паутиной.

Рядом с этим арийцем – мистер Бакарди. Держится согнутым пальцем за золотую цепочку у себя на шее. На цепочке висит золотое сердечко. Медальон, который когда-то носила Касси Райт и снялась с ним в бесчисленном количестве сцен. Зажав медальон двумя пальцами, Бакарди водит его по цепочке туда-сюда.

Я говорю:

– Моя настоящая мама, она известная кинозвезда. Но я не могу сказать кто.

Я говорю, что отправил ей тонны писем, на адреса кинокомпании и дистрибьюторов, даже на адрес ее агента, но она не ответила мне ни разу.

Номер 137 смотрит на цветы у меня в руках.

Я говорю:

– Я ничего от нее не хочу. Ни денег, ни чтобы она меня любила. Я просто хочу с ней встретиться. Как я понимаю, мне сейчас столько же лет, сколько было ей самой, когда ей пришлось отдать меня на усыновление.

Я не знаю, может быть, ее агент – или кто там у них занимается почтой

– перехватывал мои письма и отправлял их в мусорную корзину. Но у меня есть тайный план, как мне встретиться с ней. С моей настоящей мамой.

Номер 137 говорит:

– А ты знаешь своего настоящего отца?

И я пожимаю плечами.

На другом конце комнаты – чернокожий бритоголовый парень. У него на затылке красуется татуировка: флаг, развевающийся на ветру, флаг с номером «415», знак «черной» тюремной банды «Африканская нация Куми», отделившейся от «Семьи черных партизан». По крайней мере, так мне рассказывал мой приемный отец, сидя за своим рабочим столом с увеличительным стеклом в одной руке и тонкой кисточкой – в другой, когда он перекрашивал крошечные фигурки, прибывшие из Германии врачами, дворниками, полицейскими и домохозяйками. Покрывая их крапинками новой краски, он переделывал их в членов La eMe, мексиканской мафии; в Арийских воинов; в гангстеров с 18-й улицы. Если я подходил к нему и клал руку на стол, если я стоял неподвижно, мой приемный отец рисовал мне на руке, у основания большого пальца, «WP» и «666», отличительные знаки «Белой власти». А потом говорил: «Беги скорее мыть руки».

Он говорил: «Чтобы мама не видела».

Моя приемная мать.

Но прямо сейчас, наверно, женщина за той дверью, она – нейтральная территория. Храм, к которому совершают паломничество на коленях, за тысячу миль – дабы поклониться святыне. Как в Иерусалиме или в какой-нибудь церкви. Специально для белых расистов и для блазов, для крипсов и ниндзя – женщина, которая выходит за рамки бандитских разборок и войн за власть. За рамки расовой принадлежности, национальности и семьи. Все эти парни, что собрались здесь сегодня, они ненавидят друг друга. Может быть, где-нибудь в другом месте мы бы друг друга переубивали. Но мы все ее любим.

Нашу Священную землю. Касси Райт, нашего ангела мира.

Рядом со мной номер 137 вытряхивает на ладонь голубую таблетку – из пузырька, который он купил. Держа под мышкой своего пса для автографов, он отправляет таблетку в рот.

Кто-то наступил в лужицу крови на бетонном полу. Причем не один раз. Следы босых ног самых разных размеров протянулись кровавыми, липкими цепочками во всех направлениях.

Я спрашиваю, что он делает – я имею в виду, сейчас, – чтобы вернуться на телевидение.

И номер 137 говорит:

– *Вот это* и делаю. – И встряхивает пузырек с таблетками.

7. Мистер 137

Какой-то амбал-мексиканец правит челюсть жирному борову у буфета, а потом ко мне подходит актер, номер 72, тот, который с букетом увядших цветов, и принимается мне объяснять, в чем причина подобной агрессии. Она как-то связана с моделями железных дорог и городом Сиэтлом. С мексиканской мафией и Ватиканом. Он болтает без умолку, этот номер 72, а потом говорит:

– Мне очень жаль.

Я говорю ему: не бери в голову.

Он говорит:

– В смысле, что ваш сериал сняли с эфира.

Я говорю: все фигня.

– В смысле, все эти сплетни в журналах, – говорит номер 72. – Все эти гадости, которые про вас говорили.

Я говорю, что меня это мало волнует.

И этот актер, номер 72, говорит:

– А что вы здесь делаете? Ну, вот здесь?

Бранч Бакарди, номер 600, прижимает к кровоточащему соску кусок туалетной бумаги, и каждый раз, когда я смотрю на него, он тоже смотрит на меня. Он может подойти в любую минуту, а я даже не знаю, как начать разговор. У меня нет наготове хорошей вступительной фразы. Звезда «Педерастов Карибского моря» и «Смоки и содомита» – и он запал на меня!

И знаете что?

Нельзя же просто сказать человеку: «Привет, мистер Бранч, я в восторге от вашего дилдо...»

Все мои знакомые, и мужчины, и женщины, держат ваш член в тумбочке у кровати. Вибратор на батарейках или обычный фаллоимитатор с «ручным управлением». Ваш член – царь среди дилдо: не длинный и тонкий, как карандаш, скопированный со стояка Рона Джереми. И уж конечно, не эта массивная, неохватная дура, похожая по всем ощущениям на затор в засорившемся унитазе. Нет, Бранч Бакарди, с его идеальной длиной и диаметром – это лучшая секс-игрушка из всех, сделанных по образу и подобию знаменитостей.

Нет, может быть, это и комплимент, но такой диалог не покатит...

Вокруг слишком много практически голых мужиков – целое море

шрамов и татуировок. Коросты и сыпи. Растяжек и пятен от солнечных ожогов. Каталог всех кожных болезней и дефектов кожи. За стеной из прыщей и комариных укусов Бранч Бакарди беседует с Кордом Куэрво. Они склонились друг к другу – о чем-то шепчутся. Бакарди показывает на меня пальцем, Куэрво смотрит. Потом Куэрво кивает и что-то шепчет на ухо Бакарди, и оба смеются.

Ну и ладно, и пусть смеется. Все равно «Super Deluxe» Корда Куэрво совершенно уродский: основание диаметром с пивную банку, ствол длиной в палец и обрезанная головка размером с ластик на карандаше. Эргономический кошмар.

Конечно, всегда можно спросить у Бакарди о перспективах массового производства, о сборочных конвейерах в Китае, где рабочие вкалывают в тяжелейших условиях за символическую зарплату, упаковывают в коробки бесконечные силиконовые копии с его эрекции, еще горячие после отливки в формах из нержавеющей стали. Бессчетные члены Бакарди или эластичные розовые влагалища, сделанные по слепку с бритой муфточки Касси Райт. Китайский рабский труд. Все – вручную. Каждый волосок прикрепляется отдельно, пинцетом. Все оттенки красного, розового и голубого наносятся пульверизатором. В точности, как «в жизни», вплоть до шрама после эпизиотомии на промежности Касси. До каждой вены и бугорка Бакарди. Так же делают посмертные маски – слепки с лиц знаменитостей в промежутке между кончиной и разложением.

Еще долго после того, как Касси Райт станет старой и выживет из ума, или умрет и сгниет в земле, ее влагалище будет по-прежнему нас соблазнять и тревожить – спрятанное под матрасами, на полках под нижним бельем, в шкафчиках в ванной, рядом с потрепанными порножурналами. Или в витринах антикварных лавок – резиновая эрекция Бакарди по той же цене, что и дилдо ручной работы, вырезанные из слоновой кости для забавы одиноких, давным-давно мертвых жен китобоев с острова Нантакет.

Своего рода бессмертие.

Всегда можно спросить: Как вы относитесь к тому, что член Бранча Бакарди и влагалище Касси Райт низведены на уровень китча? Что они превратились в пошлые *объекты* типа дюшановского писсуара или уорхоловской банки консервированного супа?

Можно спросить про анальную пробку от Бранча Бакарди: Каково это – знать, что люди во всех уголках планеты ходят в школу, в церковь или на работу с вашим членом, заправленным в анус?

Каково это – видеть свой член и яйца или свой клитор и срамные губы,

клонированные бессчетное количество раз и лежащие на полке за спиной жующего жвачку продавца в секс-шопе? Или, еще того хуже, ваши самые интимные «штучки», сваленные в кучу в большом магазинном контейнере, и всякие посторонние люди хватают их, тискают, мнут и щиплют – и решают не брать, и кладут их на место, как какие-нибудь авокадо в супермаркете.

Но опять же такой диалог не покатит.

Можно попробовать рассказать забавный анекдот, правдивую историю из жизни лучшего друга. Ну, скажем, Карла. Большого поклонника «Super Deluxe» Бранча Бакарди. И вот как-то утром, сходяв по-большому, Карл заглянул в унитаз и увидел в своих испражнениях какие-то тонкие розовые загогулины. Глистов. Аскарид. Он тут же метнулся к врачу, сдал кал на анализ, но результат был отрицательный. Эти розовые волокна – это были не глисты, а кусочки резины. Резиновая крайняя плоть его «Super Deluxe» износилась и начала рассыпаться. Когда врач-проктолог произнес это слово, Карл решил, что он сам себя чувствует точно так же: изношенным и рассыпающимся на части.

Можно рискнуть рассказать историю о том, как Карл подцепил одного мужика – ну, это было давно, несколько лет назад. И вот пришли они к Карлу домой, и тут выясняется, что оба – пассивные. Чтобы все остались довольны, они решили использовать специального двустороннего Бранча Бакарди. Это совокупление сфинктеров проходило вполне себе радостно, пока – знаете что? – пока Карл не почувствовал, что его *paramour du jour* получает удовольствие от отрезка, который явно превышает отведенную ему половину. То, что начиналось как случайная анонимная связь, превратилось в некое подобие заднепроходного секс-перетягивания каната, только без узелка в центре веревки, без флажка, не позволяющего партнеру зайти на твою территорию. Никаких средств защиты от жадности. Никакой силиконовой Берлинской стены – чтобы все было честно.

Да, можно попробовать рассказать эту историю, однако известному порномонстру типа Бранча Бакарди вряд ли будет приятно услышать, что у его продукции есть недостатки.

И не дай бог, Бакарди подумает, что я и есть этот Карл. Что я придумал историю про друга, чтобы скрыть свой собственный конфуз.

У меня жутко потеют подмышки, пот проникает в тряпичную кожу мистера Тото и размывает автограф Бетт Мидлер – «Давай навсегда останемся друзьями! С любовью, Бетт», – превращая слова в размытые синие кляксы. То ли из-за таблеток, то ли из-за нервов, но я уже пропотел насквозь Кэрл Чаннинг и Барбру Стрейзанд. «Наши два дня в Париже –

это было божественно. Навеки твоя, Барбра».

Этот актер, номер 72, он перекладывает букет из одной руки в другую. Смотрит на мистера Тото и говорит:

– А какая она, Голди Хоун?

Собственно, плакать никто не станет, потому что Бетт Мидлер была подделкой. Как и Кэрол Чаннинг. И Джейн Фонда. Ну, хорошо, хорошо. Они все поддельные, если по правде. Я сам сделал все надписи, разным почерком, ручками разных цветов.

Потому что к звезде наподобие Касси Райт нельзя подходить с пустым псом для автографов. Я хотел, чтобы она написала свое имя среди целой галактики звезд. Как будто мы все – закадычные друзья.

Но если по правде, я не знаком ни с одной из этих женщин.

А после того как мисс Райт даст мне автограф, я собирался скопировать ее почерк и дописать рядом: «Это был лучший трах в моей жизни! Спасибо!»

Потому что звезду наподобие Касси Райт нельзя просить о такой глубоко личной надписи. Тем более что это неправда.

И нельзя говорить актеру наподобие Бранча Бакарди, что из-за его «Super Deluxe» у тебя образовалась мозоль на простате. Даже если это чистая правда.

Наверное, его сосок перестал кровоточить, потому что Бакарди уже не зажимает его туалетной бумагой. Теперь он перебирает пальцами цепочку на шее. На цепочке – какая-то золотая висюлька. Кулон. Бакарди берет его двумя руками и держит самыми кончиками пальцев. Подцепив ногтем крошечную защелку, открывает кулон и смотрит на то, что внутри. Это не просто подвеска – это медальон. И несомненно, внутри спрятан чей-то миниатюрный портрет или прядка волос.

Еще один вариант бессмертия.

В следующий раз, когда он посмотрит на меня, если он все-таки ко мне подойдет, может быть, я расскажу ему про Ватикан: что если вежливо попросить, смотрители музея откроют заветные ящички и покажут тебе реликвии, хранящиеся внутри. По словам Карла, в этих ящиках лежат вырезанные из мрамора мужские члены. Пенисы из алебастра, оникса, обсидиана. Ряды и ряды выдвижных ящичков, в которых покоятся древние дрыны. Каждый пронумерован, каждый соотнесен с неким кастрированным шедевром. Эта коллекция из нескольких сотен пронумерованных членов – их всех отбили от греческих и римских статуй, от египетских и византийских, и заменили гипсовыми фиговыми листочками.

Бронзовые минойские члены – отрубленные, маленькие, словно пули. Этрусские терракотовые члены, рассыпающиеся в пыль. Эти бесценные елдаки – праведные мира сего не хотят, чтобы их кто-то видел, и все же они представляют немалую ценность, и их нельзя просто выкинуть на помойку.

Как и все эти дилдо Бранча Бакарди и влагалища Касси Райт – в тумбочках возле кроватей и в бардачках автомобилей.

Я мог бы рассказать Бакарди, что первые электрические вибраторы появились в продаже еще в 1890-х годах. Первые бытовые приборы, которые были электрифицированы – это швейная машинка, вентилятор и вибратор. Американцы начали пользоваться электровибраторами на десять лет раньше, чем электрическими пылесосами и утюгами. На двадцать лет раньше, чем электрическими сковородками.

Черт с ним, с домашним хозяйством – главный наш приоритет всегда располагался у нас между ног.

Девочка-ассистентка проходит мимо, держит в руках пакет из-под картофельных чипсов, набитый доверху бумажными салфетками, измазанными в крови. В крови того актера с разбитой губой. Красная кровь и оранжевая крошка со вкусом барбекю расплываются по белой бумаге. Поравнявшись с Бранчем Бакарди, девочка останавливается на пару секунд, и он бросает в ее пакет комок туалетной бумаги, пропитанной кровью из его порезанного соска.

Глядя на девочку, мальчик с цветами, актер номер 72, говорит:

– Я ее ненавижу. – Он сжимает руки, сминая прозрачную пластиковую пленку, в которую завернуты розы. Кулаки сжимаются все крепче и крепче – пока шипы не протыкают пленку.

Глядя на девочку-ассистентку, актер номер 72 говорит:

– Я бы поспорил на что угодно, что эта стерва выбрасывает все письма, которые приходят на имя Касси Райт, независимо от того, что там внутри и как сильно хочется человеку сказать Касси, как много она для него значит.

Если он подойдет, Бранч Бакарди, я расскажу ему о Ватикане и о зрителях музея с их пыльными ящиками, где хранятся бесценные, безликие, пронумерованные члены.

Внутри его медальона лежит что-то такое, что не видно другим, но сам Бранч Бакарди долго разглядывает это «что-то». Если мерить по фильмам, которые крутят вверху, он разглядывает свой секрет в течение одновременного совокупления одной женщины с тремя мужиками... двух минетов... и одного клиторального оргазма.

И знаете что? Бакарди поднимает глаза и опять смотрит прямо на

меня. И захлопывает медальон.

8. Шейла

В нашу самую первую встречу с мисс Райт я спросила, что ей известно о римской императрице по имени Мессалина.

Наша первая встреча проходила в кафе. Мы пили капучино и постоянно толкались коленями под маленьким столиком с мраморным верхом. Мисс Райт сидела на стуле боком и смотрела в окно. Положив ногу на ногу – так, как якобы не надо сидеть, если не хочешь заработать себе варикозное расширение вен. Она смотрела в окно, не следя взглядом за теми, кто проходил мимо. Не обращая внимания на собак с поводками и на младенцев в колясках. Не глядя на меня, мисс Райт спросила, знаю ли я об актрисе по имени Норма Толмедж?

Или о Вильме Банки? О Джоне Гилберте? О Карле Дейне или Эмиле Яннингсе?

Ее накладные ресницы, увеличенные с помощью туши, не моргали вообще, даже не шевелились. Мисс Райт рассказала, что Норма Толмедж была звездой немого кино. Звездой первой величины, самой кассовой актрисой в 1923 году. Получала три тысячи писем в неделю – от восторженных зрителей. В 1927 году она совершенно случайно наступила на влажный бетон перед зданием кинотеатра «Китайский театр Граумана» и положила начало легендарному двору с отпечатками рук и ног знаменитых актеров.

А через пару лет после этого случая в Голливуде начали снимать звуковое кино. Несмотря на упорные занятия по постановке голоса в течение целого года, Норма Толмедж открывала рот – и выдавала пронзительный бруклинский визг. Джон Гилберт, ведущий голливудский актер, читал свои реплики тоненьким, звонким голосом, похожим на писк канарейки. Мэри Пикфорд, игравшая девочек и молоденьких женщин, говорила грубым и хриплым басом, как какой-нибудь дальнбойщик. Реплики Вильмы Банки совершенно терялись в ее венгерском акценте. Реплики Эмиля Яннингса – в его немецком. Реплики Карла Дейна буквально тонули в его сильном датском акценте.

На улице было пасмурно и темно. Навес над окном создавал дополнительное затемнение. Мисс Райт сидела, глядя на свое отражение – на отражение своих глаз и губ в оконном стекле кофейни, – и говорила:

– Джон Гилберт не снялся больше ни в одном фильме. Спился и умер в возрасте тридцати семи лет. Карл Дейн застрелился.

Все эти звезды, легендарные, великие актеры – все они сгинули в один миг.

Подлинный факт.

То, что сделало с ними звуковое кино, говорила мисс Райт, то же самое делает с нынешним поколением актеров технология видео высокой четкости. Слишком много информации. Передозировка правды. Сценический грим выглядит неестественно. Совсем не как кожа. В наши дни – уже нет. Губная помада смотрится, словно красная жирная смазка. Тональный крем – точно слой штукатурки. Раздражение от бритвы и вросшие волоски – с тем же успехом это могли быть и пятна проказы.

Ну, как это бывает, когда известные актеры, красавцы-мужчины, вдруг оказываются педрилами... или звезды немого кино, чьи голоса звучат в записи просто кошмарно... зрители не хотят знать всей правды. Да, им хочется правды, но в строго отмеренных дозах.

Подлинный факт.

В прошлом году мисс Райт предложили всего один сценарий. Малобюджетный мюзикл, фетишистский ремейк классической ленты Винсента Миннелли с Джуди Гарленд в главной роли – о том, как милая, невинная девушка приезжает на Всемирную выставку и влюбляется в молодого красавца-садиста. Под названием «Избей меня в Сент-Луисе».

Она выучила все песни. Начала брать уроки танцев. Но ей так и не перезвонили.

Ее отражение в стекле закрывает глаза. Ее голос – почти как шепот. Почти как колыбельная. Она вскидывает подбородок, словно подставляет лицо свету прожектора. И напевает:

– Меня пя-пя-пялили прямо в трамвае...

Она открывает глаза. Ее голос сходит на нет. Мисс Райт тяжело сглатывает слюну. Наклоняется, тянется к сумке, которая стоит на полу. Достает темные очки. Раскрывает их и надевает.

По-прежнему глядя в никуда за оконным стеклом. Не на машины на улице, не на людей, проходящих мимо. Бесконечный поток статистов. Безымянные персонажи, открывающие зонты и держащие над головами развернутые газеты, чтобы защитить волосы от дождя. Не глядя на них, мисс Райт говорит:

– Так что там ваш мозговой штурм?

Мое предложение. Почему я звонила ее агенту. И на все киностудии, для которых она снималась за последние пять лет. Писала письма. Убеждала всех и каждого, что я не какая-то остервенелая поклонница, которая преследует своего кумира.

Я спросила, известно ли ей, что надувную секс-куклу изобрел Адольф Гитлер?

И темные очки мисс Райт повернулись ко мне.

Во время Первой мировой войны Гитлер был связным штаба полка, разносил сообщения и приказы по немецким окопам, и ему было противно смотреть на то, как его соотечественники, солдаты великой Германии, посещают французские бордели. Для сохранения чистоты арийской крови и предотвращения распространения венерических заболеваний, он придумал резиновую надувную куклу, которую немецкие солдаты могли постоянно иметь при себе. Гитлер сам разработал ее внешний вид: светлые волосы и большая грудь. Но бомбежки союзников уничтожили фабрику в Дрездене, прежде чем началось массовое производство.

Подлинный факт.

Выщипанные в ниточку брови мисс Райт выгибаются вверх, приподнявшись над темными очками. В черных стеклах – мое отражение. Отражение краешка кофейной чашки с пятном красной помады. Губы мисс Райт произносят:

– А вы знаете, что у меня есть ребенок?

Стекла ее очков отражают меня, одетую в твидовый костюм. Мои пальцы скользят по застежке, открывают портфель. Мои волосы зачесаны назад и собраны в узел на затылке.

Что касается моего предложения, я хотела построить сценарий вокруг этой первой секс-куклы. Рассмотреть этот вопрос во всех аспектах. С исторической точки зрения. С позиции нацистов. Соединить занимательную историю и воспитательные элементы.

Губы мисс Райт произносят:

– Да, у меня есть ребенок. Когда я родила, мне было примерно столько же лет, сколько вам сейчас.

Если осуществить этот проект с секс-куклой Гитлера, если сделать все правильно, говорю я мисс Райт, то она заработает кучу денег для этого ребенка. Кем бы он ни был теперь, мисс Райт сможет создать для него доверительный фонд на учебу в университете, дать ему денег на первый взнос для покупки дома или стартовый капитал для открытия собственного дела. Кем бы ни стал теперь этот ребенок, он будет вынужден ее полюбить.

Мисс Райт отворачивается от меня и смотрит на свое отражение в оконном стекле. На отражение своего отражения в своем отражении – между оконным стеклом и черными стеклами очков. Все эти Касси Райт уменьшаются в размерах и исчезают в бесконечности.

Мисс Райт рассказала, что в детстве она посещала воскресную школу,

и там девочек заставляли ходить в косынках, чтобы уши всегда были закрыты. Потому что в Библии сказано, что Дева Мария забеременела от того, что Святой Дух прошептал ей на ухо. Как будто уши – это влагалища. Вот такая была идея. Что, услышав хотя бы одну нехорошую мысль, ты теряешь невинность. Одна излишняя подробность – и ты погибла. Передозировка информации.

Подлинный факт.

Нехорошая мысль укоренится в тебе и прорастет.

Мисс Райт, ее темные очки отражают меня. Отражают, как я раскрываю папку. Достāju контракт. Снимаю с ручки колпачок и протягиваю ее через столик. Мое лицо – совершенно спокойное и уверенное. Мои немигающие глаза. Мой твидовый костюм.

Ее губы произнесли:

– Кажется, я чувствую запах шампуня «Тридцать три удовольствия»?

Она улыбнулась:

– Так кто эта...

Римская императрица Мессалина.

– Мессалина, – повторила мисс Райт и взяла ручку.

9. Мистер 600

Этот малыш, номер 72, разыскать его – проще простого. Теперь, когда его розы начали рассыпаться, за ним по всей комнате тянется след из увядших лепестков. Чувак номер 72, этот мальчик – лепестки белых роз осыпаются, тянутся следом за ним, пока он ходит за Шейлой и спрашивает у нее:

– А когда моя очередь? Уже скоро?

Глядя на цветы у себя в руках, он говорит:

– Это правда?

Он говорит:

– Думаешь, она умрет?

Чувак номер 137, который с телевидения, говорит:

– Да, девушка, когда можно будет взглянуть на тело?

Малыш номер 72 говорит:

– Не смешно.

И эта девочка, Шейла, она говорит:

– А с чего бы мисс Райт умирать?

Нас здесь шестьсот мужиков, ожидающих своей очереди. В этой комнате. Мы вдыхаем и выдыхаем все тот же воздух уже по третьему или четвертому кругу. Кислорода почти не осталось – только сладкая вонь лака для волос. Одеколونا «Stetson». «Old Spice». «Polo». Кисловатый дым марихуаны из крошечных трубок. Чуваки, стоящие у буфета, поглощают пончики в сахарной пудре, начо с сыром и перцем чили, арахисовое масло. Они глотают и одновременно пердят. Их отрыжка – испарения черного кофе, киснувшего в желудках, – выходит наружу сквозь комки «Juicy Fruit». Запах розовой жевательной резинки или политого маслом попкорна. Едкий химический запах фломастера Шейлы. То, что осталось от запаха роз в руках у малыша.

Запах раздевалки спортивного клуба – от босых ног какого-то чувака. Мы вдыхаем его, словно запах тех французских сыров с ароматом кроссовок, которые ты носил целый год в школе на физкультуру и ни разу не потрудился помыть и проветрить.

Куэрво нанес такой толстый слой автозагара, что его локти липнут к бокам. Ноги липнут к бетонному полу. Когда Куэрво делает шаг, его кожа отлепляется от пола со звуком бинта, который резко сдирают с раны.

В туалете – единственном на шестьсот человек – пол залит мочой, так

что чувакам приходится мочиться, стоя у двери и изо всех сил стараясь попасть в унитаз или раковину. Запах, идущий от этой двери, – тот же запах ты чувствуешь, когда спокойно идешь по улице, и вдруг нога не отталкивается, а скользит, и ты понимаешь, что вляпался в собачье дерьмо, еще до того, как тебе в ноздри бьет запах, который потом намертво прилипает к подошве ботинка.

Куэрво поднимает руку, производя этот самый звук отрываемого бинта, когда кожа отклеивается от кожи, щедро намазанной бронзером. Куэрво поднимает локоть, нюхает свою подмышку и говорит:

– Надо бы побольше одеколона.

От малыша, номера 72, пахнет свежим дезодорирующим мылом. Мятным зубным эликсиром.

Я бросаю приманку, спрашиваю чувака, номера 137, в первый ли раз он работает перед камерой?

Чувак, номер 137, качает головой, источая запах сигарет, явственно различимый за запахом его тряпичной зверюги, пропитанной подмышечным потом.

Я говорю, чтобы он не увлекался этими пилюльками для стояка. Прямо сейчас, наблюдая за ним с другого конца комнаты, чуваки делают ставки, как быстро он свалится с сердечным приступом. Ему надо бы посмотреть на себя в зеркало. Лицо покраснело, вены на лбу выпирают зигзагами молний. Я говорю, может быть, ему тоже стоит сыграть и поставить какие-то деньги на точное время. По крайней мере у него будет шанс выиграть несколько баксов, когда случится передоз.

Малыш, номер 72, говорит:

– Касси Райт – настоящая звезда. С чего бы она вдруг решила покончить с собой?

Быть может, по той же причине, что и суперзвезда Меган Ли, которая снялась за три года более чем в полусотне фильмов и купила своей матери особняк стоимостью в полмиллиона долларов. И только потом звезда «Али-Попы и сорока развратников» и «Робососки» выстрелила себе в голову.

Нет на свете ребенка, который бы не мечтал вознаградить родителей – ну или наказать.

Именно поэтому порномонстр Кэл Джаммер застрелился, стоя под дождем перед домом своей бывшей жены.

Именно поэтому порнодива Шона Грант застрелилась из 22-калиберной винтовки. А Шэннон Уилси, белокурая богиня порно, известная под псевдонимом «Саванна», заперлась в гараже и пустила себе пулю в лоб. Я бы поставил на то, что Касси Райт собирается обеспечить

безбедное будущее своему ребенку, которого она родила, будучи еще совсем юной. Если Касси сегодня умрет после съемок, ее гонорар за «Шлюха идет на войну: Третья мировая» вместе с доходом от продажи футболок, дамского белья и секс-игрушек, не говоря уже об отчислениях за все фильмы, в которых она снялась, обеспечат такой приток прибыли, что этот ребенок станет не просто богатым, а до неприличия богатым. Настолько богатым, что сможет простить Касси за все. За то, что она залетела. За то, что бросила ребенка. За то, как бездарно, беспутно, неправильно и никчемно она прожила свою жизнь – и умерла, как жила.

Приняв наказание от шести сотен болтов, Касси Райт получит прощение.

Лично я, говорю я чуваку номер 137, собираюсь добавить на свои дилдо тисненый слоган. Рельефными буквами у основания: «Член, который убил Касси Райт...» На самой толстой его части, так что если его провернуть, выпуклые буквы будут стимулировать клитор.

– У вас есть свой дилдо? – спрашивает номер 137. У него изо рта пахнет каким-то дешевым и крепким бухлом из припрятанной фляжки. Восковой запах помады. Этот чувак красит губы.

Есть, говорю, можете не сомневаться. Дилдо шести разных цветов, одна анальная пробка и двусторонний искусственный член «великанских» размеров. Плюс к тому в разработке – надувная кукла в натуральную величину.

Номер 137 говорит:

– То есть вам есть чем гордиться.

Да, говорю, в свое время у меня выходило по десять тысяч экземпляров в месяц. Моя доля – десять процентов от преysкурантной цены. Что касается других чуваков, скажем, того же Куэрво, – они добавили пару дюймов к своим изделиям. Может быть, изначально Куэрво представил реальный слепок, но то, что в итоге поступило в продажу, – оно было намного длиннее и толще, чем есть у Куэрво на самом деле. Он мог только мечтать о таких размерах. Сам Куэрво называет свое изделие «лицензированной достоверной копией», но это лживая реклама. Нечего называть продукт точным воспроизведением оригинала, если он таковым не является.

Малыш, номер 72, стоит чуть поодаль, его белые розы роняют лепестки. Он трогает серебряный крестик у себя на шее, трет его пальцами.

При каждом вдохе и выдохе я чувствую, как золотой медальон, который дала мне Касси, легонько подпрыгивает у меня на груди. Внутри этого крошечного золотого сердечка перекачивается таблетка. Золото –

липкое от крови из порезанного соска.

– А это действительно Корд Куэрво? – говорит номер 137. Прищурившись, смотрит сквозь клубы конопляного дыма и одеколona и говорит: – Звезда «Всади мне пожалостней» и «Как важно быть скабрeзным»?

Я киваю и говорю ему:

– И еще «Леди Уиндермир – попка веером».

Первоклассные, элитарные ленты – все до единой. Я машу рукой Корду, и он машет в ответ.

Номер 49. Номер 567. Номер 278. Чуваки, которых вызывают, они все хватают свои пакеты с одеждой и поднимаются следом за Шейлой по лестнице. Обратнo не возвращается никто – только Шейла. Я бы поставил на то, что тех, кто исполнил свою работу, выпускают наружу через какой-нибудь другой выход. Чтобы не рисковать. Чтобы никто не вернулся в общую комнату и не рассказал остальным, что их ждет. Узаконенный стандарт для процедуры гэнг-бэнга называется «мгновенным сексом во всех проявлениях», что означает, что можно пользоваться любой дыркой – влагалищем женщины, ее задницей или ртом, – и любым инструментом, а именно членом, пальцем или языком, – но не дольше одной минуты. То есть тыходишь следом за Шейлой в ту дверь и уже через минуту выходишь. Кончил ты или нет – это вообще никого не волнует. Тебя выпихивают наружу через какой-нибудь пожарный выход, не дав даже натянуть штаны.

Номер 137, который по-прежнему щурится на Корда, говорит:

– Жалкое зрелище.

Он кивает на Бимера Бушмилса и Барка Бейлиса и говорит:

– Представьте себе человека со складом ума, который всегда остается на уровне половозрелого, сексуально озабоченного юнца; человека, посвятившего всю жизнь тяганию тяжестей и эякуляции «по звонку», строго в нужный момент. Он вызывающе не желает взрослеть, он задержался в подростковом возрасте, он бодр и молод душой и телом – до тех пор, пока не проснется однажды утром обрюзгшей и дряблой развалиной средних лет.

Честное слово, когда этот чувак говорит про «обрюзгшую развалину», он смотрит на меня в упор, хотя, может, он просто смотрел на меня. Я говорю: это не самое страшное, что может случиться. Допустим, чувак отыграет два сезона в популярном телесериале, а потом потеряет роль из-за какого-то грязного секс-скандала, причем он уже настолько прочно ассоциируется со своим сериалом – где он играл роль, ну, скажем, какого-

нибудь туповатого частного детектива, – что его уже не приглашают сниматься в каких-то других более или менее пристойных проектах. Я говорю, что вот *это* – уже настоящая трагедия.

Я говорю этому чуваку, номеру 137, что если он хочет прикрыть залысину, у меня в сумке есть классный спрей, который может его спасти. Большим пальцем ноги – я всегда надеваю на съемки вьетнамки, – большим пальцем ноги я показываю на след из выпавших волос, который тянется за ним по пятам. Лепестки роз, волосы или бронзер – мы все оставляем следы.

Глядя на волосы на бетонном полу, потом – на меня, а потом – на Шейлу, которая на другом конце комнаты изучает листы у себя на планшете, номер 137 орет дурным голосом:

– Иди сюда, детка!

Он орет:

– Может, устроим с тобой небольшой дружеский петтинг?

Я спрашиваю у него, у этого номера 137, ему что, больше нечем сегодня заняться? К примеру, пойти на какие-нибудь кинопробы? Со мной-то все ясно, говорю я ему. Я могу подождать. Благодаря тому, что мы сделаем сегодня – с этой женщиной, там, наверху, – какому-то ребенку, которого она даже не знает, уже не придется работать ни дня в этой жизни. Сегодня все идет к тому, что мне поневоле придется стать мистером Самым Последним.

Глядя на малыша, номера 72, этот чувак говорит:

– Интересно, а по сколько детей было у каждого из этих мужчин, которые всю жизнь снимаются в порнофильмах?

Глядя на меня, номер 137 говорит:

– Если мы все действительно оставляем следы.

Я говорю, что такого не было ни разу.

И номер 137 говорит:

– Красивый медальон.

Он протягивает руку к медальону Касси у меня на груди, к этому маленькому золотому сердечку в корке запекшейся крови. Его ногти сияют, отполированные до блеска и покрытые бесцветным лаком.

10. Мистер 72

Я говорю этим ребятам:

– Дети порно.

Встряхнув розами в сторону номера 137 и Бранча Бакарди, я говорю:

– Они существуют.

Лепестки роз летят во все стороны, а я говорю:

– Дети, которых зачали во время съемок порнухи. Я имею в виду, прямо на съемочной площадке.

Мистер Бакарди качает головой и говорит:

– Это все выдумки.

Парень под номером 137 говорит:

– Внебрачный ребенок. Дитя любви.

– «Дитя любви»... Назвать так ребенка, зачатого во время съемок гэнг-бэнга в жанре анального садо-мазо, можно разве что с большой натяжкой, – говорит мистер Бакарди.

А я говорю им, что это совсем не смешно.

Номер 137 говорит:

– Нет, подождите.

Он говорит:

– Ходят слухи, что на съемках «Рабочих ртов округа Мэдисон» исполнительнице главной роли заделали ребеночка.

Мистер Бакарди говорит:

– Нет.

Он качает головой и говорит:

– Она сделала аборт.

Номер 137 говорит:

– У киношников это называется «неудачный дубль».

Я говорю им, что это совсем не смешно. У меня так дрожат руки, что лепестки роз засыпают весь пол у меня под ногами.

Бранч Бакарди спрашивает у меня:

– И у кого? Можешь назвать хотя бы одну актрису, у которой был порноребенок?

Я показываю на экран, где Касси Райт с рисовой пудрой на щеках и с густо подведенными черным глазами играет скромницу-гейшу в «Желтых телках на белом снегу». Касси Райт, говорю. У нее был ребенок.

Ее родители жили в Монтане и живут там до сих пор. Ее мама по-

прежнему работает в районном отделе школьного образования, а папа – в химчистке. Говорят, что двадцать лет назад Касси приехала к родителям и сообщила им, что беременна. Она была совсем не похожа на беременную. Она осветлила волосы и похудела почти в два раза, благодаря строгим диетам. Она приехала на черном как ночь «камаро» – новеньком, еще с дилерскими номерами. Их малышка, их доченька, рассказала, что только что снялась в своем первом шедевре, «Шлюха идет на войну: Первая мировая», и попробовала объяснить, что значит кадр с внутренним выбросом. И иногда что-то не получается – так бывает. Касси сказала, что у нее три недели задержки и что она уже купила тест на беременность. Она попросила родителей, чтобы они ей разрешили остаться у них, пока не родится ребенок, но они ей сказали, что нет. Снявшись в «Мировой шлюхе», Касси вмиг стала звездой, а ее родной город был слишком маленьким – там все знали всех, – так что блудную дочь там узнали бы сразу.

Мама Касси втайне пересылала ей деньги, каждую неделю. И папа – тоже. На ее городской адрес. Но ребенка они не видели ни разу.

Номер 137 и Бранч Бакарди смотрят на меня. Просто смотрят – и все. Номер 137 поглаживает своего тряпичного пса. Мистер Бакарди вертит в руке золотой медальон, который висит у него на шее. Растирает его двумя пальцами, указательным и большим.

– Родители, – говорит мистер Бакарди, – хрен дожدهшься от них понимания и сочувствия. Поимеют тебя на раз.

Я говорю, это не шутки. Дети порно – это не просто побочный продукт секс-индустрии. Не мясные обрезки порнобизнеса. Не нежелательные последствия типа вируса герпеса или гепатита.

Номер 137 поднимает руку и шевелит пальцами, пока я не умолкаю.

А он говорит:

– Погоди. А что значит «кадр с внутренним выбросом»?

Я смотрю на него и молчу.

– Я объясню, – говорит мистер Бакарди.

Я киваю. Пусть объясняет.

Бранч Бакарди поднимает глаза и откашливается, прочищая горло. Говорит скучным и ровным голосом, как будто читает по книге:

– Актер-мужчина кончает в партнершу. Без презерватива. Когда он вынимает, актриса резко сокращает мышцы тазового дна, так чтобы сперма вытекла из влагалища.

Лицо номера 137 становится белым. Бледный, с широко распахнутыми глазами, он говорит:

– Не самый надежный способ контрацепции...

Я тоже так думаю.

Но, говорит мистер Бакарди, если хочешь, чтобы продукция продавалась в Европе, надо сниматься без презерватива. Он по-прежнему смотрит вверх, на «Желтых телок», где Касси Райт насильно увозят в японско-американский лагерь для интернированных.

Мистер Бакарди по-прежнему вертит в руке свой медальон.

Он говорит:

– Она была такая красивая...

Номер 137 вздыхает и говорит:

– Лицо, на которое спускали, наверное, тысячу раз.

Я пытаюсь сказать, что эти дети – не выдумка. И не шутка.

Еще одна порция лепестков осыпается на пол.

Бранч Бакарди говорит:

– Можешь назвать хотя бы одного?

Там, на экранах, Касси, одетая в кимоно, опускается на пыльный пол лагерного барака в пустыне в Неваде. На заднем плане пузырится джакузи, набитое голыми хихикающими красотками с лицами, напудренными белой рисовой мукой. Они поливают друг друга sake. В барак входит комендант лагеря с хлыстом в руках.

От моих роз почти ничего не осталось. Только стебли и шипы.

Девушка с планшетом и секундомером проходит через всю комнату, подходит к буфету. Свободной рукой я машу мистеру Бакарди и парню под номером 137, чтобы они наклонились поближе ко мне. Понизив голос, тише ударов хлыста, я шепчу.

Стучу себе в грудь указательным пальцем и произношу одними губами:

– Это я.

Я не выдумка и не глупая шутка.

Я и есть этот порноребенок.

11. Мистер 137

Знаете что? Все дело в этом проклятом шампуне. В этой гадости под названием «Тридцать три удовольствия», которую выпустила Касси Райт. Ну и что, что форма флакона идеально подходит для всякого разного... Но если ты пользуешься шампунем, что называется, по назначению, в течение буквально двух дней, ты начинаешь лысеть. И все эти жертвы – лишь для того, чтобы мисс Райт почувствовала запах шампуня от моих волос и сочла это тонким комплиментом.

Хотя она вряд ли хоть что-то почувствует. Здесь воняет, как на скотном дворе.

Качая головой, Бранч Бакарди разглядывает подвижную толпу практически голых мужиков. Показывая на актера под номером 72, который стоит на другом конце комнаты, на пяточке, усыпанном белыми лепестками роз, Бакарди говорит:

– Видишь того чувака?

Бакарди говорит:

– Похоже, у малыша не встанет.

Он переворачивает руку, которой показывал, ладонью вверх и говорит:

– Слушай, друг, поделись пилюльками.

Бакарди протягивает мне ладонь в подтеках коричневого бронзера. Смотрит на меня. Потом – себе на ладонь. Потом – опять на меня. Смотрит и говорит:

– Дашь мне таблеточку?

Я говорю, у него есть свои.

Бакарди качает головой:

– С собой – нет.

Я тоже качаю головой и говорю, что мне нужен запас. А у него есть своя таблетка. В этом симпатичном девчоночьем медальоне в форме сердечка. Вот пусть свою и принимает.

Схватившись рукой за золотой медальон у себя на груди, Бранч беззвучно открывает рот. С трудом сглатывает слюну, так что кадык ходит под кожей. Стуча пальцем по медальону, Бранч говорит:

– Это другая таблетка.

Он говорит:

– Чувак, выручай.

На другом конце комнаты, у самой дальней стены, стоит актер номер

72. Вертит в руке свой серебряный крестик. Растирает его двумя пальцами, большим и указательным. Его глаза смотрят куда угодно, только не на Бакарди и не на меня. В другой руке он по-прежнему держит букет.

– К тому же, – говорит Бакарди, с такой силой стуча пальцем по медальону, что эхо ударов отдается в его груди глухим низким звуком, – это – для одного друга.

Он говорит:

– Мне просто дали ее на хранение.

Он – Бранч Бакарди. Я говорю, что ему не нужны вспомогательные препараты.

У него и так встанет.

– А ты – Дэн Баньян, – говорит Бакарди.

Я говорю, что я *был* Дэном Баньяном.

Актер номер 72, он выдает свой секрет – словно швыряет в нас бомбу, свое сверхсекретное оружие, – а потом с виноватым, пристыженным видом отходит подальше. Его босые ноги шлепают по бетонному полу. Он отходит подальше, громко топая по холодному бетону, рассыпая лепестки роз.

– Зачем Баньяну пилюльки? – говорит Бакарди. Он сгибает в локте руку, покрытую слоем бронзера. Бицепс и трицепсы ходят под кожей. Он сгибает и разгибает руку, его номер «600» растягивается и сжимается. Его рука словно живет своей жизнью. Живет и дышит. – Чуваку типа Баньяна, частному детективу, который пялил по десять телок за серию, не нужны никакие пилюльки. Чуваку, не пропустившему ни одной клиентки, ни одной свидетельницы, ни одной адвокатши. – Бакарди говорит: – Баньян – монстр секса...

Кивая на номера 72, я говорю:

– Надо признать, он похож на нее.

Прямо над головой номера 72 висит телевизор. На экране мисс Райт произносит пламенную речь о гражданских правах и расизме. Это секс-комедия о юной студентке второго курса, которая приезжает домой на Рождество и сообщает любящим родителям, что встречается с предводителем «Черных пантер». Фильм называется «Угадай, кто кончает за обедом». При повторном релизе: «Падение черного дилдо».

– Чувак, – говорит Бакарди. – Я тебе заплачу. Потом.

Он протягивает руку и говорит:

– Честное слово.

Я кладу в рот еще одну таблетку. Теперь в пузырьке стало на одну меньше.

– Пятьдесят баксов, – говорит Бакарди. – Наличными.

Я глотаю таблетку. Киваю на номера 72 и говорю:

– Этот юный страдалец, он и на вас тоже похож.

Бакарди смотрит. На молодого актера с его облетевшими розами. Потом – на мисс Райт, которая, растянув губы, берет в рот огромный черный дрын.

Он говорит:

– Не было такого.

Глядя на медальон у него на груди, на золотое сердечко в корке запекшейся крови от порезанного соска, я говорю:

– У вас есть таблетка, вот ее и примите.

– Я поэтому и держусь в нашем бизнесе столько лет, – говорит Бранч Бакарди. – У меня холостые заряды. Я не способен зачать ребенка. – Щелкнув пальцами, Бакарди говорит: – Одна пилюлька, и я подпишу тебе твоего зверя.

Мистера Тото. Моего пса для автографов. С ручкой, заткнутой за ухо. Я пожимаю плечами. Ну, ладно. И отдаю мистера Тото Бакарди. Коричневые пальцы сжимают тряпичного пса. Я стою жду.

Бакарди сосредоточенно водит ручкой по тряпичной ноге мистера Тото. Потом поднимает глаза и говорит:

– Ты знаком с Иваной Трамп?

Он поднимает глаза и смотрит на меня:

– И с Тиной Луис? Это которая из «Острова Гиллигана»?

Он говорит:

– И как она?

Его зубы, они слишком белые. Неестественно белые. Как керамический кафель в подземке. Как полицейские автомобили. Как сантехника в общественных туалетах. Человек, на которого равнялось целое поколение мужчин. Живая легенда порнухи. Человек-стояк.

Я спрашиваю: А вы правда стерильны?

Бакарди вертит в руках мистера Тото, читает надписи.

Он читает:

– Элизабет Тэйлор... Дебора Харри... Натали Вуд...

Он отдает мне пса и говорит:

– Да, впечатляет.

Мистер Тото весь перепачкан в бронзере, заляпан коричневыми отпечатками пальцев. Подпись Бакарди – две огромные черные буквы «Б», переходящие в нечитаемые каракули.

Я забираю мистера Тото и говорю:

– А теперь – пятьдесят долларов.

Бакарди фыркает, поникает плечами, у него отвисает челюсть, так что тяжелый квадратный подбородок едва не касается бритой груди.

– Чувак... – Бакарди говорит: – Как же так? Почему?

Теперь уже я протягиваю руку ладонью вверх и говорю:

– Потому что Дэну Баньяну надо выплачивать взносы за дом и за машину. И расплачиваться по кредитам. Потому что конкретно сейчас вам нужна эта таблетка, а мне нужны деньги.

Там, на другом конце комнаты, номер 72 вроде бы направляется обратно к нам. Только не по прямой, а по кругу. Он подходит к буфету, съедает пару картофельных чипсов. Потом подходит к девочке-ассистентке, говорит что-то ей на ухо, и она перебирает листы у себя на планшете. И все-таки он направляется к нам, к нам с Бакарди.

Девочка-ассистентка кричит:

– Джентльмены, минуту внимания. – Глядя на лист у себя на планшете, она кричит: – Мне нужны следующие номера...

Мужики у буфета прекращают жевать. Ветераны замирают, пластмассовые бритвенные станки висают над лоснящейся кожей икроножных мышц и ягодиц. Мужчины с мобильными телефонами, прижатыми к уху, или с беспроводной гарнитурой – они умолкают, прерывая разговоры, и внимательно слушают.

– Номер 21... – кричит девочка-ассистентка. – Номер 283... и номер 544.

Она разглаживает листы на планшете, поднимает руку и машет.

– Идите за мной, джентльмены.

Я встряхиваю пузырек с таблетками, теперь уже полупустой, так что оставшиеся таблетки гремят внутри, и говорю:

– Уф, пронесло.

Я говорю:

– В общем, либо давайте полтинник, либо принимайте свою таблетку, которую вам отдали на хранение.

Бранч Бакарди делает глубокий вдох, его пекторальные мышцы, широчайшие мышцы и косые мышцы живота раздуваются и бугрятся. Он тяжело вздыхает. Дыхание отдает мятой.

Он вздыхает и спрашивает:

– А что, у тебя правда что-то было с Долли Партон?

У меня так колотится сердце, что в ушах шумит кровь. Я закрываю один глаз. Открываю его. Закрываю другой. Открываю. Я еще не ослеп. Еще нет.

Чей-то голос произносит:

– Можно мне с вами поговорить?

Мужской голос.

И знаете что? Это номер 72. Он стоит совсем близко. Буквально в паре шагов за спиной у меня и Бакарди.

Бранч Бакарди стучит коричневым пальцем по золотому медальону. Вокруг ногтя – темно-коричневый контур. Бакарди говорит:

– Это не просто таблетка, это волшебное средство.

Стуча пальцем по медальону, он говорит:

– Не важно, где у тебя болит, эта штука излечит тебя в момент.

Он улыбается. Его коричневые губы растягиваются, закрывают вставные зубы.

Бранч Бакарди говорит:

– Верное средство от всех болезней.

Обернувшись к молодому человеку, номеру 72, я слегка наклоняюсь вперед, раздвигаю руками волосы на макушке, чтобы ему было лучше видно, и говорю:

– Я что, правда лысею?

12. Шейла

Мисс Райт бежит трусцой по пешеходной дорожке, высоко задирая ноги, согнутые в коленях. Ее бедра туго затянуты в черные велосипедные шорты. Грудь подпрыгивает под белым спортивным бюстгалтером, ритмично раскачиваясь из стороны в сторону. Локти согнуты в форме двух «L», кисти расслаблены. Ноги, обутые в теннисные туфли, шлепают по бетонной дорожке.

Кожа на животе загорелая, упругая, гладкая. Без единой растяжки. Как будто она никогда не рожала.

Черный спандекс у нее между ног набухает, растягивается, и там образуется какая-то странная выпуклость. Это не просто «верблюжья лапка». Не очертания клитора. Промежность мисс Райт разбухает, выпирает наружу, подскакивает вверх-вниз. Еще один шаг – и эта шишка внутри ее велосипедных шорт начинает сдвигаться вниз по ноге. Дюйм за дюймом под черным спандексом.

Мы бегаем в парке, где зеленая трава. Мисс Райт поглядывает на листья, подколотые в папку, раскрытую у меня в руках. Каждый лист представляет собой кармашек из прозрачной полиэтиленовой пленки. Внутри вставлены фотографии. По шесть фотографий на каждой странице. Это снимки мужчин, поясные портреты. Внизу каждого снимка – номер, написанный черным фломастером. Шестьсот с гаком самцов, подписавшихся на наш проект. Эти задроты с комплексом неполноценности. Извращенцы и недоумки, у которых есть справки о том, что у них нет гепатита. Одной рукой я прижимаю папку к животу, а другой держу ручку и листаю страницы.

При каждом шаге край папки больно врезается мне в пупок. Тяжеленная папка на сто с чем-то страниц.

Эта штука под шортами мисс Райт – она уже доползла до резинки внизу штанины. Резинка растягивается и извергает наружу розовый шарик, блестящий и мокрый. Шарик скачет по серому бетону, оставляя следы – темные влажные пятнышки. Одно, второе, третье.

Мисс Райт шепчет:

– Блядь. – Произносит одними губами и хлопает себя по ноге. Там, откуда розовый шарик вывалился наружу.

Розовый мячик скачет назад по бетонной дорожке, оставляя влажные следы. Четвертое, пятое, шестое. Седьмое, восьмое, девятое. А потом из

травы вылетает собака и хватает мячик зубами. Черная маленькая собачка, не больше кошки – с заостренными ушками, гладкая и лоснящаяся, как тюлень, на тонких лапках, похожих на спички, – она хватает мячик зубами и убегает обратно в траву.

Мисс Райт останавливается, смотрит вслед убегающей собачонке и говорит:

– Знаешь фильм «Волшебник страны Оз»?

Она говорит:

– Собака, которую сняли в роли Тото, это был керн-терьер по имени Терри.

Глядя вслед своему розовому шарiku, исчезающему вдалеке, мисс Райт говорит:

– В сцене, где стражники злой колдуньи гонятся за Тото на выходе из замка, в последнем дубле на подъемном мосту кто-то из стражников резко рванулсЯ вперед, споткнулся и грохнулсЯ прямо на Терри. И сломал Тото задние лапы.

Пес «выпал» из съемок на несколько недель. Подлинный факт.

Мисс Райт бежит дальше, высоко задирая ноги. Руки согнуты в локтях, кисти расслаблены. Она продолжает рассказывать. На съемках того же «Волшебника страны Оз» актер Бадди Эбсен чуть не умер из-за тяжелойсЯ аллергической реакции на алюминиевый порошок, содержащийся в его гриме Железного Дровосека. Актриса Маргарет Хэмилтон, игравшая злую волшебницу Запада, получила серьезные ожоги лица и правой руки, когда загорелсЯ ее зеленый грим с оксидом меди – в сцене, где злая колдунья покидает свои владения в огненном шаре.

Роль Бадди Эбсена отдали Джеку Хейли. Маргарет Хэмилтон полтора месяца пролежала в больнице.

Мисс Райт смотрит на шесть фотографий на открытой странице. В папке, которую я держу. Очередная шестерка задротов и спермометателей. Продолжая бежать, мисс Райт говорит:

– Чего только не делают актеры ради своего ремесла.

Она говорит, розовый шарик был отлит из силикона. Весом две с половиной унции. Двадцать миллиметров в диаметре. Упражнение Кегеля. Вставляешь шарик себе во влагалище и напрягаешь мышцы тазового дна. В древности азиатские женщины вводили себе во влагалище два металлических шарика с ртутью и ходили так целыми днями. Ртуть перемещалась внутри, отчего шарики перекачивались, стимулируя и возбуждая женщин, а вес шаров укреплял мышцы влагалища. Вечером мужья возвращались домой, и распаленные за день жены буквально

бросались на них и желали сношаться прямо у входной двери.

Подлинный факт.

Но вот беда, ртуть имела тенденцию вытекать, говорит мисс Райт. Отчего женщины сходили с ума. Умирали от отравления.

В наше время азиатские девушки ходят с шариками из нефрита. Чем крепче мышцы влагалища, тем больший вес ты сумеешь удержать внутри.

Мы бежим дальше. В шортах, в промежности у мисс Райт, вновь набухает какая-то шишка. Спандекс растягивается, истончается, меняя цвет с черного на темно-серый. Еще один шаг – и что-то вываливается из эластичной штанины. Отскакивает рикошетом от бетонной дорожки, катится в сторону и падает в сточную канаву. Небольшой белый шарик типа теннисного мяча, только гладкий и с темными прожилками – как будто из мрамора или оникса.

Это шарик для упражнений Кегеля, говорит мисс Райт, наклоняется и поднимает его двумя руками. Весом два с половиной фунта. Вытирая шарик о штанину шортов, смахивая с него грязь и сухие листья, мисс Райт говорит:

– Два-три месяца упражнений с такой штуковиной, и моя «пышка» сможет участвовать в Олимпийских играх...

Это все – подготовка к «Третьей мировой шлюхе».

Мисс Райт говорит, настоящие актеры всегда готовы пострадать ради дела. В 1952 году, на съемках «Поющих под дождем», Джин Келли танцевал под заглавную песню фильма, дубль за дублем, в течение нескольких дней, с температурой под сорок. Для того чтобы дождь в кадре смотрелся естественно, воду смешивали с молоком, и совершенно больной Джин Келли танцевал под потоками скисшего молока, промокший насквозь, но с неизменной счастливой улыбкой на лице.

В 1973 году, на съемках «Трех мушкетеров», в сцене сражения на мельнице Оливеру Риду случайно проткнули горло шпагой. Он чуть не умер от потери крови.

В 1959 году Дик Йорк повредил спину на съемках фильма «Они приехали в Кордуру». Невзирая на постоянные боли, продолжал сниматься еще десять лет, очень успешно играл роль мужа ведьмы в сериале «Околдованный», но в 1969 году его состояние ухудшилось, ему пришлось лечь в больницу, он пропустил четырнадцать серий, и его роль отдали другому актеру.

Мисс Райт пожимает плечами, продолжая бежать по дорожке, перекидывая из руки в руку шарик для упражнений Кегеля. Каждый раз, когда она ловит тяжелый шарик, ее бицепсы напрягаются и проступают под

кожей. Она кивает мне, чтобы я перевернула страницу – чтобы взглянуть на очередную шестерку унылых дрочил.

Переворачивая пластиковую страницу, я говорю, что Анабель Чонг однажды сравнила гэнг-бэнг с марафонским бегом. Иногда ты на удивление энергичен и бодр. Иногда полностью выдыхаешься. Но потом у тебя открывается второе дыхание, и ты чувствуешь прилив новых сил.

Лорни Грин, говорит мисс Райт, актер, который снимался в телесериале «Бонанца» – спустя много лет, во время съемок другого телесериала, «Новые дикие дебри с Лорни Грином», на него напал крокодил. И откусил сосок.

Рассказывая об этом, она смотрит на снимки у меня в папке. Она бежит, высоко задирая ноги, согнутые в коленях. Грудь ритмично подпрыгивает под спортивным бюстгальтером. Ее взгляд впивается в одну фотографию. Совсем молоденький мальчик. Юный дрочила. Номер 72. У него точно такие же глаза, как у мисс Райт. И такие же губы. Вполне милый мальчик. И совсем не похож на чудовище, которое откусит тебе сосок.

Со своей стороны, я попыталась распределить будущих участников гэнг-бэнга, как это сделала бы Мессалина – развести самых уродливых, старых, дефектных и жирных дрыщей как можно дальше друг от друга. В среднем вышло по одному откровенному уроду на каждый десяток вполне обычных задротов.

Мисс Райт кивает на знакомое лицо, на любителя подоить ящерицу под номером 137, и говорит:

– Этот рьян и горяч...

Хрен с телеящика, которого благополучно оттуда погнали. Вот он и ищет, кому бы заправить с тоски.

Между ног у мисс Райт под черным спандексом вновь набухает какая-то шишка. Ползет вниз по ноге. Вываливается наружу. Мелькает ярко-зеленым на серой дорожке и падает в водосток. Гремит и грохочет, мечется по металлическим трубам, словно шарик в пинболе, в темноте под землей.

– Блядь, – говорит мисс Райт, провожая глазами зеленый шарик. – Это был настоящий нефрит.

Мы с ней наклоняемся над железной решеткой. Смотрим вниз, в темноту. Я говорю, что Аристотель, когда писал свои философские труды, держал в руке тяжелый железный шар. Если он начинал засыпать, рука разжималась сама собой, и шар с грохотом падал на пол. Грохот будил Аристотеля, и он продолжал работать.

– Аристотель? – переспрашивает мисс Райт и смотрит на меня.

Да, говорю. Подлинный факт.

Мисс Райт щурится и говорит:

– Это который женился на Джеки О^[3]?

И я говорю: Да, тот самый. Переворачиваю пластиковую страницу. Показываю мисс Райт еще шестерых рукодельников.

Мисс Райт говорит, что знаменитый любовник Казанова вводил во влагалища дамам, с которыми крутил амуры, два серебряных шарика. Утверждал, что они защищают от нежелательной беременности. Потому что серебряные. А серебро – чуточку ядовитый металл. По той же причине некоторые люди едят серебряными приборами, так как серебро убивает бактерии.

Вагинальные грузы, так называет их мисс Райт. Кольца с колокольчиками внутри. Крошечные дилдо. Тяжелые штуки в форме куриного яйца. Ходишь с ними весь день. Когда бегаешь в парке, или катаешься на велосипеде, или занимаешься домашним хозяйством.

Мисс Райт бежит дальше, перебрасывая каменный шарик из руки в руку. Каждый раз он приземляется на ладонь с гулким, тяжелым хлопком. Мисс Райт говорит:

– Вообще-то я люблю бегать, но мне не нравится, когда я гремлю.

Она говорит:

– Иногда я себя ощущаю баллончиком с краской.

Камень с тяжелым хлопком приземляется ей на ладонь.

Я переворачиваю страницу. Очередная шестерка дробильников.

Глядя на номер 600, мисс Райт говорит:

– Старина Бранч Бакарди... – Смотрит вдаль, на зеленый травяной горизонт, за которым исчезла собака, и говорит: – Этот керн-терьер... Маленький песик Терри, который снялся в роли Тото в «Волшебнике страны Оз»... Знаешь, он до сих пор с нами.

Когда собака умерла, ее владельцы сделали из нее чучело. В 1996 году это чучело продали на аукционе за восемь тысяч долларов.

Подлинный факт.

– Причем это был даже не мальчик. Тото-Терри была девочкой, – говорит мисс Райт. – И даже мертвая, эта девочка делает для людей неплохие деньги.

Что-то круглое и тяжелое уже ползет вниз по ее ноге, растягивая черный спандекс.

13. Мистер 600

Эта девочка, Шейла, она кричит – просит, чтобы все заткнулись. Сверяется по своему списку и говорит:

– Номер 21... Мне нужен номер 21.

Мы все затаили дыхание. Стоим, скрестив пальцы и наострив уши. Слушаем, не назовут ли наш номер.

Сверясь по списку у себя на планшете, Шейла говорит:

– Номер 283 и номер 544.

Она машет рукой, чтобы эти трое поднимались на съемочную площадку, и говорит:

– Идите за мной, джентльмены.

На экранах вверху Касси Райт в накрахмаленной нижней юбке изображает впавшую в отчаяние, разочарованную красавицу с юга, которая никак не может вписаться в богатую семью своего мужа-плантатора. Этот чувак, ее муж, бывший игрок полупрофессиональной бейсбольной лиги, теперь методично спивается и так давно не исполняет супружеский долг, что Касси уже начала опасаться, что он голубой. Она постоянно злится на свекра, которого все называют Большим Папой, и на племянников и племянниц, которых она называет маленькими чудовищами. Водя руками вверх-вниз по белой атласной юбке, Касси говорит: «Я себя чувствую...» Она говорит: «Я себя чувствую сучкой на раскаленной крыше».

Потом этот фильм выходил под названием «Киска на раскаленной крыше».

А потом – под названием «Шлюшка на раскаленной крыше».

Предположительно педерастичного мужа играет Корд. Сидя в инвалидной коляске, он говорит: «Ладно, запрыгивай, Мэгги! Запрыгивай!»

Только туда, на экраны, никто не смотрит. Все наблюдают за Шейлой и тремя чуваками – ждут, когда они доберутся до верхней ступеньки, где Шейла проводит магнитной карточкой по замку, и дверь в киносъемочный павильон открывается с тихим щелчком. Мы все смотрим туда, прикрывая руками глаза – чтобы их не слепил яркий свет, бьющий из распахнутой двери, точечный свет прожекторов и заполняющий свет, сияние галогенных ламп и блеск майларовых отражателей, такой яркий, что больно смотреть. Но мы все равно смотрим. Лица, повернутые к двери – словно отсветы белых вспышек. Темные силуэты Шейлы и троих чуваков растворяются и исчезают в ослепительной белизне.

Чуваки смотрят, щурия глаза. Слепые, как кроты, мы глядим сквозь ресницы, но не видим вообще ничего, кроме разве что белой кожи на белой простыне, светлых волос и ногтей, поблекших под белым-белым, до рези в глазах ярким светом. Запах хлорки, аммиака, какого-то чистящего средства. И дуновение холодного воздуха из кондиционера.

В этой вспышке – серебряный крест на груди малыша и золотой медальон, который дала мне Касси, они оба сверкают, словно два крошечных зеркала. Загораются на секунду. На один удар сердца.

Глаза чуваков только начали привыкать к свету, но дверь уже закрывается. Вот закрылась. Эта комната здесь, внизу, где мы ждем своей очереди – пол весь липкий от пролитого лимонада, и крошки картофельных чипсов прилипают к босым ногам, – теперь, после порции яркого света, эта комната кажется еще темнее, чем прежде. Один взгляд в сияющее ничто – и мы все ослепли.

Я прикасаюсь к медальону, который дала мне Касси, и говорю что-то тому чуваку с телевидения – чуваку с тряпичной собакой под мышкой.

Ко мне подходит малыш, номер 72. Спрашивает, можем ли мы поговорить.

– Только наедине, – говорит он, обращаясь к номеру 137. Малыш теребит кулон у себя на шее. Серебряный крестик. Вроде бы не сувенирный, а настоящий, церковный. Малыш говорит: – Мне нужно кое-что спросить у мистера Бакарди.

Готов поспорить на что угодно, этот чувак с телевидения, номер 137, он чем-то болен. Явно чем-то нехорошим. Он пожимает плечами и отходит от нас. Только недалеко. Буквально на пару шагов.

Я спрашиваю у парнишки, тыча пальцем ему в лицо:

– Слушай, малыш, ты пришел сюда, чтобы помочь нашей старушке или чтобы ее наказать?

Этот малыш – у него дрожат губы.

Он качает головой. Нет. Он говорит:

– Я пришел, чтобы ее спасти.

Знаете, почему порноактрисы не принимают противозачаточные таблетки? Потому что от них портится кожа. Волосы становятся жирными и тонкими. Противозачаточные колпачки и внутриматочные спирали – это тоже не выход. Никто не захочет работать сцену с двойным проникновением с металлической штуковиной внутри – и особенно когда тебе заправляют монстры-профессионалы типа Бимера, Корда или вашего покорного слуги. Так я и говорю этому малышу. Так что, в общем, не исключено, что он действительно сын Касси Райт.

Он говорит:

– Она отдала меня на усыновление. Она это сделала ради меня. Ей хотелось, чтобы я жил хорошо. И я просто хочу отплатить ей добром за добро.

Я говорю:

– Ворвавшись туда, чтобы все ей испортить?

– Да, если так будет нужно, – отвечает малыш и решительно выпячивает подбородок.

Ворваться к Касси и поставить ее в неловкое положение, когда она пытается установить мировой рекорд, который реанимирует ее карьеру? Поставить Касси в неловкое положение перед всей съемочной группой и ее собратями по цеху?

Я говорю:

– Знаешь, малыш, вряд ли ей это понравится.

Чуваки в этой комнате – все четыреста или пятьсот чуваков, – они топчутся на одном месте, переминаясь с ноги на ногу. Таращатся на экраны, подвешенные к потолку. Касси Райт изображает лихую наездницу на елдаке Корда Куэрво, который сидит в инвалидной коляске. Касси опирается рукой о гипс, в который закатана якобы сломанная нога Корда. Чуваки ждут, никто не уходит. Весьма показательный факт. Лишнее подтверждение, что мужики вытерпят что угодно, лишь бы вставить кому-нибудь палку. Если бы нам пообещали бесплатный горячий секс на вершине горы Эверест или на Луне, мы бы уже построили скоростной лифт. И организовали бы космические перелеты. Рейсы каждые десять минут. По сезонным билетам.

Я говорю:

– Малыш, хочешь верь, хочешь нет...

Я киваю в сторону лестницы. В сторону запертой двери, за которой – свет и декорации. Киваю и говорю:

– Но эта женщина, там наверху... Она не хочет, чтобы ее спасали.

И малыш говорит:

– Я так и думал, что вы не поймете.

Цветы у него в руках – листья и лепестки свернулись в трубочку и потемнели.

Малыш, номер 72, говорит, что когда он был маленьким, он случайно наткнулся на фотографию одной тетеньки в Интернете, она была очень красивая, очень-очень. И каждый день после школы он открывал этот сайт и смотрел на нее. На эту тетеньку. На фотографии она была голой и играла в какую-то игру. Боролась с какими-то дяденьками, тоже голыми – и

мускулистыми, как супергерои. У них были видны все самые секретные части, но они старались запрягать их друг в друга. Какая-то странная игра наподобие пятнашек. Под фотографией было написано имя тетеньки. «Касси Райт». Малыш говорит, что он вбил это имя в поисковик в Интернете, и тот выдал ему целую галерею фотографий.

Фотографий и видеоклипов. Миллион миллиардов. Смотри – не хочу.

– Чувак, – говорю я ему, – узаконенный стандарт – «секс во всех проявлениях».

Я говорю, что он может сказать ей что-нибудь возвышенное и прочувствованное. Например, «Спасибо, мама». Может сказать ей, что он ее любит. Но ведь вполне может так получиться, что он случайно засунет в нее хотя бы один палец. Скажем, потянется, чтобы обнять ее, а мизинец соскользнет и воткнется ей в задницу. Я говорю:

– И тогда все получится в лучшем виде. Беспроектный вариант.

Но малыш качает головой и говорит, что он рос на ее фотографиях. Охотился за ее фильмами. Старался узнать о ней как можно больше. А когда у него заволосились яйца, его одержимость стала еще сильнее.

– Малыш, – говорю я ему. – Нельзя быть таким эгоистом. Сегодня все-таки ее день.

Он рассказывает о том, как однажды дробил и забыл запереть дверь в свою комнату. Его приемная мама вернулась с работы пораньше, вошла к нему и разоралась. Она потому что его застукала.

Я говорю:

– In flagrante^[4]?

Малыш, номер 72, говорит:

– Нет, за мастурбацией.

Его приемная мама орет и спрашивает, знает ли он, кто эта женщина. Ну, на которую он дробил. Знает ли он, на кого возбуждается? Ему известно, кто эта шлюха?! Малыш сидит перед компом, держась рукой за свое хозяйство, вываленное из штанов. На мониторе – изображение Касси Райт с широко расставленными ногами и всеми женскими прелестями, выставленными напоказ. А приемная мама орет благим матом.

Я говорю:

– Слушай, друг...

– Она орет, – продолжает малыш. – Она кричит: «Это твоя настоящая мать».

Его приемная мама кричит, что он дробит на фотографии женщины, которая, вполне вероятно, была его настоящей матерью.

Я говорю:

– Слушай, друг, Касси сегодня должны поймать все шестьсот чуваков, а иначе получится, что ее попросту поймали. Прошу прощения за каламбур.

И малыш, номер 72, говорит:

– Я не могу.

Он вертит в руке свой серебряный крестик и говорит:

– Может быть, если мы с ней сначала поговорим... тогда, может быть, я смогу.

Он говорит:

– Но с тех пор, как приемная мама сказала, ну, то, что сказала... с тех пор, как я узнал правду, я больше ни разу не смог...

Малыш смотрит на свои поникшие, увядшие розы.

Я щелкаю пальцами, вытянув руку над головой – щелкаю пальцами и обращаюсь к тому чуваку с телевидения. Кричу ему:

– Эй, чувак. Ты, который с тряпичным зверем. У нас тут ЧП. Надо срочно спасать положение.

Я говорю ему:

– Мальчику необходима пилюлька, иначе сегодня мы все обломаемся, и не видать нам почета и славы.

Вспышка яркого света – наверху и чуть сбоку. Дверь наверху открывается, и в сияющем белом проеме встает темный расплывчатый силуэт.

– Джентльмены, – говорит силуэт, – мне нужны следующие номера...

А я так и стою, подняв руку над головой, щелкаю пальцами и отчаянно сигнализирую, что нам нужна помощь.

14. Мистер 72

Я рассказал мистеру Бакарди не все. Далеко не все. Когда я впервые выкачивал из Интернета клипы с Касси Райт, мне хотелось увидеть, как она занимается чем-нибудь обыкновенным – нормальным. Ну, я не знаю. Вяжет на спицах. Или готовит еду на кухне. Или сидит и читает книжку, в кресле под лампой, в какой-нибудь милой уютной комнате. Без потоков горячей спермы, извергающихся на нее со всех сторон.

На сетевых форумах и в онлайн-чатах, где фанаты обсуждают каждую родинку и ресничку Касси Райт, цвета и оттенки ее помады на каждой фотке и в каждом фильме – прямо там, в Интернете, парни анализируют и разбирают каждый ее минет, как будто... ну, я не знаю... ну, как будто пишут домашнюю работу за дополнительные баллы. Касси Райт родилась в городе Мизула, штат Монтана. Ее родителей зовут Элвин и Лени Райт. Сейчас они живут в Грейт-Фолс. И да – у Касси Райт есть ребенок. Она родила и сразу отдала ребенка на усыновление. Девятнадцать лет назад.

Я искал в Интернете фотки, где она пылесосит ковер. Или сидит за рулем. Одетая и без всяких шуток, засунутых ей внутрь.

Я делал заказы с полной предоплатой денежным переводом, и нередко случалось, что заказанные товары не приходили вообще. Но в первой посылке, которую я получил, было портативное влагалище Касси Райт, специальный улучшенный вариант, ограниченный тираж, нумерованная серия. Номер четыре тысячи двухсотый. Коллекционная вещь. Новая, не бывшая в употреблении. Очень компактная, ее можно было носить с собой в школу в кармане джинсов, и запускать левую руку в карман и гладить мягкие складочки и волоски. Я сидел в классе, на задней парте, на уроке современной американской истории, и пальцы левой руки шарили в кармане, вслепую, словно читали азбуку Брайля – пока я не выучил все морщинки и складочки наизусть. Попросите меня назвать столицу штата Вайоминг или Феникс, и я только пожму плечами. Но спросите меня что угодно о рельефе влагалища Касси Райт, и я нарисую вам карту по памяти.

На том портативном влагалище – если нажать пальцем на клитор, он выскакивал и торчал. Если нажать еще раз, он убирался обратно под складочку кожи. Если нажать в третий раз, клитор снова выскакивал наружу. Я повторял эти нехитрые действия бесконечно. Стирал себе пальцы чуть ли не в кровь. Спал с этим сокровищем под подушкой.

Мистер Харлан, наш учитель естественных наук, однажды увидел мозоли у меня на пальцах, когда раздавал нам тетради, и спросил: «Вы учитесь играть на гитаре?» Не знаю. Скажем так, эти часы и недели непрерывного удовольствия отразились не лучшим образом и на влагалище Касси Райт тоже.

Будем надеяться – глядя на некоторых из шести сотен парней, собравшихся здесь сегодня, – будем надеяться, что оригинал все-таки крепче латексной копии. Когда влагалище начало распадаться на части, я стал копить деньги, которые зарабатывал сам – на доставке газет, – а когда набралась нужная сумма, заказал подержанную латексную грудь. Точную копию груди Касси Райт. Причем денег хватило только на одну грудь, на левую. Но каждый вам скажет, что левая – лучше. Разумеется, она не помещалась в кармане. И под подушкой – тоже. Она была слишком большая и годилась только на то, чтобы собирать пыль под кроватью.

Так что я стриг газоны. Собирал и сдавал пустые бутылки. Выгуливал чужих собак. Мыл машины. Сгребал листья в парке.

Но мистеру Бакарди я этого не рассказал. О таком не рассказывают, никому.

Зимой я расчищал дорожки от снега. Выгребал черную вонючую грязь из водосточных желобов на крышах – голыми руками. Купал сенбернаров. Развешивал рождественские гирлянды и постригал изгороди.

А по ночам тискал копию груди Касси Райт. Терся губами о пыльный сосок. Лизал его и крутил двумя пальцами, пока не засыпал.

Я менял масло в огромных четырехдверных машинах, принадлежавших бодрим старушкам. Копил деньги, чтобы купить точную копию Касси Райт – в полный рост, все, как в жизни. Абсолютно реалистичная кукла для суррогатного секса, которая превращает тебя в раба всех старых гримз города. Не знаю.

Я ходил по домам и собирал пожертвования для ЮНИСЕФ, но эти несчастные голодные дети из Бангладеш, которые кушают червяков, не увидели ни цента из тех тридцати баксов, которые мне удалось набрать.

В тот день, когда почтальон принес бандероль, моя приемная мама позвонила мне в школу и спросила, надо ли ее открывать.

Скажем просто: я страшно перепугался. И сказал самую гадкую ложь, которую только способен придумать ребенок. Я сказал ей: «Не надо ее открывать». Я сказал ей, что это подарок – подарок, который я собираюсь сделать ей на Рождество. И пусть это будет сюрпризом.

По телефону мне было слышно, как моя приемная мама встряхнула коробку.

Она сказала:

– Тяжелая.

Она сказала:

– Надеюсь, ты не потратил на этот подарок все свои сбережения.

Мне было стыдно. Ужасно стыдно.

Эти газоны, которые я стриг, эти собаки, которых выгуливал, машины, которые мыл, – я сказал своей приемной маме, что я хотел заработать побольше денег, чтобы купить ей самый лучший подарок. Лучший подарок для лучшей на свете мамы.

И ее голос – там, в телефоне, – он буквально растаял.

Она сказала:

– Ты мой хороший. Не стоило так беспокоиться...

Когда я пришел домой, посылка лежала у меня на кровати. Действительно очень тяжелая. Даже не знаю, сколько она весила. Где-то между толстенным энциклопедическим словарем и взрослым сенбернар. Моя приемная мама ушла на свои курсы по украшению тортов. Мой приемный отец был на работе. Дома не было никого. Я открыл посылку, и там внутри – сложенное и свернутое в рулон – лежало что-то похожее на розовую мумию. Что-то кожистое и сморщенное, словно мумия из торфяного болота на фотке в журнале «National Geographic».

На интернет-аукционе ее продавали, как совсем новую, девственную, не бывшую в употреблении. Но от блондинистого парика пахло пивом, а в волосах были проплешины – как будто их выдирали клочьями. Внутренняя сторона обеих бедер была липкой. Грудь – засаленной и грязной. На одной ноге, в самом низу, был клапан для воздуха, как на надувном мяче. То есть ее можно было надуть.

Я развернул ее на кровати и принялся надувать.

Я вдувал в нее воздух, и ее грудь поднималась – опадала и поднималась. Я вдувал в нее воздух, и морщинки разглаживались, но потом появлялись снова. Я вдувал в нее воздух, пока у меня не потемнело в глазах.

И вот сейчас, здесь, в этой комнате, где я жду своей очереди – жду, когда меня позовут на гэнг-бэнг, – мимо проходит девушка с секундомером на шее, и я тяну руку. Прикасаюсь к ее локтю, чтобы она остановилась. Прикасаюсь легонько, буквально кончиками пальцев, и спрашиваю: «Это правда?» Ну, что говорит нам мистер Бакарди. Касси Райт действительно может умереть? Прямо на съемках?

– Вагинальная эмболия, – говорит девушка с секундомером. Она смотрит на меня, потом опускает глаза на лист у себя на планшете. Ведет

ручкой по списку имен, отмечает какое-то имя галочкой. Смотрит на часы у себя на руке. Ставит галочку рядом с еще одним именем. Говорит, что объем воздуха на выдохе должен быть эквивалентен объему, который вдувают за раз, надувая воздушный шарик, но поскольку у женщин кровоснабжение тазовой области происходит весьма интенсивно, при половом акте не исключено попадание пузырька воздуха в ее кровеносную систему.

Она говорит:

– А у беременных женщин риск попадания воздуха в кровь еще выше.

Она говорит, что медицине известно немало подобных случаев. Например, в 2002 году одна женщина из Виргинии ублажала себя морковкой и умерла от эмболии. Попаданию воздуха в кровь может способствовать любой предмет необычной формы. Например, электрические фонарики, свечи и тыквы.

– Не говоря уже о куске мыла на веревочке, – говорит девушка с секундомером.

Не важно, вагинально или ректально. Это может случиться и так, и так.

– Ежегодно, – говорит девочка с секундомером, – от этого умирает в среднем более девятисот женщин...

Смерть наступает за считанные секунды.

– Если нужны точные цифры и факты, – говорит девушка, – я бы порекомендовала «Полное руководство по куннилингусу» Вайолет Блу. Или статью «Воздушная эмболия под знаком Венеры: клинические исследования и экспериментальный анализ» в журнале «Реаниматология», в августовском номере за 1992 год.

Она снова смотрит на часы и говорит:

– Прошу меня извинить...

Я даже не знаю... тыквы?

В тот день, несколько лет назад, вдыхая воздух в мою суррогатную Касси Райт, я чуть не хлопнулся в обморок, а потом все же услышал свист. Тихий, шуршащий свист воздуха, выходившего наружу.

Я набрал полную ванну, притащил розовую оболочку моей Касси Райт в ванную и опустил ее в воду, чтобы посмотреть, где в ней дырочка – где пойдут пузырьки. Я держал ее под водой двумя руками, и ее светлые волосы тихо покачивались вокруг резинового лица, а глаза смотрели невидящим взглядом. Мертвые. Из-под воды.

Пузырьки выходили из дырочек на шее, с обеих сторон. Пузырьки обрамляли ее соски и интимные складочки между ног. Широкие

полукружия крошечных дырочек, сквозь которые утекал воздух. Следы зубов. Розовая кожа, прокушенная насквозь.

Мой приемный отец, он использовал все виды клея и пластика для своей модели железной дороги. Разложив ее розовую кожу поверх гор и поселков его пластмассового ландшафта, я замазал все дырочки эпоксидной смолой и резиновым клеем, проложил ацетатной тканью и покрыл слоем прозрачного лака для ногтей – вылечил все до единого укусы.

Я залез в шкаф моей приемной мамы, в ящик для нижнего белья, в самый низ, и взял кружевную ночную рубашку, которую приемная мама носила в медовый месяц и которая так и лежала с тех пор в шкафу, навсегда погребенная под слоями шуршащей папиросной бумаги. Я взял жемчужное ожерелье, которое моя приемная мама надевала всего раз в году – в церковь на Рождество. Наряжая свою суррогатную женщину, я повторял первые реплики из всех фильмов с участием Касси Райт, которые видел. Расчесывая светлый парик, я сказал: «Здравствуйте, барышня. Пиццу заказывали?»

Крася ей губы помадой приемной мамы, я сказал: «Леди, может быть, потереть вам спинку?»

Брызгая ее духами, я сказал: «Расслабьтесь, дамочка. Я пришел просто проверить трубы...»

Я включил на компьютере пиратскую копию «Шлюха идет на войну: Первая мировая», и все, что делал Ллойд Джордж на экране – я за ним повторял. Стянул розовые трусики «танга». Расстегнул бюстгальтер. Мы с Ллойдом как раз принялись за укладку труб, когда размер груди Касси как-то резко уменьшился с «D» на «C». Теперь мой член долбил в матрас. Она сдувалась, теряла воздух. И чем быстрее я долбил, тем более плоской она становилась. С размера «C» – сразу на «A». Сморщиваясь и распластываясь подо мной, истощаясь и угасая. Чем активнее я долбил, тем больше сжималось ее лицо, как бы проваливаясь внутрь себя. Ее кожа сделалась дряблой, провисшей. С каждым моим толчком она старилась на добрый десяток лет, умирала подо мной, а потом умерла и начала разлагаться. А я торопился – быстрее, быстрее, – долбил в матрас, стирал кожу почти до мяса, в своем нетерпении скорее кончить. В это розовое привидение. В этот плоский убитый силуэт, разложенный у меня на кровати.

Все эти женщины, которые умирают...

Смерть наступает за считанные секунды.

Я не слышал, как у меня за спиной открылась дверь. Не почувствовал

сквозняка – голый вспотевшей задницей. Не повернул головы, пока не услышал голос приемной мамы. Ее ночная рубашка с медового месяца. Ее рождественский жемчуг. У меня на компьютере Ллойд Джордж выпускает струю спермача на прекрасное лицо Касси Райт.

Моя приемная мама, она орет у меня за спиной:

– Ты знаешь, кто это?!

Я оборачиваюсь и смотрю на нее. Мой член торчит колом, завернутым в розовый латекс, и я как будто размахиваю большим флагом в форме Касси Райт.

Моя приемная мама кричит:

– Это твоя настоящая мать!

Это был мой последний стояк.

С тех пор у меня даже не шевелилось.

Но мистеру Бакарди я этого не рассказал.

15. Мистер 137

При первой возможности я потихонечку подхожу к девочке-ассистентке и интересуюсь, откуда она знает столько всего о вагинальной эмболии. Каждый год от этого умирает почти тысяча женщин? Их убивают морковки и электрические фонарики, из-за которых им в кровь попадает воздух? Это не самые общеизвестные факты. Не каждый способен вот так вот с ходу говорить на такие темы. Для того чтобы все это знать, надо специально изучить вопрос.

– Прошу прощения, – говорю, – я случайно подслушал ваш разговор.

Девочка-ассистентка размахивает шариковой ручкой, как дирижерской палочкой. Указывает на парней, которые пока еще здесь. На каждого поочередно. Ее губы беззвучно считают, вылепливают номера – 27... 28... 29... – она что-то пишет на листе у себя на планшете и говорит, не отрываясь от записей:

– За это мисс Райт мне и платит такие деньги.

Эта девочка, она не обычная ассистентка на съемках. Она личный секретарь Касси Райт, менеджер по информации, автор проекта и по совместительству девочка на побегушках – по ее собственным словам. Глядя на часы у себя на руке, она пишет какие-то цифры на верхнем листе, что-то похожее на уравнение. Пишет и говорит:

– Она попросила меня оценить риск.

Я спрашиваю:

– Это правда? Правда, что у мисс Райт есть взрослый ребенок?

– Да, – говорит девочка-ассистентка, поднимает глаза и смотрит на меня. Плечи ее черной водолазки облеплены белыми хлопьями. Перхоть. Ее прямые черные волосы собраны в хвост. Аккуратно зачесаны назад, волосок к волоску. Посеченные кончики топорщатся и завиваются.

Я легонько киваю в сторону номера 72, спрашиваю:

– Это он?

Девочка смотрит. Моргает. Смотрит. Потом пожимает плечами и говорит:

– Ну, да. Внешне они похожи. Так что не исключено...

Еженедельно Касси Райт приходит чуть ли не по тысяче писем от разных молодых людей, и каждый уверен, что он и есть тот ребенок, которого она отдала на усыновление. Помимо прочего, в обязанности ассистентки – личного секретаря – входит просмотр почты. Она читает все

письма, иногда – отвечает. И почти девяносто процентов всей корреспонденции – письма от этих предполагаемых самозванных сыновей. Все они умоляют о встрече. О личной встрече буквально на час, чтобы каждый из этих парней смог рассказать ей, как сильно он ее любит. Как она всегда оставалась его настоящей мамой. Любовью, которую ничто не могло заменить.

– Но мисс Райт не дура, – говорит ассистентка.

Мисс Райт знает, что как только ты уделяешь какое-то особое внимание мужчине – любому мужчине, – как только становишься доступной и достижимой, он сразу наглеет и начинает считать, что ты ему что-то должна. Может быть, в самую первую встречу ее сын действительно будет ее любить. Но уже во вторую – попросит денег. А в третью – устроить его на работу, купить машину и опять же дать денег. В качестве компенсации. Он станет ее обвинять во всем, что он сделал не так в этой жизни. Станет ее осуждать и указывать на все ошибки, которые она совершила. И назовет ее шлюхой, если она не даст ему то, что он хочет.

– Нет, – говорит ассистентка, – мисс Райт знает, что речь идет не о любви...

Молодые люди, которые пишут – они просят о встрече. Через месяц они пишут снова. Сначала они умоляют, потом – требуют и угрожают. Уверяют, что хотят только узнать свою генетическую историю, вероятную предрасположенность к наследственным заболеваниям. Диабет. Болезнь Альцгеймера. Они пишут, что хотят только поблагодарить ее лично за то, что она позаботилась о них и дала им возможность для лучшей жизни. Хотят похвалиться своими достижениями, чтобы она убедилась, что поступила правильно.

– Мисс Райт никогда не отвечает на эти письма, – говорит ассистентка.

Вот почему аудитория Касси Райт до сих пор непрерывно растет. Основной прирост составляют молодые люди от шестнадцати до двадцати пяти лет. Они покупают все фильмы с ее участием, покупают латексные копии ее груди и влагалища – но не для эротических целей. Они собирают ее надувные подобию и фирменное женское белье – в качестве неких священных реликвий. Сувениров своей настоящей мамы. Идеальной мамы, которой у них не было никогда. Франкенштейновские части тела и тотемные изображения матери, которую они будут искать до конца своих дней – которая будет хвалить их в достаточной мере, поддерживать в достаточной мере и любить, тоже в достаточной мере.

Ассистентка говорит:

– Мисс Райт знает, что даже если она найдет своего ребенка, то не

сможет удовлетворить все его требования и потребности.

Она смотрит на мистера Тото, смотрит на надписи на его холщовой коже и спрашивает:

– А как вы познакомились с Селин Дион?

На экранах вверху крутят фрагменты из «Отдрочения по-итальянски», сюжетного порно про международную банду грабителей, специализирующихся на драгоценных камнях. Они, эти бандиты, замышляют украсть бриллианты на миллион долларов из музея в Риме. Пока сообщники заняты делом, Касси Райт отвлекает троих охранников – соблазняет их на групповуху, во все отверстия одновременно. Когда в музее включается сигнализация – мигают лампочки, режут сирены, – Касси сжимает челюсти, напрягает мышцы тазового дна и превращается в живой капкан, который намертво держит охранников.

Ассистентка считает оставшихся в комнате мужчин, указывая на каждого ручкой, которую держит в руке.

– Собственно, поэтому мисс Райт и затеяла этот проект, – говорит она. Комплекс вины.

Вина и расплата. Погашение долга.

И особенно, если после сегодняшних съемок она умрет. Касси Райт знает, что это будет последний подобного рода фильм. Такой фильм будет продаваться всегда. Даже если его запретят здесь, в стране, он будет продаваться через Интернет. Причем объем продаж будет таким, что единственный наследник мисс Райт станет очень богатым человеком. Ее единственный ребенок.

Ассистентка говорит:

– Не говоря уже о выплатах по страховке.

Она все узнала, собрала информацию в рамках осуществления данного проекта: страховые компании, заключающие договоры о страховании жизни, не считают смерть от травм после оргии в стиле гэнг-бэнг достаточным поводом для выплаты страховки. То есть так было раньше. Но теперь шесть крупнейших страховых компаний будут бороться за право произвести страховую выплату на общую сумму в десять миллионов долларов единственному наследнику Касси Эллен Райт, умершей от эмболии. Нет, мисс Райт не хотела встречаться со своим ребенком. Для нее эти взаимоотношения были так же важны, идеализированы и недостижимы, как и для ее ребенка. У нее были бы слишком завышенные ожидания: чтобы молодой человек был талантливым, умным и идеальным во всех отношениях – чтобы он стал компенсацией за все ошибки, которые она совершила в жизни. В своей несчастной, испорченной жизни,

растраченной зря.

И, конечно, она бы хотела, чтобы ребенок любил ее сильно-сильно. Но она знает, что это никак невозможно.

Там, на другом конце комнаты, актер номер 72 прижимает к груди свои розы. Стоит, запрокинув голову, и не отрываясь глядит на экран, где Касси Райт прячет в своей бритой штучке бриллианты на общую сумму в несколько миллионов – старается засунуть поглубже.

– Да, – говорит ассистентка, – мисс Райт хотела оставить своему ребенку достаточно денег для безбедного существования, но при этом распорядилась, чтобы суд установил подлинного наследника на основе анализа ДНК...

Ассистентка подносит планшет к моему лицу, так чтобы он закрыл мне один глаз, и говорит:

– Этот глаз у вас видит?

Я говорю, да.

Она передвигает планшет и закрывает мне другой глаз.

Спрашивает:

– А этот?

Я киваю, да. Видит. И тот, и другой. Оба видят.

– Хорошо, – говорит ассистентка. Первый признак передозировки виагрой – потеря зрения в одном глазу. Человек, ослепший наполовину, теряет глубинное зрение. Ассистентка смотрит по сторонам, на толпу мужиков, которые, запустив руки в трусы, тягают свои причиндалы в состоянии полустояния. Смотрит и говорит:

– Может, поэтому большинство из вас и написали в анкете, что у них десять дюймов...

Я спрашиваю:

– А как же отец? Ему ничего не обломится по завещанию мисс Райт?

Ассистентка качает головой:

– Родители мисс Райт от нее отказались. Уже давно.

Нет, я имею в виду отца ее ребенка.

– Отец ребенка? – переспрашивает ассистентка. Она смотрит на меня, раскрыв рот, и качает головой. – Тот подлец и мудила, который вовлек ее в этот кошмарный бизнес? Напоил ее виски, подсыпал ей демерол, а потом включил камеры и отымел ее во все дыры во всех мыслимых позах?

Закатив глаза, ассистентка говорит:

– А потом, знаете, что он сделал? Послал анонимную копию этого первого фильма ее родителям.

И поэтому, когда она приехала к ним беременная, они ее вышвырнули

из дома.

И для того чтобы выжить, ей пришлось вернуться к тому мудаку и снова сниматься в порно.

Ассистентка хрипло смеется. Она говорит:

– С какой такой радости ей оставлять ему деньги?

Нет, говорю. Я имел в виду, кто отец?

Кто отец этого таинственного ребенка, которому предстоит сказочно разбогатеть?

– Кто этот мудака? – переспрашивает ассистентка.

Я киваю.

И знаете что? Она поднимает руку и указывает кончиком ручки на другой конец комнаты – прямо на Бранча Бакарди.

16. Шейла

Валерия Мессалина, из рода потомков Цезаря Августа, родилась на двадцать лет позже Христа и росла при дворе императора Калигулы, который – исключительно ради шутки – выдал ее замуж за ее собственного троюродного брата Клавдия, слабоумного дурачка, старше ее ровно на тридцать лет. Мессалине, когда она выходила замуж, было восемнадцать. Ее жениху – сорок восемь. Три года спустя Калигулу убили, и Клавдия провозгласили императором.

Согласно историку Тациту, Мессалина, сделавшись императрицей, дала волю своим распутным инстинктам. Она трахалась с гладиаторами, танцорами, солдатами – а если кто-то из них не хотел заправлять Мессалине, их казнили за государственную измену. По приказу императрицы. Рабы и сенаторы, женатые и холостые – если Мессалина кого-то хотела, ему приходилось ее ублажать.

Вот так в мужиках и рождается страх перед возможной неудачей.

А чтобы перебить вкус от пылких красавчиков, Мессалина находила себе самого страшного уroda во всей империи. И трахалась с ним в качестве сексуального деликатеса.

В то время самой известной римской проституткой была красотка по имени Сцилла, и Мессалина решила устроить с ней соревнование: кто из них обслужит за ночь больше мужчин. Тацит писал, что Сцилла остановилась после двадцать пятого партнера, а Мессалина продолжила дальше и победила с большим преимуществом.

Историк Ювенал писал, что ненасытная Мессалина тайком ходила в публичные дома и принимала клиентов под именем проститутки Лициски, красила царственные соски золотой пудрой и допускала любого желающего к аристократической вагине, откуда появился на свет ее сын Британик, предполагаемый будущий император. Мессалина трудилась, не зная устали – даже тогда, когда остальные блудницы прекращали работать и отправлялись спать.

В возрасте двадцати восьми лет Мессалина взяла в любовники Гая Силия, и они вместе замышляли убить ее мужа, чтобы Гай Силий стал императором. Однако Клавдий узнал о заговоре супруги и приказал казнить изменницу. Ей было предложено покончить самоубийством, но Мессалина отказалась – хотя мать умоляла ее об этом. «Твоя жизнь кончена. Все что осталось – сделать так, чтобы ее конец был достойным». Римские солдаты

ворвались во дворец, нашли Мессалину в саду и убили на месте.

Все это я рассказала мисс Райт, когда мы сидели у меня дома, ели попкорн и смотрели по видео, как Анабель Чонг трахается со своим 251 спермобрандспойтом. Группами по пять человек. Десять минут на каждую группу. Рукодельники. Онанисты. Декорации: белые каннелированные колонны, журчащие фонтаны – историческая реконструкция соревнования Мессалины со Сциллой. Фальшивый мрамор и римские статуи. «Самый большой гэнг-бэнг в мире». Анабель Чонг, выпускница Университета Южной Калифорнии, занимавшаяся гендерными исследованиями – средний выпускной бал 3,7, – посвятила этот фильм Валерии Мессалине.

Подлинный факт.

Наиболее раскупаемый фильм за всю историю видеопорно: исторический урок феминизма, смысл которого не уяснил ни один дровича.

Глядя на экран, я спросила: И чем, по сути, оно отличается от Олимпийский игр?

Я спросила: Почему женщина не может пользоваться своим телом, как хочет?

Я спросила: Почему мы по-прежнему боремся за то, за что боролись две тысячи лет назад?

Мы сидели и ели попкорн. Без масла. Без соли. Пили диетическую газировку. Наше объявление о кинопробах уже разместили в нескольких газетах. И на нескольких сайтах в Интернете. Любители побаловать пыптик, эти растратчики семенного фонда – они уже начали звонить и записываться.

Мы сидим с масками из авокадо на лицах. Это специальные маски, обогащенные коллагеном. Для сужения пор. Волосы смазаны вазелином и завернуты в полотенца. Миска с попкорном стоит между нами, прямо на диване. Мы сидим в махровых халатах. Мисс Райт говорит:

– Такая женщина, как Мессалина... она не должна была допустить, чтобы ее убили.

А буквально через несколько лет после того, как Клавдий отдал приказ казнить Мессалину, с ним самим приключилась фатальная неприятность. Он засунул птичье перо себе в горло. В 54 году от Рождества Христова он обожрался на пиру и хотел вызвать у себя рвоту, чтобы освободить место в желудке и снова предаться чревоугодию, но подавился пером и задохнулся.

Слушая мой рассказ, глядя на Анабель Чонг на экране, мисс Райт в первый раз заговорила о страховании жизни. Она сама подняла этот вопрос и заставила меня дать ей слово, что я все узнаю и оформлю ей полис. Она заставила меня поклясться, что если с ней что-то случится, я разыщу ее

пропавшего ребенка и передам ему деньги, выплаченные по страховке. Плюс все авторские отчисления с продаж видео.

Она продолжала говорить о том, как ей хочется сделать своего ребенка богатым, а я запустила руку в пространство между диванными подушками. Там, среди «старых дев» – нераскрывшихся зерен попкорна – и россыпи мелких монеток я нащупала плотный глянцевый конверт.

И прямо там, не сходя с дивана, вручила мисс Райт бланки шести страховых полисов. Уже заполненных. Ей осталось лишь их подписать. Потенциальная страховая выплата – на общую сумму десять миллионов долларов.

Мисс Райт без очков. Она щурится, смотрит на полисы. Держит их на расстоянии вытянутой руки. Ее маска из авокадо трескается, шелушится и осыпается зелеными крошками. Мисс Райт говорит:

– Всегда на шаг впереди, да?

Я говорю, что за это она мне и платит такие деньги. Я шарю рукой за диванной подушкой, достаю ручку.

И мисс Райт говорит:

– Эта императрица...

Подписывает все шесть полисов. Кивает на телевизор и говорит:

– Эта Мессалина... ей надо было просто покончить с собой...

17. Мистер 600

Какой-то чувак – кажется, биржевик – треплется по мобильному телефону, а потом вдруг взрывается и психует. Чувак с черными прилизанными волосами, зачесанными назад и намазанными гелем, чтобы скрыть залысину на макушке. Он кричит в трубку что-то о биржевых опционах, льготных ценах на акции и прибылях от реализации, и тут Шейла поднимает глаза от своего планшета.

Шейла кричит:

– Джентльмены.

Она кричит:

– Прошу минуту внимания. Мне нужны номера...

Все замирают, все слушают. Чуваки прекращают жевать чипсы со вкусом тако. Чуваки выходят из туалета, по-прежнему сжимая в руках свои члены. Все ждут, что сейчас скажет Шейла. Делают круглые глаза, шикают друг на друга, машут руками на тех, кто еще не замолчал.

Каждое слово Шейлы бьет в толпу, как струя спермы на съемках – прямо в глаз партнерши. Она говорит:

– ...номер 247... номер 354... и номер 72.

Она машет рукой в сторону лестницы и говорит:

– Пожалуйста, идите за мной...

Номер 72, вероятный сын Касси.

И вот тут биржевик, тот чувак с телефоном, натурально звереет. Резко захлопывает телефон, ударив им по груди. Его грудь выбрита по-модельному, даже не выбрита, а обработана машинкой для стрижки волос, когда выставляешь первый предохранительный режим и подравниваешь все волосы на груди под одну длину в четверть дюйма. В точности, как у тех чуваков из каталога «International Male», только без рельефных накачанных мышц. Чувак говорит своему телефону:

– Секундочку подожди, – и кричит, запрокинув голову: – Барышня, это уже ни в какие ворота не лезет! – Он кричит, повернувшись к Шейле: – Вы что думаете, мы должны целый день ждать своей очереди, чтобы кинуть палку какой-то старой кошелке?!

Шейла замирает на середине лестницы. Оборачивается и смотрит, приставив ладонь козырьком ко лбу. Смотрит поверх волосатого моря голов.

На телеэкранах под потолком начальник федеральной полиции или,

может быть, Интерпола вылизывает Касси Райт на заднем сиденье патрульной машины. Его язык натывается на бриллиант. Он вынимает из Касси бриллиантовое ожерелье.

Малыш с белыми розами, номер 72, подлетает ко мне и шепчет:

– Что мне делать?

Трахнуть ее, говорю.

Он говорит:

– Нет.

Он говорит, качая головой:

– Она моя мама. Я не могу.

Чувак с телефоном, биржевик, щеголяет загаром из Сан-Диего. У него на руках и ногах – не насыщенный карамельный Мазатланский загар и не ровный коричневый загар из Вегаса. У него на лице и на шее – не гладкий блестящий бронзер и не темный маслянистый загар, как у тех чуваков, кто проводит свой отпуск в Канкуне или на Гавайях. Нет, это дешевый «поджаренный» загар Сан-Диего. И у этого парня хватает нахальства орать во весь голос:

– У меня номер 14, и я не могу торчать тут целый день! У меня есть дела! Я должен был освободиться еще три-четыре часа назад!

На его светло-коричневой руке, подрумяненной солнцем на пляже Сан-Диего, стоит номер «14». Биржевик говорит:

– Что за хрень?! Даже в Автотранспортном управлении столько не маринуют...

Все остальные стоят, затаив дыхание. Изображают каменных истуканов. Ждут, чем все закончится. Теперь, когда этот чувак психанул и высказал вслух то, что было у всех на уме, у нас созревает революция. Бунт в тюрьме. Чуваки вполне готовы к тому, чтобы взять эту лестницу штурмом. Шейла стоит на ступеньках и смотрит вниз, на пока неподвижную толпу, которая может в любую секунду превратиться в табун взбешенных стояков.

В табун, который рванется, сметая все на своем пути, либо наверх, к Касси Райт – либо к выходу.

Этот малыш, номер 72, говорит:

– Я скажу ей, как сильно ее люблю...

Ага, давай, говорю. Вперед. Испорти ей все, своей маме, которую ты так сильно любишь. Будь хорошим сыночком и разрушь все ее планы. Вся упорная работа, которую проделала его мама, готовясь к этому мировому рекорду – пусть все накроется тем самым местом. Я говорю малышу:

– Вперед.

А он говорит:

– Вы считаете, я должен ее трахнуть?

Я говорю, что решать только ему.

Малыш говорит:

– Я не могу ее трахнуть.

Он говорит:

– У меня не стоит.

Стоя на середине лестницы, вместе с номером 247 и номером 354, которые полируют свои стручки – наявивают, запустив руки в трусы, – стоя на лестнице, Шейла говорит:

– Джентльмены, пожалуйста, имейте терпение.

Она говорит:

– Из уважения к мисс Райт, мы должны решить этот вопрос цивилизованно и спокойно.

Биржевик орет:

– Да пошли вы все в жопу, – и, топая ногами с невзрачным загаром, направляется к той стене, возле которой стоят бумажные пакеты с одеждой. Загорелыми в Сан-Диего руками он хватает пакет с номером «14». Вынимает рубашку, брюки, носки. Ботинки, которые вроде бы смотрятся, как «от Армани», только это дешевая подделка. Его собственная кожа – и то смотрится лучше по качеству, чем материал, из которого пошиты его ботинки.

На телеэкранах, подвешенных под потолком, страшный, как черт, полицейский-латинос долбит в задницу Касси, словно взбесившийся отбойный молоток. С такой скоростью, что бриллианты, рубины и изумруды сыплются из ее щелки, словно выигрышные фишки – из щели игрового автомата.

Малыш, номер 72, пододвигается ближе и шепчет мне на ухо, едва не касаясь подбородком моего плеча:

– Дайте мне таблетку, и я это сделаю.

Что ты сделаешь? – уточняю. Трахнешь ее? Или взлетишь вверх по лестнице с криками: «Я люблю тебя, мамочка, я люблю тебя, я люблю тебя, мамочка, я люблю тебя...»?

Биржевик встряхивает рубашку, расправляет складочки-морщинки. Это не настоящая «Brooks Brothers». Даже не «Nordstrom». Он надевает рубашку, начинает застегивать пуговицы. Бережно оправляет манжеты, как будто это настоящий натуральный шелк. Или даже стопроцентный хлопок. Биржевик расправляет воротничок и повязывает галстук неизвестного бренда и происхождения.

Он говорит:

– Так что пиздец твоему мировому рекорду, леди.

Он говорит:

– Я ухожу.

На телеэкранах под потолком, страшный, как черт, латинос, кстати, я готов спорить на что угодно, что загар у него под бронзером как минимум двухлетней давности: неделя в Мазатлане, причем последние два дня было облачно, потом, спустя пару месяцев, выходные в Скотсдейле, потом – солярий для поддержания цвета, неделя интенсивной «зажарки» в Палм-Спрингз, потом – достаточно долгий период выцветания, и наконец – неделя в Палм-Десерте, как завершающий штрих. Для достижения ровного глянцевого загара. Не атласно-матового, как на Ибице. И без медного оттенка, как у гомиков на Миконосе. У этого уроды-латиноса на экране – лоснящийся, сальный загар, как будто он весь натерся растительным маслом. Загар, сексапильный, как корка грязи.

Малыш, номер 72, шипит мне в ухо:

– Дайте мне таблетку.

Шейла стоит, ждет.

И чуваки тоже ждут.

Кто-то подходит ко мне с другой стороны и говорит:

– Так что, мистер Бакарди, у вас там демерол? В медальоне?

Это тот самый чувак, ну, который с тряпичным зверем. Номер 137.

Он говорит:

– Собираетесь выступить на бис вместе с мисс Райт?

Малыш, номер 72, говорит:

– Что он имеет в виду?

Номер 137 говорит:

– А чего бы и не накормить наркотой своего сыночка? Его мать вы уже накормили...

Психованный биржевик надевает на руку имитацию «Ролекса». Достает из бумажного пакета убогую подделку под ремень «Хьюго Босс». У меня есть точно такой же, но настоящий. Висит дома в шкафу.

Шейла смотрит в нашу сторону и говорит:

– Номер 72, вы идете?

Малыш шепчет мне на ухо:

– Что мне делать?

Трахнуть ее, говорю.

А этот, который с тряпичным зверем, говорит:

– Слушайся папу.

Малыш, номер 72, говорит:

– Что он имеет в виду?

Я пожимаю плечами.

Биржевик возится с запонками. Старается, чтобы получилось как можно дольше. Запонки – каратов на девять, не больше. Даже при таком тусклом освещении.

Малыш, номер 72, оборачивается к чуваку с тряпичным зверем. Лицо парнишки блестит от пота. Глаза распахнуты во всю ширь, так что белки видны сверху и снизу.

Он говорит:

– Дайте мне таблетку.

Чувак, номер 137, смотрит на мальчика. Смотрит долго.

Потом улыбается и говорит:

– А как ты рассчитаешься?

И малыш говорит:

– У меня только пятнадцать баксов. Все, что есть в кошельке.

Наблюдая за Шейлой, которая по-прежнему наблюдает за биржевиком в их практически патовой ситуации, я говорю, что чуваку с тряпичным зверем нужны не деньги. Во всяком случае, уж никак не пятнадцать баксов.

Малыш говорит:

– А тогда что?

Он говорит:

– Быстрее.

Я спрашиваю у малыша, знаком ли он с термином «подъемник». Вот того он и хочет, чувак номер 137.

И чувак улыбается, прижимая к груди своего зверя, и говорит:

– Вот того я и хочу.

На экранах вверху – крупный план сцены с проникновением. Вся мошонка того латиноса испещрена мелкими шрамами от неумелой электропиляции. Кратеры на лунной поверхности. Здесь около дюжины телеэкранов, и на всех – эти кошмарные, изрытые шрамами яйца под катастрофически сморщенной красной дыркой в трясущейся заднице.

Биржевик завязывает шнурки.

Шейла кричит с середины лестницы:

– Пожалуйста, джентльмены. Я прошу тишины. Мне надо подумать...

Она смотрит на лист у себя на планшете. Смотрит на малыша, номера 72. Смотрит на биржевика, который уже оделся и готов уйти.

Она говорит:

– Ну, хорошо. В порядке исключения... – Тычет пальцем в биржевика

и говорит: – Номер 14, идите за мной. – Потом указывает на парнишку и говорит: – Номер 72, вы пока подождите.

Чуваки возвращаются к своим прерванным делам: разговаривают, жуют чипсы, ссут в туалете и не спускают за собой воду. Скрещенные пальцы расплетаются. На телеэкранах вверху страшный, как черт, латинос так обильно потеет, что бронзер течет у него по щекам, оставляя коричневые полосы. Кожа под бронзером – сухая, шелушащаяся, обгоревшая. Я указываю на экран и говорю, обращаясь не к кому-то конкретно, а просто так говорю, в пространство:

– Ребята, сделайте мне одолжение.

Я говорю:

– Пристрелите меня, если когда-нибудь я буду выглядеть так же кошмарно.

Чувак номер 137, который стоит у меня за спиной, говорит:

– Уф, пронесло...

Малыш, номер 72, говорит:

– А что такое «подъемник»?

А Корд Куэрво говорит:

– Что ты сказал? – Он по-дружески тычет мне кулаком в плечо. Его бронзер слипается с моим бронзером, так что ему приходится отдирать пальцы от моего плеча.

Корд говорит:

– Там, в телеящике? Так это же *ты*, дружище. Типа лет пять назад.

18. Мистер 72

Мистер Бакарди смотрит на телеэкраны, подвешенные к потолку, на экраны, где крутят порно, и настойчиво повторяет:

– Нет, бля... не может такого быть...

Мистер Бакарди стоит, смотрит на телеэкраны. Сжимает двумя пальцами складку кожи, провисающей под подбородком, натягивает ее и отпускает. Он смотрит на телеэкран и гладит пальцами свои щеки, растягивает кожу, сдвигает ее к ушам, и морщинки вокруг его губ исчезают. Он говорит:

– Кретин-оператор, вообще не умеет снимать. Из-за него я там выгляжу по-уродски.

В некоторых местах его кожа – такая же сморщенная, как оболочка моего розового латексного секс-суррогата.

Мистер Бакарди настойчиво повторяет:

– В жизни я не такой. Осветители – идиоты, убить их мало...

Номер 137, бывший Дэн Баньян, держит своего пса для автографов на вытянутых руках, смотрит в его глаза-пуговицы и говорит:

– Кто-то пошел в отказ...

Заголовки в газетах – это чистая правда. Слухи о том, почему сериал Дэна Баньяна сняли с эфира. Это не слухи. Так все и было на самом деле.

– Я был нищим актером, у меня не всегда были деньги на то, чтобы поесть, – говорит номер 137. Он стоит, запрокинув голову, но не смотрит на телеэкраны. Он улыбается в потолок. Смеется в пустоту. Он говорит: – Если подбирать сравнения, то я был живым воплощением того, что сейчас чувствует Касси Райт...

На экранах под потолком моя мама играет в «Отдрочении по-итальянски», играет таинственную авантюристку, международную преступницу, замыслившую украсть драгоценную диадему.

Мистер Бакарди втягивает живот и расправляет плечи.

Он говорит:

– Паршивое качество видео, поганое разрешение.

Он говорит:

– Как будто снимали не с камеры в студии, а вообще со спутника.

Ярость и злость, говорит номер 137.

– Мне тогда было столько же лет, сколько тебе сейчас, – говорит этот парень, который был Дэном Баньяном, и смотрит на меня. Делает глубокий

вдох, медленно выдыхает. Пожимает плечами и говорит: – Мне названивали из кредитной компании. Грозились изъять машину за неплатеж. Предупреждали, что если я буду и дальше затягивать выплаты, мне поднимут процентную ставку до тридцати процентов. – Он вздыхает и горбится, так что руки свисают чуть ли не до колен. Он говорит: – Тридцать процентов! При сумме в двадцать пять штук я бы не расплатился и до конца жизни!

Поэтому ему и пришлось сняться в порно.

– Один опрометчивый шаг, – говорит номер 137, – может испортить тебе всю жизнь...

Он спрашивает, видел ли я такой фильм, «Три дня кондома».

Он говорит:

– Этот фильм оплатил мне машину. Долг по кредитной карте остался, но мне не пришлось отдавать машину.

Он не думал, что этот фильм кто-то увидит. В то время он глухо сидел без работы. И только спустя десять лет у него случился великий прорыв. Роль в сериале «Дэн Баньян, частный детектив».

Но тот фильм про гондон, с тех пор он висел над ним, словно дамоклов меч.

– Сняться в гейском гэнг-бэнге – на такое пойдешь только от окончательной безысходности, – говорит он, махнув рукой, и обводит взглядом помещение. – Каждый из нас в этой комнате, и ты сам, и все остальные... не важно, что ты будешь делать там, наверху... скажешь Касси Райт, что ты ее любишь, или трахнешь ее, или сделаешь *и то и другое*... потом можешь не ждать, что когда-нибудь тебя пригласят заседать в Верховном суде.

Он говорит, съемки в порно – это такая работа, за которую берешься, когда никаких других надежд уже не остается.

Дэн Баньян говорит, что половина парней, собравшихся здесь сегодня, – они пришли по совету своих агентов, чтобы «засветиться» на этом проекте. Все, кто причастен к порноиндустрии, все ждут, что сегодня Касси Райт умрет, и для актеров, которые были участниками событий, это вроде как станет хорошим трамплином для начала карьеры. Ну или для продолжения забуксовавшей карьеры.

– Только между нами, малыш, – говорит Дэн Баньян и показывает на меня, а потом на себя, – когда твой агент отправляет тебя трахать мертвую женщину, это значит, что твою карьеру уже можно спускать в унитаз.

Чуть в стороне от нас мистер Бакарди жмет пальцами себе на живот и говорит:

– Может быть, если как следует подкачать ноги...

Он подносит к лицу растопыренные ладони, смотрит на них, поворачивает тыльной стороной вверх. Смотрит и говорит:

– Сейчас в каждом салоне можно сделать микродермабразию, чтобы кожа снова была молодой.

Оттянув кожу над тазовой костью, он говорит:

– Может быть, стоит подумать о липосакции. Об имплантации икроножных мышц. И пекторальных мышц тоже...

Дэн Баньян поднимает своего пса, смотрит в его пуговичные глаза и говорит:

– С собой всегда можно договориться.

На телеэкранах сверху – сцена, в которой мистер Бакарди вставляет моей маме сзади. При каждом толчке его дряблые, отвисшие яйца пожилого коня раскачиваются и бьются о выбритую полосу кожи между влагалищем и анальным отверстием моей мамы. Об эту ничейную землю. О нейтральную полосу.

Парень, который был Дэном Баньяном, он говорит, что единственный способ вытерпеть съемки в гейском гэнг-бэнге, когда толпа мужиков поочередно протягивает тебя в зад, – это расслабиться. По-настоящему. Дыши глубже, расслабься. Забудь о том, как тебя приучали в горшку. Представляй себе милые картинки с котятами и щенками. Он говорит, ты стоишь на коленях на краю кровати, а к тебе подходят пять здоровенных парней и заправляют тебе в карий глаз, по несколько фрикций каждый. Эти пятеро поочередно спускают тебе на спину. Потом подходят еще пятеро парней. И еще, и еще. На самом деле он не считал, сколько их было. Сначала начал считать, а потом сбился со счета. Он принял неслабую дозу кетамина, и это ему помогло.

Моя мама, там, наверху, за этой запертой дверью, под светом ярких прожекторов.

Дэн Баньян снова глядит в потолок и смеется.

Он говорит:

– Это не так романтично, как кажется.

Он говорит, что даже теперь, по прошествии стольких лет – засунь ему что-нибудь в задницу, и он с ходу определит, что это было. «Trojan» или «Sheik». Резина, латекс или шкурка ягненка. Не глядя, лишь по тактильному ощущению, он сможет назвать даже цвет презерватива.

– Я мог бы работать экспертом для подтверждения качества продукции, – говорит Дэн Баньян. – Мог бы давать представления «Экстрасенс, чующий жопой»...

Он говорит, что подъемник – это такой специальный человек в команде, снимающей порно, который отвечает за восстановление сил актеров-мужчин. Который отсасывает у них или дробит, чтобы у них встало перед съемкой.

Не знаю.

– Но самый смех в том, – говорит Дэн Баньян, – что большинство тех парней, которые снимались со мной в этом фильме, были стопроцентными натуралами. Просто они тоже нуждались в деньгах.

Он говорит, что когда он об этом узнал, такое внимание ему не польстило ни разу.

На телеэкранах вверху моя мама кладет в рот огромные фальшивые бриллианты. Лижет их и сосет. Ее губы и бритая щелка в этом фильме – они совсем не похожи на те, которые спрятаны у меня дома. Они совсем не такие, как те, что я выписывал по Интернету.

Мистер Бакарди смотрит себе под ноги, качает головой и говорит:

– Кого я обманываю?

Он смотрит на свои ноги, только глаза у него закрыты. Смотрит с закрытыми глазами и говорит:

– Я растратил впустую бесценный дар жизни.

Прикрывая закрытые глаза ладонью, он говорит:

– Да, бесценный дар жизни. А я так бездарно им распорядился. Просто-напросто вылил в помойную яму, вместе со струями спермача.

Дэн Баньян оборачивается к нему и говорит:

– Господи! Да перестаньте уже рыдать. Тоже мне, Элизабет Кюблер-Росс^[5]!

Когда он был в моем возрасте, говорит Дэн Баньян, он смотрел «Шлюха идет на войну: Первая мировая», и, может быть, даже видел мое зачатие, но сейчас речь не о том. Он смотрел фильм, смотрел, как Касси Райт принимает сначала французского солдата, потом – немецкого солдата, потом – американского пехотинца, и думал: «Черт, я тоже хочу стать таким же востребованным и известным...» Но на всех кинопробах он был просто еще одним молодым человеком среди тысяч таких же. На пробах для телерекламы. Для полнометражных художественных кинофильмов. Ему не перезвонили ни разу. Ему еще не исполнилось и двадцати одного года, а агенты по кастингу уже говорили, что он несколько староват. Что ему оставалось? Только одно: взять билет на автобус и вернуться домой в Оклахому.

Дэн Баньян открывает свой пузырек с таблетками и вытряхивает на ладонь одну штучку. Смотрит на нее и говорит:

– Мой агент считает, что если я засвечусь в этом проекте, это докажет, что я натурал. Ну или скрытый натурал. *Как минимум* бисексуал.

Дэн Баньян смотрит на голубую таблетку у себя на ладони. Его лоб – темно-красного цвета. На лбу вздулись вены. Его лицо напоминает сырой мясной фарш. Под кожей пульсируют и извиваются вены.

У его агента уже готов пресс-релиз – дожидается своего часа. Заголовок крупными буквами: «Дэн Баньян снова на высоте!» В самой статье говорится о недавней трагической смерти одной из американских порнозвезд первой величины. Но большая часть пресс-релиза посвящена официальному заявлению Дэна Баньяна, который категорически отрицает все слухи о том, что в трагической гибели моей мамы виноват его мощный железобетонный стояк и неудержимый животный темперамент.

Дэн Баньян протягивает мне таблетку. Говорит, если надо – бери. Просто так, безвозмездно. Мне не придется отсасывать у него – и вообще ничего не придется.

Мистер Бакарди хватается за медальон у себя на шее, открывает его, смотрит на то, что внутри.

Я знаю этот медальон, я его видел. На шее у мамы в «Рабочих ртах округа Мэдисон». Это ее медальон, Касси Райт. И сейчас он у мистера Бакарди.

– Одна ошибка, – говорит Дэн Баньян, – и потом хоть убейся, все равно ничего не исправишь. – Свободной рукой он берет мою руку. Его пальцы – горячие, как при очень высокой температуре. Они пульсируют в ритме его учащенного сердцебиения.

Он поворачивает мою руку ладонью вверх и говорит:

– Ты можешь работать, как проклятый, можешь стать самым умным и вообще распрекрасным, но никто не забудет о том, что однажды ты совершил ошибку. – Он кладет мне на ладонь голубую таблетку и говорит: – Один неверный шаг – и все, считай, ты покойник. Потому что жизнь кончена.

Мистер Бакарди смотрит на таблетку внутри маминого медальона.

– Так что вот... хорошо бы, чтобы кто-то сегодня умер, – говорит Дэн Баньян, – иначе мне остается одна дорога. Назад в Оклахому.

И он складывает мои пальцы в кулак – с голубой таблеткой, зажатой внутри.

19. Мистер 137

Когда я в последний раз видел Оклахому, я искренне верил, что вижу ее именно что в последний раз. Представьте себе огромное синее небо, которое смыкается с грязью, повсюду вокруг. Камни и грязь тянутся до горизонта – во всех направлениях, куда ни глянь. Камни, грязь и еще это солнце, которое всегда в зените. Полуденный гудок, ревущий на каланче добровольческой пожарной части. Камни, грязь и мой добрый, бесхитростный, добродушный отец, который пошел проводить меня на остановку, где мне предстояло сесть на междугородний автобус и уехать в большой город, полный скверны и разнообразных соблазнов.

Беседуя с девочкой-ассистенткой, я говорю, если бы штат Оклахома был таким же, как в мюзикле с одноименным названием, я бы, наверное, остался там и никуда не уехал. Ковбои, отбивающие чечетку на площадках железнодорожных вагонов. Глория Грэм. Колоритные цыгане. Феерические танцевальные номера в постановке Марты Грэхем.

Я тяну руку и двумя пальцами снимаю особенно крупную чешуйку перхоти с плеча черного свитера ассистентки. На ощупь – 50 процентов акрила, 50 процентов хлопка. Рукава реглан, высокий воротник под горло. Свитер связан резинкой. Весь в затяжках и петлях. Совершенно кошмарный.

Я щелкаю ногтями и отбрасываю белую чешуйку.

На мистере Тото, рядом с поддельным автографом Глории Грэм, написано: «Разве можно тебе отказать?!»

Наблюдая за белой чешуйкой, как она летит и исчезает в дрожащем мерцании телеэкранов, ассистентка говорит:

– Я пользуюсь ее шампунем... – Она кивает на экран над нами, где Касси Райт оказалась в ловушке тоталитарного научно-фантастического будущего. По сценарию она осталась единственной секс-бомбой на всю страну. Все остальные погибли из-за войны и утечки токсичных отходов. Касси – последняя уцелевшая «горячая штучка», в связи с чем ее принуждают ходить в микроскопических трусиках «танга», поддерживающем бюстгальтере и туфлях на высоченных шпильках, и давать каждому, кто захочет, и отсасывать у всех мужиков в правительстве этого фашистского, псевдорелигиозного, теократического государства, где все построено на ветхозаветных законах. Фильм называется «История секс-служанки».

Классика социального порно.

– Собственно, я так и устроилась на эту работу, – говорит ассистентка. – В нашу первую встречу с мисс Райт, она почувствовала его запах от моих волос и поняла, что я пользуюсь ее шампунем.

Я говорю:

– И я тоже, – и провожу рукой по волосам, которые зачесаны так, чтобы скрыть залысины.

– Я уже догадалась, – говорит ассистентка и хмурится. – Либо шампунь, либо химиотерапия, либо вы чем-то серьезно больны, чем-то очень нехорошим.

Нет, говорю. Просто шампунь.

А она говорит:

– Вы ошиблись.

Я говорю, ну, хорошо, ладно, через мой бедный зад прошла целая армия посторонних парней – сто лет назад, в каком-то дурацком гэнг-бэнге, о котором давно все забыли, – но у меня нет никаких нехороших болезней. Где-то там, среди бумаг на ее планшете, должна быть моя справка от венеролога.

– Нет, – говорит ассистентка. Она читает надписи и имена на белых холщовых боках мистера Тото и говорит: – Не Марта Грэхем, а Агнесс де Миль.

Я написал ее автограф на мистере Тото с одной буквой «Л». «Агнесс де Миль». Серьезный прокол.

Ничего, говорю. Это не страшно. Я столько раз ошибался в жизни. Почти во всем.

Уж поверьте мне на слово, я не стал выдавать всю историю о себе, о моем добром папочке и о прекрасной, прекрасной Оклахеме, что раскинулась под синим небом без конца и без края. Нет, спросить-то, конечно, можно, но я сберегу эту историю для Чарли Роуза. Для Барбары Уолтерз. Для Ларри Кинга или Опри Уинфри. Если кто-то и станет производить публичное вскрытие моих наиболее интимных органов, то это будут лишь общепризнанные боги ток-шоу.

Там, на остановке, пока мы ждали автобуса, папа все повторял, чтобы я обязательно им написал. Сразу, как только я обустроюсь в Калифорнии, я должен прислать им с матерью открытку и сообщить свой адрес, чтобы они знали, куда пересылать мою почту. Он просил, чтобы я позвонил. Пусть даже за счет вызываемого абонента, если не будет другой возможности. Сразу, как только я доберусь до Лос-Анджелеса. Чтобы мама не волновалась.

Отцы. Матери. С их любовью, вниманием и заботой. Хрен дождешься от них понимания и сочувствия. Поименют тебя на раз.

Девочка-ассистентка стоит неподвижно. Она расправила плечи, чтобы я смог стряхнуть с ее свитера белые хлопья перхоти. В ее глазах пляшут крошечные отражения Касси Райт. Как последняя секс-бомба в научно-фантастическом будущем, Касси – ради ее собственной безопасности – вынуждена выходить на улицу в широком длинном плаще и широкополой шляпе. Почти монашеское одеяние, только красное.

Чей-то голос говорит:

– Проследи, чтобы он надел презерватив, Шейла.

Мужской голос.

Бранч Бакарди подходит к нам. Стоит, втянув живот, но дряблые складки кожи все равно нависают над резинкой его красных боксерских шортов.

Шейла не произносит ни слова. Даже не смотрит в его сторону.

Бакарди показывает на меня большим пальцем и говорит:

– Девочка, ты не к тому обратилась.

Бакарди стоит, скрестив руки на своей бритой груди. Он улыбается, проводит языком по верхним зубам, подмигивает и говорит:

– Но если хочешь, чтобы тебе заделали ребеночка, тогда я – твой мужчина.

Она вздрагивает под своим черным кошмарным наполовину синтетическим свитером. Передергивает плечами, закрывает глаза и говорит:

– Насильник.

Тогда, в Оклахоме, выпускной у нас в школе был вечером в субботу, а я уезжал в понедельник утром. Вот я иду по футбольному полю, в своей черной шапочке и мантии, и школьный инспектор Фрэнк Рейнольдс вручает мне диплом, а уже в следующее мгновение я стою с чемоданом на автобусной остановке. Чемодан – это подарок на окончание школы. Мы с отцом, щурясь, глядим на дорогу. Высматривая автобус, отец говорит:

– И если встретишь хорошую девушку, обязательно напиши. Ну, ту самую единственную, которая на всю жизнь.

Спустя две-три чешуйки перхоти после того, как Бакарди отходит от нас, девочка-ассистентка говорит:

– Он пытался заставить ее сделать аборт. Говорил, что возьмет на себя все расходы. Говорил, что ребенок испортит ей грудь, и на этом ее карьера в кино благополучно закончится.

Ассистентка говорит, что ей надо забрать пакеты с одеждой тех троих

парней, которые поднялись на съемочную площадку – туда, к Касси Райт. Ей надо отдать им одежду и обувь.

На другом конце комнаты молоденький актер задумчиво разглядывает таблетку у себя на ладони.

Я спрашиваю в шутку, почему те, кто поднялся на съемочную площадку, не выходят назад? Это что, некий массовый снафф в стиле черной вдовы? Там у них есть специальный человек, который умерщвляет всех актеров-мужчин сразу после того, как они кончают?

Это я так шучу.

Но ассистентка молчит и внимательно смотрит на меня. Смотрит долго, я успеваю снять одну, две, три чешуйки перхоти. Я беру их кончиками пальцев и отбрасываю щелчком ногтя. Четыре чешуйки, пять, шесть. А потом она говорит:

– Да. На самом деле это такой очень хитрый, коварный план по похищению ношенной мужской одежды...

Снимая с черного свитера белые хлопья, я спрашиваю у нее, почему нельзя взять одного и того же актера и снять его несколько раз, написав у него на руке новый номер? Можно же снять крупным планом только его руку, каждый раз с другим номером. И тогда молодой человек, номер 72, сможет спокойно уйти. И судьба проекта не будет зависеть от настроения собравшихся здесь парней. И не придется никого удерживать и уговаривать. И заморачиваться на то, чтобы все были довольны и счастливы.

Одной рукой ассистентка прижимает к животу нижний край планшета, а другой снимает с держателя черный фломастер. Машет им у себя перед носом и говорит:

– Несмываемые чернила.

Тогда в Оклахоме, утром в тот понедельник, щурясь на солнце, глядя на пустую дорогу влажными глазами, слезящимися от запаха горячего асфальта, мой отец сказал:

– Ты же все знаешь, да? Ну, как быть с девчонкой?

Он сказал:

– Ты же знаешь, как предохраняться?

Я сказал, что все знаю. Я знаю.

И он спросил:

– А ты это делал?

Что именно? – уточнил я. Надевал презерватив? Или был с девушкой?

И он рассмеялся, хлопнул себя по бедру, выбив облачко пыли из джинсов, и сказал:

– А зачем еще надевают резинку, если не для того, чтобы быть с девочкой?

Оклахома раскинулась вокруг нас – мир, распростертый по всем направлениям от того места, где мы стояли на гравиевой обочине шоссе, только мы с ним вдвоем, он и я, и я сказал своему отцу, что никогда не встречу ту самую единственную девочку. Которая на всю жизнь.

А он сказал:

– Не надо так говорить. – По-прежнему щурясь на горизонт, он сказал: – Просто не надо робеть, надо быть посмелее.

Этот черный фломастер, говорит девочка-ассистентка, он как временная татуировка. Вообще не смывается. То есть когда-то он смоется. Только на это уйдет целая жизнь одного куска мыла.

Вставляя фломастер обратно в держатель в верхней части планшета, она говорит:

– Надеюсь, у вас в гардеробе хватает рубашек с длинным рукавом.

Камни и солнце. Автобуса что-то не видно. Вся моя одежда, которая есть, лежит в чемодане. Мне надо было заткнуться. Или сменить тему. Например, заговорить о прогнозе погоды или о ценах на бушель озимой пшеницы. Мы могли бы скоротать время за разговором о миссис Уэллтон, начальнице почты, и о ее слизистом колите. Или поговорить о достоинствах и недостатках новых тракторов «Месси» в сравнении с «Джоном Диром», или вспомнить о том, каким дождливым и холодным выдалось прошлое лето, и тогда нам обоим было бы проще – и теперь мы бы были гораздо счастливее, оба.

Этот автобус, он по-прежнему где-то за горизонтом.

И знаете что? Я сам все испортил. В те последние десять минут перед тем, как уехать из дома, я сказал папе, что я – оклагомо.

Гомо из Оклахомы.

Беседуя с девочкой-ассистенткой, я глотаю еще одну таблетку. Пот течет у меня по лицу. Струи пота стекают со лба на брови. От висков – по щекам. Капельки пота собираются на мочках ушей. Срываются, падают на пол, ложатся темными пятнышками мне под ноги. Кожа на шее горит.

Ассистентка говорит:

– Может быть, вы прекратите глотать таблетки?

Она говорит:

– А то вид у вас нездоровый.

Я говорю ей, что я здоров и ничем не болею.

Автобуса по-прежнему нет как нет, и мой отец говорит:

– Это просто недоразумение. Ты не тот, за кого ты себя принимаешь.

Он сплюнул в пыль, на пыльный гравий на обочине шоссе, и сказал:
– Это все из-за того, что кто-то сделал с тобой нехорошую вещь, когда ты был маленьким.

Кто-то трахнул меня в попу.

И я спрашиваю его: Кто?

– Зачем тебе знать имена? – говорит мой отец. – Ты, главное, знай, что от природы ты не такой.

Я просил: Кто меня трахнул?

Но отец лишь покачал головой.

И я сказал ему, значит, это неправда. Он это выдумал. В надежде, что я изменюсь. Он выдумал эту историю, чтобы сбить меня с толку. Придумал причину, почему мне нельзя просто быть тем, кто я есть – и быть этим довольным. В нашей округе нет растлителей малолетних. Нет и не было никогда.

Но отец покачал головой и сказал:

– Это не выдумка.

Он сказал:

– И мне жаль, что не выдумка.

Автобуса по-прежнему не видно.

– Расслабься, чувак, – говорит голос.

В этой комнате, здесь и сейчас, Бранч Бакарди говорит:

– Даже если ты склеишь ласты, доведешь себя до сердечного приступа или инсульта, тебя просто положат на спину, и Касси оседлает твой мертвый окоченевший дрын в положении сидя верхом на партнере.

Он отходит от нас и говорит на ходу:

– Сегодня у нас лотерея, а что же еще?

Снимая белые хлопья со свитера ассистентки, я говорю, что, как бы кошмарно это ни звучало, но, вполне вероятно, я позволил, чтобы больше пятидесяти незнакомых парней трахнули меня в задницу, лишь для того, чтобы доказать, что отец был неправ... Это мой самый главный страх в жизни: что я подставил свой зад этим парням, которых хватило бы, чтобы составить пять бейсбольных команд, лишь бы доказать себе, что мой отец – не извращенец.

В ту секунду, в тот удар сердца, когда на горизонте показался автобус, отец сказал:

– Ты должен мне верить.

Я говорю, что он врет. У меня подгибаются колени, так что я могу взяться за ручку моего чемодана, даже не наклоняясь. Но мне все-таки удается устоять на ногах. Мои губы произносят слова. Они говорят, что он

врет, чтобы я оставался натуралом.

С каждым словом автобус все ближе.

Отец говорит:

– Ты мне поверишь, если я скажу, кто это сделал?

Кто меня трахнул, когда я был маленьким.

Моя рука, в которой зажат билет, дрожит.

Автобус уже подъезжает. Последние секунды того последнего разговора с отцом в Оклахоме подходят к концу, и отец говорит:

– Это был я.

Это он меня трахнул.

Беседуя с девочкой-ассистенткой, снимая белые хлопья с ее черного свитера, я случайно кладу в рот чешуйку перхоти вместо таблетки. Мертвая кожа, жесткая от жира или воска. Я выплевываю ее.

На телеэкранах, подвешенных под потолком, Касси Райт разрывает свое научно-фантастическое монашеское одеяние на длинные полосы и плетет из них веревку, вплетая в нее пастельно-розовые и желтые бюстгалтеры и трусики «танга» – чтобы сбежать через окно.

Я спрашиваю у ассистентки, можно я сниму перхоть с ее волос?

Она пожимает плечами и говорит:

– Только там, где видно...

Там, в Оклахоме, междугородний автобус уже подъезжает к нам с папой, к тому месту, где мы стоим – в самом центре нашего плоского штата, – и отец говорит:

– Это было всего один раз, сынок.

Он говорит:

– И не надо, чтобы чья-то чужая ошибка навсегда испортила тебе жизнь.

Автобус тормозит. Дверь открывается. Одна, две, три ступеньки. Мои ноги заходят в автобус. Рука протягивает водителю билет. Мои губы произносят:

– Лос-Анджелес.

Мой отец, там, внизу, кричит:

– Пиши, ты обещал.

Он кричит:

– Ты ни в чем не виноват, и не надо себя наказывать.

Мои уши все это слышат.

Девочка-ассистентка наблюдает за Бранчем Бакарди, следит за ним взглядом. Она отводит глаза лишь тогда, когда он оборачивается в ее сторону.

Она говорит:

– Да, родители, они такие. Поимеют тебя на раз...

Там, в Оклахоме, уже в автобусе, мои ноги ведут меня по проходу, в самый конец салона. Моя задница усаживает меня на сиденье.

С тех пор у моей бедной задницы было немало свершений.

Моя задница – кинозвезда.

Только знаете что? Я ни разу не написал домой.

20. Шейла

В 1944 году, снимаясь в фильме «Кismet», Марлен Дитрих делала себе искусственный загар на ногах с помощью медной краски. Краски медного цвета на основе свинца. Свинец впитывался через кожу. В итоге у Дитрих случилось сильнейшее отравление. Мисс Райт рассказывает мне все это, пока я помешиваю растопленный на водяной бане воск.

Мисс Райт снимает футболку, джинсы и трусики. Голая, она наклоняется и расстилает на кухонном столе большое банное полотенце. В ее двухкомнатной квартире голые стены испещрены дырками от гвоздей. Мебели практически нет. Есть только грязный, когда-то белый раскладной диван. Два кухонных стула из гнутых хромированных железок и такой же хромированный стол. Мисс Райт раскладывает на столе второе и третье полотенца. Потом – четвертое. Делает толстую подстилку из полотенец.

В кухонных шкафах – пустота. В холодильнике, может быть, и найдется какая-то еда, завернутая в фольгу. Блюда навынос из греческого ресторанчика на первом этаже. В ванной, на бачке унитаза – последний рулон туалетной бумаги.

Присаживаясь голой задницей на краешек кухонного стола, мисс Райт рассказывает о том, что актриса Люсиль Болл категорически не признавала пластических операций. Никаких хирургических подтяжек лица для Люси. Вместо этого она отрастила волосы на висках. Густые длинные пряди, закрывавшие уши. И перед тем как появиться на публике, на телевидении или в кино, Люси накручивала эти длинные пряди на деревянные зубочистки. Потом надевала парик на макушку и подтягивала зубочистки назад и вверх, так что они, в свою очередь, туго натягивали дряблую кожу у нее на щеках. Потом Люси втыкала зубочистки в парик, а поверх всего этого надевала еще один парик – пышный рыжий парик с начесом. После определенного возраста, каждый раз, когда Люсиль Болл снималась на телевидении, смеялась, шутила и веселила публику, улыбалась и выглядела потрясающе для своих лет, эта женщина терпела невероятную боль.

Подлинный факт, если верить мисс Райт.

Кивая на картонные коробки, составленные в гостиной, на коробки, на которых написано «Благотворительность» или «На выброс», я спрашиваю, не собирается ли она в путешествие.

Мисс Райт поудобнее усаживается на полотенцах. Потом поворачивается, так чтобы забраться на стол с ногами. Держится обеими

руками за край стола, чтобы не смять полотенца. Ложится на спину, опираясь на локти. Ставит ноги на краешек стола. Она полностью голая. Ноги согнуты в коленях и расставлены широко-широко, как лапы лягушки.

Она говорит:

– Куда в путешествие?

Мисс Райт раздвигает ногтями волосы у себя на лобке, находит кудрявый седой волосок, выдирает его и бросает на пол. Она говорит:

– Не будем жеманиться, да?

Она говорит, что актриса Барбара Стэнвик мазала лицо клеем ПВА «Элмерс». Точно так же, как в младших классах мы сами мазали этим клеем ладони. Молочная кислота помогает отшелушивать мертвые клетки, а когда ты сдираешь засохшую маску из клея, у тебя очищаются поры и заодно вырываются единичные случайные волоски.

Мисс Райт говорит, что кинозвезда Таллула Бэнкхед собирала яичную скорлупу, молола ее в «грубый» крупный порошок и пила вместе с водой. Кусочки перемолотой скорлупы царапали и раздражали ей горло, в результате чего ее голос стал хриплым и сексуальным. Говорят, Лорин Бэколл делала то же самое.

Мисс Райт разглядывает мои волосы. Запрокинув голову, она говорит, что мне надо взять таблетку аспирина, растереть ее в порошок и смешать с небольшим количеством шампуня. Если мыть голову такой смесью, перхоть пройдет очень быстро.

А я... я продолжаю помешивать воск.

Мисс Райт говорит:

– А что, мама тебя ничему не учила?

Она сидит на кухонном столе, широко раздвинув ноги, и рассказывает о том, как Мэрилин Монро всегда обрезала каблук на одной туфле, так чтобы одна нога была чуть короче другой – чтобы ягодицы соблазнительно терлись друг о друга при каждом шаге.

Лучший способ обесцветить синяк от поцелуя взасос – намазать его самой обычной зубной пастой. Для того чтобы убрать припухлости вокруг глаз, надо положить на глаза по ломтику сырого картофеля. Содержащаяся в картофеле альфа-липоевая кислота снимает воспаление. Чисти лицо с помощью отшелушивающей маски из пищевой соды и никогда не мой его мылом.

Я говорю ей, что воск готов. Не слишком горячий, не слишком густой. На плите, на водяной бане, греется желтый воск. Его надо греть в той же баночке, в которой он продается. Во второй кастрюльке нагреваются шарики жесткого французского воска, похожие на лущенный горох, только

темно-синего цвета. При нагревании эти шарики растапливаются и превращаются в темно-синюю пастообразную массу.

Мисс Райт спрашивает:

– Ты нарезала кисею?

Рулон кисейной ленты, широкой и белой, как бумага для кассовых аппаратов или как лента для счетных машин, – я уже нарезала длинный лоскут на маленькие аккуратные квадратики.

Наблюдая за тем, как я беру деревянную палочку, которую врачи называют депрессором или шпателем для отдавливания языка, и опускаю ее в желтый воск, мисс Райт говорит, что начать надо с синего. Жесткий воск проще в том смысле, что его удобнее контролировать. Темно-синий французский воск позволяет добиться более четких контуров. На самых чувствительных местах.

Наблюдая за тем, как я набираю на деревянную палочку плюшку синего воска и склоняюсь к ней между ее раздвинутыми коленями, мисс Райт говорит, что Долорес дель Рио густо припудривала соски порошковым виноградным желе, чтобы они были темнее. Для того чтобы соски лучше просвечивали сквозь одежду, Рита Хейворт красила их в ярко-розовый цвет порошковым клубничным желе.

Культовая фотомодел, пинап-герл Бетти Грейбл, опрыскивала себе задницу и грудь лаком для волос, пока они не становились влажными. После такой процедуры ее отдельный купальник держался намертво, в буквальном смысле приклеенный к коже. Ту же хитрость применяют и для туфель на шпильках, чтобы ноги не «ездили» и не скользили.

Я склоняюсь над седой «муфтой» мисс Райт. Светлые волосы с седыми корнями. Розовый шрам после эпизиотомии тянется тоненькой ниточкой посередине. Я размазываю горячий синий воск деревянной палочкой, тонким слоем по росту волос.

Мышцы у нее на ногах дергаются и сжимаются, словно их сводит судорогой. Мышцы перекатываются под кожей. Глаза мисс Райт крепко зажмурены. Она рассказывает о том, как известный дрочил Лон Чейни варил яйца вкрутую и приносил их на съемки «Призрака оперы». Перед самым началом съемок он чистил яйца и осторожно снимал со скорлупы белую пленку. Изображая слепого, Чейни вставлял эту яичную пленку в глаза. Поддельные бельма от катаракты. Под пленкой собирались бактерии, и Чейни ослеп на один глаз.

Подлинный факт.

Депрессором языка я зачерпываю еще одну плюшку горячего воска. Размазываю его тонким слоем по волосам между ног у мисс Райт.

Для того чтобы снять боль – резкую, рвущую, обжигающую боль, когда отдираешь воск вместе с волосами, – нужно надавить пальцами на это место, говорит мисс Райт. Надавить очень сильно, чтобы онемели нервные окончания. Но еще лучше – шлепнуть. Настоящие специалисты резко отдирают ткань с воском от кожи, а потом шлепают ладонью по выщипанному участку. Со всей силы.

Она говорит, что брить ноги надо всегда только утром. К вечеру ноги слегка отекают и опухают, и у тебя не получится срезать весь волос. Так что к утру на ногах будет щетина.

Набирая на деревянную палочку еще одну плюшку горячего воска, я спрашиваю у мисс Райт, почему она все-таки родила ребенка? Почему она... ну, не прервала нежелательную беременность? Зачем ей было рожать ребенка и терпеть всю эту боль, если она сразу знала, что не оставит его у себя, а отдаст на усыновление? Наклонившись над хромированным кухонным столом, я рисую еще одну темно-синюю дымящуюся полосу между ног у мисс Райт.

Отшелушивание кожи, говорит она, лучше всего проводить натуральным скрабом из холодной кофейной гущи. Дубильная кислота нежно снимает слой омертвевших клеток. Для того чтобы скрыть целлюлит, нужно прижать к коже в проблемных местах слой теплой кофейной гущи и поддержать десять минут. После такого компресса внешний вид бедер мгновенно улучшится, но лишь на ближайшие двенадцать часов.

Она говорит, что обстоятельства зачатия ее ребенка были настолько кошмарными – это было такое невообразимое предательство, – что ей захотелось, чтобы из этого ужаса получилось хоть что-то хорошее.

Мисс Райт кивает на следующий дымящийся комок горячего воска и говорит:

– Говорят, если положить под стол нож, он разрежет боль пополам...

Она говорит, что в порноиндустрии крупный план проникновения члена в любое из отверстий называется «мяском». Ее глаза по-прежнему крепко зажмурены, зубы стиснуты, руки сжаты в кулаки. Воск остывает и затвердевает, капли пота стекают на полотенце.

Мисс Райт говорит:

– Мистер Демилль, я готова для своего «мяска»...

Она говорит, что воск надо сдирать в направлении, противоположном росту волос. Говорит, что сдирать надо быстро, а потом – обязательно шлепнуть ладонью по голой коже.

Церковный запах горящих свечей. Запах торта ко дню рождения, до

того, как ты загадаешь желание и задуеть свечки. У нее между ног пахнет пекарней, свежим горячим хлебом.

Сквозь стиснутые зубы она говорит:

– Я не собиралась становиться порнозвездой...

Мисс Райт рассказывает о старой французской хитрости: намочить махровую салфетку холодным молоком, положить ее на лицо и подержать так несколько минут. Потом намочить салфетку горячим чаем и опять положить на лицо. Холодный белок молока и горячие антиоксиданты чая стимулируют кровообращение кожи, и кожа буквально лучится свежестью.

Струйки пота текут по ее голым бедрам. Пот стекает на верхнее полотенце, оставляя на нем темные пятна. Мисс Райт говорит:

– А ты любила свою маму?

Я подцепляю ногтем уголок застывшей полоски темно-синего воска. Приподнимаю краешек над кожей. Резко дергаю и отрываю всю жесткую синюю полосу – полосу светлых волос с седыми кончиками. Шлепаю ладонью по коже, со всей силы.

Наверное, мисс Райт больно. Потому что у нее слезятся глаза.

От пояса и ниже она теперь – как совсем юная девочка.

Кожа гладкая, как попка младенца.

Мелкие капельки крови наливаются на обработанных воском местах. Каждый волосяной фолликул – словно влажная красная точка.

Я шлепаю еще раз, чтобы облегчить боль, и из глаза мисс Райт вытекает одинокая слезинка. Течет по щеке черной дорожкой расплывшейся туши. И я бью сильнее, так что кровь брызжет в стороны и забрызгивает нас обеих.

21. Мистер 600

Шейла и этот чувак, тот, который с тряпичным зверем, – они, похоже, нашли друг друга. Стоят, мило общаются. Чувак прикасается к ее сиськам и волосам. Шейла рассказывает ему гадости обо мне. Оба поглядывают на меня. Показывают на меня пальцем. Говорят гадости.

Чувак с телящика то и дело проводит рукой по своим волосам и стряхивает на пол выпавшие волоски. На его красном лице ветвятся прожилки набухших вен. Выпученные глаза, похоже, готовы вывалиться из глазниц. Слезающиеся глаза – красные от полопавшихся сосудов. Волосы, мокрые от пота, прилипли ко лбу и к шее.

Чуваку явно нехорошо.

Симптомы, которые не способен скрыть даже его «глазированный» темный загар из Палм-Спрингз.

Справки, которые Шейла требовала от всех чуваков, пожелавших участвовать в съемках, – это еще не гарантия, что эти ребята действительно здоровы. Резинки рвутся. И, говорят, некоторые болезни передаются даже через презерватив.

Я хожу кругами по комнате, как тигр в клетке. Лавируя между полуголыми чуваками. Большими кругами по комнате – сквозь облака густых запахов детского масла и одеколона «Stetson». Стараясь не наступать на скользкие маслянистые отпечатки ног – следы чуваков, которые пытаются натереться до блеска.

Мне как-то не хочется, чтобы этот, с тряпичным зверем – чувак, которому запаяли в очко сколько-то там мужиков, охочих до особей своего пола, – передал мне эстафету своих проблем. Да, у меня номер 600, и мой выход – вроде как завершающий аккорд, но я не пойду туда следом за ним. Ладно, пусть он убьет красотку, которой хочется умереть. Но меня он не убьет. Больше того, я позабочусь о том, чтобы на ближайшие пару лет ему не светила вообще никакая работа.

Есть такой анекдот, типа загадка. «Каков процент снаффа среди всех фильмов гейского порно?» Ответ: «Если чуть-чуть подождать, сто процентов».

Эта шуточка... это не шутка.

Шейла и чувак с тряпичным зверем по-прежнему смотрят на меня.

Говорят обо мне всякие гадости.

На другом конце комнаты малыш, номер 72, продолжает разглядывать

таблетку у себя на ладони. Средство для стояка.

На экранах вверху Касси спускается из окна по веревке, сплетенной из лифчиков и прочих предметов женского туалета. Прыгает, приземляется на траву. Темной ночью, на улице. Практически голая, только с большими сережками в ушах и в туфлях на шпильках, она бежит, не разбирая дороги, а за ней по пятам мчится свора остроухих доберманов. Воют сирены. Лучи прожекторов мечутся по траве.

Чувак с тряпичным зверем смеется. Шейла смеется. Оба смотрят на меня.

Да, я уже не так молод, как прежде, но я все-таки требую к себе уважения. Мое участие в этом проекте привлекло часть финансирования. Имя, которое я себе сделал за годы тяжелой работы, обеспечило закупку чипсов и прочей дряни, которую сейчас поглощают особо голодные. Аренду этого помещения. Покупку кровати, которую сейчас бороздят чувачки в комнате наверху. Вроде бы достаточно, чтобы я мог рассчитывать на определенную долю уважения.

Малыш, номер 72, этот маленький дурачок, стоит и смотрит на таблетку у себя на ладони, смотрит на Касси, которая убегает от своры собак.

Я подхожу к нему и говорю:

– Слушай, ты ведь не собираешься умирать? Ты не за этим сюда пришел, правильно?

Я говорю:

– Я вот тоже.

Я говорю:

– Этот, который с тряпичной зверюгой, который Дэн Баньян... он вполне может устроить снафф нам обоим.

Я говорю, что у меня есть план, и прошу его мне посодействовать. С совершенно невинным видом мы с ним подходим к этому Дэну Баньяну и Шейле, которые все еще мило беседуют. Она держит в руках свой планшет. Он – своего зверя, на котором написано «Бритни Спирс».

Я говорю Шейле, что номер «600» у меня на руке потускнел из-за бронзера, и прошу дать мне на пару секунд черный маркер, чтобы побыстрому обновить цифры.

Шейла смотрит на меня с кривой полуулыбочкой, приоткрывающей зубы с одной стороны рта. Она так широко раздувает ноздри, что, кажется, если как следует приглядеться, можно увидеть ее мозги. Шейла вынимает фломастер из держателя на планшете и дает его мне.

Я беру маркер и говорю ей:

– Спасибо, милая.

Шейла молчит. Они оба молчат: и она, и чувак с тряпичным зверем. Они уже не смеются. Они выжидательно смотрят на меня. Ждут, когда я уйду.

Для того чтобы их обмануть, я делаю пару шагов в сторону. Малыш идет следом за мной. Мы заходим Шейле за спину. Я снимаю с фломастера крышку и пишу новый номер «600» у себя на руке, поверх старого. Потом перекладываю маркер в другую руку и подновляю второй номер тоже.

Малыш наблюдает за тем, как его мама пытается залезть на высокое дерево. Голая, в туфлях на шпильках. Собаки остановились под деревом и лают. Охрана уже на подходе. Белая полоска незагорелой кожи высоко на бедре Касси оттенена по краям прикосновением жаркого солнца Акапулько, бежевый двухнедельный загар в Монтерее смыкается с остаточным красным оттенком давних выходных в Тихуане.

Я делаю шаг и встаю за спиной чувака с тряпичным зверем. Быстро просовываю свободную руку ему под мышку, потом завожу ту же руку ему за шею и хватаю за жиденькие волосенки на затылке. Оттянув ему голову назад, держу борцовским захватом полунельсон. Он лихорадочно машет руками, бьет себя по бокам. Его ноги скользят по полу, залитому детским маслом. А я подношу маркер к его лицу и пишу у него на лбу одно слово. Большими буквами – на его телезвездном лбу. Я отпускаю его, и он оборачивается ко мне.

Все завершилось буквально за пару секунд. Как говорится, дольше рассказывать.

Мои руки, грудь и живот, они липкие и скользкие от пота этого чувака.

Красный как свекла, он смотрит на маркер у меня в руке и говорит:

– Что ты там написал?

Он трет лоб обеими руками и рассматривает свои пальцы, нет ли на них черных клякс. Он трет лоб и говорит:

– Ты написал «ПИДОР», да?

Он оборачивается к парнишке, номеру 72, и говорит:

– Он написал «ПИДОР»?

Малыш качает головой.

Чувак с тряпичной зверюгой смотрит на Шейлу.

И она говорит:

– Еще хуже.

Я отдаю маркер Шейле и говорю:

– Он хочет славы? Вот теперь ему будет слава.

Шейла не забирает маркер, и он падает на бетонный пол. А рядом

падает тряпичный зверь. Надписи у него на боку расплываются пятнами разноцветных чернил, растворяющихся в детском масле, которым заляпан весь пол.

Чувак плюет себе на руки, растирает лоб.

– Ты, – говорит он, глядя на меня. – Ты изнасиловал маму этого мальчика. Опоил ее какой-то дрянью и испортил ей жизнь.

Малыш, номер 72, говорит:

– То есть как?

Шейла смотрит на часы у себя на руке и говорит:

– Джентльмены, прошу минутку внимания...

Все чуваки, ясный пень, умолкают и смотрят на Шейлу. Напряженно прислушиваются. Руки тянутся вверх, к телевизорам, чтобы выключить звук. Собачий лай и сирены смолкают.

Чувак, таскавшийся с тряпичным зверем, срывается с места и бежит в туалет, распахивая локтями других чуваков. Его босые ноги влажно шлепают по полу.

– Мне нужны следующие номера... – говорит Шейла, глядя на список у себя на планшете.

Номер 72 оборачивается ко мне:

– Кого вы там опоили?

И чувак, который с тряпичным зверем, он оборачивается и кричит во весь голос. Сейчас, когда стало тихо, его крик разносится по всей комнате. Он кричит:

– Очнись, ты. Придурок. Этот козел – твой отец.

Шейла выкрикивает номера:

– Номер 569... Номер 337...

Чувак, который с тряпичным зверем, пробивается сквозь небольшую толпу перед дверью в сортир. Чуваки замерли, как изваяния, облитые детским маслом. Они затаили дыхание и слушают.

Шейла нагибается и поднимает маркер. Выпрямляясь, она говорит:

– И номер 137...

Я говорю малышу:

– Мне, знаешь ли, как-то не хочется умереть после сегодняшних съемок.

Малыш, номер 72, поднимает размокшего зверя с грязного скользкого пола.

А там, в туалете, глядя в зеркало над крошечной раковиной, чувак, который таскался с тряпичным зверем, начинает истошно кричать.

22. Мистер 72

Девушка с секундомером продолжает выкрикивать номер Дэна Баньяна. И вот наконец он выходит из туалета. Вода стекает ручьями по его лицу. Надо лбом, под корнями волос, белеет несмытая мыльная пена. Девушка с секундомером стоит на верхней ступеньке лестницы – темный силуэт на фоне открытой двери. Свет, бьющий из двери, он слишком яркий. На него больно смотреть. Девушка продолжает выкрикивать номер Дэна Баньяна, номер 137, и он поднимается вверх по лестнице, на ходу растирая лоб мокрым бумажным полотенцем, сложенным в несколько раз.

Все, кто находится в комнате, старательно отводят глаза. Смотрят куда угодно, но только не вверх – не на свет, бьющий из двери, и не на частного детектива Дэна Баньяна, который громко рыдает, и трет кулаками глаза, и весь дрожит крупной дрожью, и твердит, с трудом выдавливая слова и захлебываясь слезами:

– ...это неправда, неправда...

Чтобы не смотреть на него, я наклоняюсь и поднимаю с пола его пса для автографов. Но поздно – жирное масло, которым заляпан весь пол, пролитая сладкая газировка и холодная моча, просочившаяся из туалета, уже пропитали холщовые бока и размыли имена, когда-то бывшие Лайзой Миннелли и Оливией Ньютон-Джон. Шкура тряпичного пса – вся в чернильных разводах и пятнах, похожих на синяки.

Дэн Баньян, номер 137, заходит в комнату наверху и растворяется в ослепительном белом сиянии. Слово, которое написал у него на лбу мистер Бакарди, оно так и осталось. Не смылось. «СПИД».

На его тряпичной собаке уже не прочтешь, как Джулия Робертс была от него без ума. Пес для автографов – влажный, холодный и липкий. Стоит лишь прикоснуться к нему, и на пальцах остаются черные пятна.

Обращаясь к мистеру Бакарди, я говорю, что Дэн Баньян наверняка сейчас выйдет за своим псом. Ну, чтобы моя мама на нем расписалась.

Мистер Бакарди молчит. Смотрит на дверь наверху. Дверь закрывается. Никто не выходит. По-прежнему глядя на дверь, мистер Бакарди говорит:

– Слушай, малыш, а твой папа рассказывал тебе о сексе? Ну, как это обычно бывает, когда отец просвещает сына?

Я говорю, что он мне не отец. Не настоящий отец.

Я пытаюсь отдать ему пса, только он не берет.

По-прежнему глядя на дверь, мистер Бакарди говорит:

– А мой папа меня просвещал. И однажды он мне посоветовал классную штуку. – Он улыбается, по-прежнему глядя на дверь. – Если сбрить волосы вокруг основания члена, он будет смотреться на два дюйма длиннее, даже когда не стоит.

Мистер Бакарди закрывает глаза и качает головой. Потом открывает глаза – и теперь он смотрит на меня. Смотрит на пса у меня в руках и говорит:

– Хочешь быть настоящим героем?

На боках пса расплываются влажные пятна, и Мэрил Стрип превращается в багровый синяк из смеси красных и синих чернил. Надписи на холщовых боках – как кровавые волдыри, следы от протекторов и симптомы запущенного рака кожи, которые мой приемный отец рисовал тоненькой кисточкой на своих крошечных фигурках опустившихся наркоманов.

Мистер Бакарди вытягивает руку, растопырив пальцы, широким жестом обводит всю комнату и говорит:

– Хочешь спасти всех этих парней?

Я хочу спасти только маму.

– Тогда отдай ей вот это, – говорит мистер Бакарди и стучит пальцем по своему медальону, по золотому сердечку у него на шее. Цепочка туго натянута, чтобы охватить его толстую шею, и сердечко висит у него прямо под горлом, и каждый раз, когда он произносит слова, золотой медальон подрагивает и тихонько гремит.

– Отдай ей вот это, – говорит мистер Бакарди, и сердечко дрожит у него на шее, – и ты выйдешь отсюда богатым.

Как же! Держи карман шире!

Зачем-то я рассказал своим приемным родителям о сегодняшних съемках, и они тут же набросились на меня и заявили, что если сегодня я выйду из дома, я им больше не сын, и назад можно не возвращаться. Они сменяют замки и позвонят в местное отделение «Доброй воли», чтобы те приехали и забрали мою одежду, кровать и все вещи. Я не смогу забрать деньги со своего счета в банке, потому что они отложены на университет, и для того чтобы их снять, нужна подпись кого-нибудь из родителей. Когда моя приемная мама застала меня с подержанной надувной Касси Райт, они поставили мне условие: все деньги, которые я заработаю на стрижке газонов и прогулках с собаками, я должен класть на сберегательный счет. И я не могу распоряжаться этими деньгами без разрешения приемных родителей.

Я рассказываю все это мистеру Бакарди, а сам потихонечку пробираюсь к буфету, где конфеты и соусы. После того как я купил эти розы для мамы, у меня не осталось денег даже на большую пиццу. Поглощая сырнй попкорн и чипсы, я рассказываю о том, как я собирался спасти свою маму – и поддерживать ее материально, чтобы ей было не нужно сниматься в порно, – только теперь я уже не могу никого поддержать. У меня нет денег даже на то, чтобы нормально пообедать.

Размазывая по сухому печенью плавленный сыр, макая стебли сельдерея в «домашний» соус, я говорю, что этот бумажный пакет с моим номером 72 – в нем все мои вещи, которые есть. И больше у меня нет ничего.

Неловко придерживая букет роз, я втыкаю зубочистки в маленькие колбаски.

Держа под мышкой влажного пса для автографов, лью соус барбекю на кусочки чесночного хлеба.

Мистер Бакарди пристально смотрит на меня. Морщит лоб, поджимает губы. Поднимает руки, хватается сзади за шею, слегка наклоняет голову. У него под мышками – седая щетина. Он стоит, чешет шею двумя руками. Или что он там делает, я не знаю.

– погоди, – говорит мистер Бакарди, и цепочка у него на шее вдруг провисает. Он снимает цепочку и держит ее двумя пальцами. Золотое сердечко покачивается, как маятник. Мистер Бакарди протягивает мне цепочку. – Вот тебе ключ к богатству и славе.

Покачивая медальоном, ловящим свет телеэкранов, он говорит:

– Представь, что отныне и впредь тебе вообще никогда не придется работать, ни дня. Заманчиво, правда?

Моя приемная мама, говорю я ему, она такая лицемерка. В тот день, когда она застала меня с секс-куклой, она вернулась домой со своих курсов по украшению тортов. У них у обоих, и у приемной матери, и у приемного отца, наверняка были какие-то интрижки на стороне. Во всяком случае, спали они в разных комнатах, и я ни разу не видел, чтобы они заходили друг к другу в спальню. Приемная мать запрещает мне лазить по Интернету, чтобы он меня не развращал, а к ним на курсы ходит преподаватель-кондитер, мастер по изготовлению эротических тортов в виде гениталий, покрытых сахарной глазурью. Типа это прикольно и весело. Такая лицемерка... Сначала она отругала меня, а потом удалилась на кухню практиковаться в изготовлении засахаренных мошонок и задних проходов из творожной массы с лимоном. Ушла смешивать пищевые красители для клиторов и сосков. Переводить галлоны охлажденного

заварного крема, чтобы выдавливать подобия крайней плоти на огромные листы вощеной бумаги – ряд за рядом. У нас в холодильнике постоянно лежат какие-то части тела: влагалища, ягодицы, недоеденное бедро. Прямо как в холодильнике Джеффри Дамера^[6].

Мой приемный отец постоянно просиживал в своем подвале, раскрашивая крошечных немецких медсестер: спиливал им груди пилочкой для ногтей, чтобы они были плоскими, рисовал грязь у них под ногтями и чернил зубы, превращая их в малолетний проститутток. Моя приемная мама добавляла краситель с кокосовую стружку, чтобы сделать лобковые волосы, или перекручивала кончик такого специального мешочка для выдавливания крема, чтобы разрисовать красными венами шоколадный торт в виде огромного эрегированного члена.

Струйки водянистых чернил вытекают из мокрого тряпичного пса и текут у меня по руке, по боку, по ноге.

Мистер Бакарди говорит:

– Бери.

Он покачивает у меня перед носом золотым сердечком и говорит:

– Посмотри, что внутри.

Мои пальцы – липкие от сахарной пудры и варенья из пончиков. Я по-прежнему сжимаю в руке эту маленькую таблетку, которую мне дал Дэн Баньян – таблетку, чтобы у меня встало, когда будет нужно. Стараясь как-то удержать букет роз, таблетку для стояка и мокрого тряпичного пса, я поддеваю ногтем застёжку, и медальон открывается. И оттуда выглядывает младенец, расплющенный комок кожи, лысый, со сморщенными губами, и вообще весь какой-то сморщенный – как надувная секс-кукла. Это я. Этот младенец – я.

Золотой медальон, он еще теплый. Нагретый кожей мистера Бакарди. Теплый и скользкий от детского масла.

На другой внутренней стороне медальона лежит маленькая таблетка.

Самая обычная таблетка. Внутри золотого сердечка.

– Цианистый калий, – говорит мистер Бакарди.

Он говорит, чтобы я спрятал таблетку в бумагу, которой обернут букет.

– Касси, она прирожденная мазохистка, – говорит мистер Бакарди. – Для нее это – лучший подарок от сына...

Я даже не знаю.

Она сама этого хочет, говорит мистер Бакарди. Она сама попросила его принести ей эту таблетку, даже дала медальон, чтобы ее спрятать.

Мистер Бакарди говорит:

– Скажи, что это от Эрвина, и она все поймет.

Я переспрашиваю:

– От Эрвина?

– Эрвин – это я, – говорит мистер Бакарди. – Меня так звали раньше.

Он говорит, чтобы я дал ей таблетку. Она умрет, а я выйду отсюда богатым человеком. С такими деньгами мне будет уже не нужна никакая семья. Мне будут уже не нужны никакие друзья. Когда ты богат, говорит мистер Бакарди, тебе вообще никто не нужен.

Ребенок внутри медальона, весь комковатый и сморщенный. И маленькая таблетка в гладкой оболочке.

То, чего Касси Райт не хотела, против того, что ей хочется.

То, от чего она отказалась, против того, о чем попросила сама.

Мистер Бакарди говорит:

– Твоя мама, она очень умная женщина. И всегда добивается, чего хочет. Она захотела сделать липосакцию, и я ей все оплатил. Она захотела имплантаты груди, и я все оплатил. Дал денег, чтобы выкачать жир и закачать силикон.

Эта фотография младенца, она носила ее на шее почти полжизни.

Мистер Бакарди говорит:

– Касси сама захотела сниматься в порно, чтобы избавиться от опеки родителей. Она сама попросила меня дать ей какие-нибудь препараты, чтобы расслабиться.

Нос младенца на снимке – это мой нос. Его толстенький подбородок – мой подборок. Его косящие глазки – мои.

Моя мама проглотит таблетку, может быть, только надкусит, и все ее мышцы парализует. Она не сможет дышать, потому что ее диафрагма не будет двигаться. Ее кожа посинеет. Без боли, без крови. Она просто умрет.

Моя мама просто умрет. И этот фильм станет последним мировым рекордом в гэнг-бэнге. Она умрет, а мы все войдем прямиком в историю.

– И еще одна неоспоримая польза, – говорит мистер Бакарди. – Никому не придется быть следующим после того зараженного чувака.

Он говорит:

– Ты спасешь жизнь стольким людям, малыш.

Мне нужно просто спрятать таблетку с цианистым калием в букет, отдать букет ей и сказать, что это от Ирвина.

– От Эрвина, – поправляет мистер Бакарди.

Я говорю, что у нас есть проблема.

Большая проблема.

Имя Клорис Личмен с мокрого пса для автографов отпечаталось у меня на боку, только задом наперед. Рядом с ним отпечаталось: «Ты –

самый лучший». Тоже задом наперед.

– Честное слово, клянусь, – говорит мистер Бакарди. – Она сама этого хочет.

Этот младенец из медальона. Он глядит на нас обоих.

Я говорю, нет. Вы не поняли. Проблема, она в освещении. Здесь недостаточно света. Эта комната, она в подвале. Окон нет, освещение тусклое. У меня на ладони лежат две таблетки. Таблетка с цианистым калием и таблетка для стояка. Но я не знаю, какая из них – какая. Где тут секс, а где – смерть. Я не знаю.

Я спрашиваю у мистера Бакарди, какую таблетку мне надо дать ей.

И он наклоняется, чтобы рассмотреть получше, и мы оба дышим, жарко и влажно, в мою раскрытую ладонь.

23. Мистер 137

Девочка-ассистентка старательно выпроваживает меня за дверь. Я только что кончил на роскошную грудь Касси Райт, моя сперма – она еще теплая на ее коже, еще не успела застыть, – а ассистентка уже сует мне в руки бумажный пакет с одеждой. Говорит, чтобы я одевался. А я рассказываю мисс Райт, как восхищался ее гениальной игрой в роли решительной и непреклонной школьной учительницы, которая пытается найти общий язык с трудными подростками из самых бедных районов города – и хоть чему-нибудь их научить. Это было так вдохновенно. По-настоящему вдохновенно. Ее героиня, она такая ранимая и в то же время такая сильная. Только ради нее я и смотрел «Анальные джунгли».

Фильм, который потом выходил под названием «Как выдрана была моя долина».

А потом – под названием «Всадить в мисс Джин Броди».

Мисс Райт завизжала от восторга. То есть действительно завизжала, когда узнала, что я смотрел этот фильм. Что я смотрел все ее фильмы, от «Ангелов с грязными губками» до «Языка в промежности».

Ее любимый цвет: цвет фуксии. Любимый запах: запах сандалового дерева. Мороженое: ванильное. Что ее больше всего раздражает: когда в магазинах проверяют сумки на входе.

Она понюхала мои волосы и опять завизжала.

Мы с ней говорили о постельном белье, о преимуществах чистого хлопка перед тканями с добавлением искусственных волокон. Мы говорили о Кейт Хепберн, лесбиянка она или нет? Мисс Райт сказала: «Определенно». Мы с ней пожаловались друг другу на наших мам. И все это время, пока мы болтали, я долбил в нее: во влагалище, в задницу, между грудей. Мы с ней мило болтали, а мой член тем временем исправно ходил взад-вперед.

Девочка-ассистентка стоит у кровати, так чтобы не попасть в кадр, и держит в руке включенный секундомер.

И знаете что? Мы с мисс Райт только-только заговорили о наших любимых диетах, и тут ассистентка жмет на кнопку секундомера и говорит:

– Время вышло.

И уже в следующую секунду мне в руки суют пакет с одеждой и настойчиво выпроваживают за дверь. Я даже трусы натянуть не успел – они так и болтаются у лодыжек, и я иду вперевалку, и мой член неловко

раскачивается, словно белая трость слепого, и ассистентка еще имеет нахальство сказать:

– Спасибо за участие в нашем проекте...

Моя кожа еще не остыла после жаркого света прожекторов. Ассистентка подталкивает меня в спину, еще один шаг – и я окажусь голый на улице, и тут я заглядываю в пакет и вижу какую-то регбийную майку неопределенной торговой марки, в яркую контрастную полосу, с цельнокроеным воротником и широкими рукавами, которые вообще-то должны быть заужены. Я вижу эту некондиционную майку и раздраженно топаю ногой.

Это не моя одежда. Да, на пакете написано «137», это мой номер, но моя одежда, мои ботинки, мистер Тото – все осталось в подвале. Мне надо вернуться. И ассистентка обязана меня пропустить. В противном случае, говорю я ассистентке, я позвоню в полицию. Я стою на пороге и жду, раздраженно стуча ногой по бетонному полу.

Ассистентка смотрит на часы у себя на руке и говорит:

– Ладно.

Она говорит:

– Хорошо.

Вздыхает и говорит:

– Идите ищите свою одежду.

Я выхожу к лестнице, встаю на верхней ступеньке, смотрю сверху на тех, кто еще ждет своей очереди, и говорю: Джентльмены. Я стою, широко раскинув руки, и говорю: Перед вами – идеальный «ноль» по шкале Кинсея^[7].

И тот молодой актер, номер 72, он замирает, не донеся до рта чипсу. Он держит под мышкой моего мистера Тото и говорит:

– Она умерла?

Бранч Бакарди говорит:

– И чего?

Он стучит пальцем себе по лбу и говорит:

– Они не могли снять тебя крупным планом. Так что никакой громкой славы тебе не светит.

Я тяну время, растягиваю удовольствие. Медленно спускаюсь по лестнице. На экранах под потолком Касси Райт берет за руку глухонемого слепого актера. Складывает его пальцы в щепотку, засовывает его руку себе во влагище, прижимает крепче и говорит: «Вода...» Моя любимая сцена в «Сотворившей секс-чудо». Я тяну время, неторопливо спускаюсь по лестнице. Потом также медленно подхожу к тому месту, где стоит Бранч

Бакарди. Мальчик, номер 72, молча протягивает мне мистера Тото, и я так же молча его забираю.

По-прежнему не говоря ни слова, я улыбаюсь и убираю волосы со лба, так чтобы Бакарди мог видеть надпись: «СПасИбо, Дэн». С автографом Касси Райт.

Молодому актеру, номеру 72, я говорю:

– Это она придумала.

Я посылаю воздушный поцелуй в сторону лестницы и говорю:

– Твоя мама – истинный ангел.

Бранч Бакарди закатывает глаза. На его бритой груди больше нет медальона.

Он говорит:

– Значит, ты все-таки сумел ее трахнуть.

Не хочу хвастаться, но я сделал все в лучшем виде, так что даже начал сомневаться: а что, если мой бедный папа – там, в Оклахоме – не такой извращенец, как он тогда на себя наговаривал?

Актер номер 72 что-то сжимает в кулаке – золотой медальон на цепочке.

Он смотрит на Бакарди и говорит:

– Я вот тоже начал сомневаться...

Девочка-ассистентка кричит с верхней площадки:

– Джентльмены, минутку внимания...

Бумажные пакеты стоят у стены, среди них есть и мой. У меня ощущение, что, пока меня не было, в комнате стало еще темнее. Даже мерцающий свет телеэкранов кажется уже не таким ярким.

Актер номер 72 говорит:

– Мистер Баньян?

Он разжимает кулак и сует мне под нос раскрытую ладонь. На ладони лежат две таблетки.

Он спрашивает:

– Какую из них вы мне дали... ну, чтобы у меня встало?

– Мне нужны следующие номера... – кричит девочка-ассистентка.

Эти таблетки, они абсолютно одинаковые.

– Номер 471... – говорит девочка-ассистентка. – Номер 268...

Я моргаю. Наклоняюсь поближе. Слишком резко и низко, так что втыкаюсь носом ему в ладонь.

– погоди, – говорю.

Закрываю правый глаз и не вижу вообще ничего. Мой левый глаз, он вообще ничего не видит. Он ослеп. Что это? Микроудар, или как там оно

называется... ну, о чем так занудно твердили ассистентка и Бранч Бакарди.

Но это мой звездный час. Бакарди очень старался мне все испортить, но у него ничего не вышло, я оставил его в дураках. И теперь я уж точно не дам ему повода для злорадства. Я потихонечку пробираюсь вперед и натываюсь бедром на край буфетного столика. Вслепую, не видя вообще ничего. Тяну руку. Беру первое, что попадаетсЯ. Отправляю то, что попало, в рот и начинаю жевать. Я ни капельки не напрягаюсь. Я бодр и беспечен.

Девочка-ассистентка говорит:

– ...и номер 72.

Молодой актер кивает на свою ладонь.

Он говорит:

– Я вас очень прошу, скорее. Какую из них мне принять?

Его ладонь пахнет сыром чеддер, чесноком, сливочным маслом и уксусом. И еще розами.

Но я вообще ничего не вижу. В комнате слишком темно, а таблетки такие маленькие.

Эта штука, которая у меня во рту, штука, которую я грызу – это свернутый презерватив. Презерватив со смазкой, судя по горькому привкусу спермицидного геля. «К-У», судя по этому скользкому ощущению у меня на языке.

Девочка-ассистентка кричит:

– Номер 72, пожалуйста, пройдите на съемочную площадку. Быстрее.

Бранч Бакарди и все, кто есть в комнате, – ждут.

И я... я тычу пальцем в таблетку.

– Вот эту, – говорю, продолжая жевать. Давясь этой горечью, предназначенной для разрушения сперматозоидов, для предотвращения новой жизни. Я тычу пальцем в таблетку. Наугад. В ту, которая попадетсЯ. В общем-то какая разница.

24. Шейла

Я наклоняюсь поближе к мисс Райт. Крепко держа пинцет, зажимаю острыми кончиками волосок у нее на брови. Прикусываю язык. Зажмуриваюсь и дергаю. Потом открываю глаза и зажимаю пинцетом еще один неприкаянный волосок.

Мисс Райт, она даже не морщится. Не моргает, не пытается отстраниться. Рассказывает о каком-то актере, Рудольфе Валентино. Говорит, что когда он умер от аппендицита, две женщины в Японии, его фанатичные поклонницы, бросились в жерло вулкана. Этот задрот Валентино, он был величайшей звездой и секс-символом немого кино. Когда он умер в 1926 году, одна девушка в Лондоне отравилась, лежа на ковре из его фотографий. Мальчик-лифтер из парижского отеля «Ритц» покончил с собой точно так же. В Нью-Йорке две женщины вскрыли себе вены у входа в больницу, где умер Валентино. На его похоронах многотысячная толпа обезумевших от горя фанатов побила в морге все стекла и разнесла в клочья погребальные венки.

Какой-то дровича по имени Руди Вэлли записал песню, посвященную этому Валентино. Она называлась «Зажглась на небе новая звезда».

Подлинный факт.

Закончив с бровями мисс Райт, я выливаю на маленькую губку немного увлажняющего лосьона и протираю ей лоб. Обвожу губкой вокруг глаз. Промокаю щеки.

Наша актерская команда из шестисот рукоблудов, они еще спят. До того как их будильники начнут трезвонить, остается как минимум час. На улице еще темно, еще даже и не светает. Прожекторы уже установлены. Новые катушки пленки сложены в углу. Камеры расставлены по местам. Нацистская форма, взятая в прокате, висит наготове. Ее пока даже и не вынимали из пластиковых чехлов.

Никого нет. Только мы с мисс Райт.

Мисс Райт сидит с закрытыми глазами, ее кожа легонько растягивается под губкой, пропитанной увлажняющим лосьоном. Мисс Райт рассказывает о том, как работники морга готовят тела к погребению. Они приводят покойника в порядок, делают макияж и укладывают волосы с правой стороны, потому что, когда тело выставят для прощания в открытом гробу, подходить к нему будут именно справа. Тело обмывают вручную. Запихивают в обе ноздри ватные шарики, пропитанные отравой, чтобы

насекомые не залезли внутрь. Вставляют специальную трубку в задний проход, чтобы вывести из кишечника газы. Чтобы глаза не открылись, под веки кладут пластиковые формы в виде маленьких круглых чашек, похожих на шарики для пинг-понга, разрезанные пополам. На губы наносят расплавленный воск – чтобы губы не шелушились.

Я беру новую губку и начинаю накладывать крем-основу на лицо мисс Райт. Выравниваю тон оттенка загара средней интенсивности – вокруг рта. Тщательно растираю край тона под скулами.

Мисс Райт сидит в парикмахерском кресле. У нее на шее закреплен бумажный «слонявчик». Она рассказывает о каком-то дрыще по имени Джефф Чэндлер. Он повредил себе спину на съемках фильма «Мародеры Меррилла», в 1961 году, на Филиппинах. Смещение межпозвонкового диска. Этот Чэндлер был звездой первой величины, соперничал с Роком Хадсоном и Тони Кертисом. Записал хитовый альбом и несколько синглов для «Десса». Ему назначили операцию. Хирурги случайно заделали артерию. В него вкачали пятьдесят пять пинт крови, но спасти его не удалось.

Мисс Райт сидит с закрытыми глазами, ее ресницы легонько подрагивают. Брови подняты, чтобы я могла наложить тени для век. Мисс Райт рассказывает о том, как еще один голливудский дровича, Тайрон Пауэр, скоропостижно скончался от сердечного приступа на съемках фильма «Соломон и царица Савская».

Мисс Райт рассказывает о том, что когда Мэрилин Монро покончила с собой, Хью Хефнер приобрел место на кладбище рядом с усыпальницей Мэрилин, потому что хотел провести вечность бок о бок с самой красивой женщиной за всю историю человечества.

Мисс Райт рассказывает о том, как Эрик Флеминг перевернулся в каноэ на Амазонке во время съемок своего телесериала «Дикие джунгли». Его подхватило и унесло течением, и местные пираньи закончили работу. Камеры продолжали снимать.

Подлинный факт.

Я подвожу ей глаза черным карандашом, а она рассказывает о том, что Фрэнк Синатру похоронили с бутылкой виски «Jack Daniel's», пачкой сигарет «Camel», зажигалкой Zippo и десятком монеток по десять центов, чтобы он мог позвонить по телефону. Комик Эрни Ковач похоронен с коробкой гавайских сигар, свернутых вручную.

Бела Лугоши умер в 1956 году, и его похоронили в костюме вампира. Похороны Лугоши были как эпизод из его фильмов про Дракулу. Он лежал в гробу с бутафорскими вампирскими клыками. В черном атласном плаще, все дела.

Тело Уолта Диснея не заморожено, говорит мисс Райт. Его кремировали, а прах поместили в склеп, где похоронена его жена. Прах Греты Гарбо развеяли где-то в Швеции. Прах Марлона Брандо – в пальмовой роще на его частном острове в южной части Тихого океана. В 1988 году, по прошествии четырех лет после смерти Питера Лоуфорда, за ним по-прежнему оставался долг в десять тысяч долларов за место на Вествудском кладбище – на расстоянии плевка от могилы самой красивой женщины за всю историю человечества. Так что прах Лоуфорда «выселили» с кладбища и развеяли над морем.

Я уже приступаю к наложению румян. Наношу темную пудру по бокам носа мисс Райт. Обвожу губы по контуру мягким карандашом.

Открывается дверь, и заходят ребята из съемочной группы. Перед тем как войти, бросают сигареты на улице перед дверью. Звукотехник и оператор – от них пахнет дымом и утренним холодом. Свет снаружи уже не черный. Теперь он темно-синий. Приглушенный шум уличного движения похож на шум моря вдали. Предраассветный час пик.

Я крашу губы мисс Райт, а она рассказывает о том, как какой-то дровича по имени Уоллис Рейд, «Король «Парамаунт» ростом шесть футов и один дюйм, умер, пытаясь избавиться от морфийной зависимости. В одиночной палате, обитой войлоком.

Когда звуковой кинематограф поведал миру, что элегантная, как настоящая леди, Мари Прево говорит резким пронзительным голосом, да еще и с акцентом девицы из трущоб Бронкса, она ушла из кино. Начала пить и спилась до смерти. Умерла у себя в квартире, за запертой дверью, и ее оголодавшая такса Макси обгладывала ее тело в течение нескольких дней, пока домовладелец не дал себе труд постучаться.

– Мари Прево, величайшая актриса немого кино, превратилась в собачью еду – вот *так*, – говорит мисс Райт и щелкает пальцами.

Киноактер Луи Теллеген разложил на полу свои фотографии с афиш и вырезки из журналов, встал на колени и вспорол себе ножницами живот. Джон Бауэрз сел в катер и ушел в одиночестве в океан. Джеймс Мюррей бросился в Ист-ривер. Джордж Хилл выстрелил себе в голову из охотничьего ружья. Милтон Силс выехал в своем лимузине на встречную полосу на бульваре Сансет. Красавица Пег Энтуисл взобралась на знак Голливуда и спрыгнула вниз. Фотомодель Говили Андре совершила самосожжение на костре из журналов с ее фотографиями.

Немного духов, чуть подправить прическу, и у меня все готово.

Мисс Райт открывает глаза.

Никаких пропитанных ядом ватных шариков у нее в носу. Никаких

трубок в заднем проходе. В глазах – голубые контактные линзы, цвета неба над пустыней. А не шарики для пинг-понга, разрезанные пополам.

Идеальное воплощение гитлеровской идеи о белокурой голубоглазой секс-кукле.

Мисс Райт глядит на свое отражение в зеркале над туалетным столиком. Вертит головой, чтобы посмотреть на себя в профиль – справа и слева, – и говорит:

– Всегда найдется какой-нибудь новый способ свести счеты с жизнью...

Ее рука берет из коробки бумажную салфетку, ее губы произносят:

– Всю жизнь я жила для себя.

Она расправляет салфетку, промокает ею губы и говорит:

– Конечно, с Джоан Кроуфорд мне не сравниться.

Она отнимает салфетку от губ, и на белой бумаге остается идеальный отпечаток красного поцелуя.

Мисс Райт говорит:

– Но, может быть, пришло время сделать что-то и для моего ребенка.

Я тяну руку, чтобы взять салфетку, и говорю:

– Для вашего мальчика?

Мисс Райт молчит, не говорит ничего. Берет со столика салфетку с отпечатком своих идеальных губ. Отдает грязную салфетку мне.

25. Мистер 600

Чувак, который с тряпичным зверем, стоит ко мне боком и отворачивается в другую сторону. Думает, я ничего не вижу. Не вижу, как он вынимает изо рта с накрашенными губами пережеванный использованный гондон. Какой-то гондон, который он снял с себя или подобрал на съемочной площадке. Не знаю и знать не хочу. Я видел достаточно гейского порно, и меня вовсе не удивляет, что эти ребята едят свою собственную малафью. И не только свою.

Малыш показывает ему две таблетки: для стояка и с цианистым калием.

Чувак, который с тряпичным зверем, тычет пальцем в одну из них. Пожимает плечами и говорит:

– Наверное, эта.

Шейла стоит, держит дверь открытой. Свет со съемочной площадки слепит нам глаза. Шейла говорит:

– Номер 72, пожалуйста, поднимитесь наверх...

Малыш отдает чуваку его тряпичного зверя, пропитанного мочой. Пальцы мальчика – в черных разводах. Его бицепсы, и широчайшие мышцы, и косые мышцы живота – в пятнах сине-черного цвета. В пятнах цвета пораженных тканей при саркоме Капоши, рака педрил. На руке малыша истекают чернилами имена Барбры Стрейзанд и Бо Дерек. Малыш, номер 72, говорит:

– Спасибо.

У меня перед глазами проходит вся моя жизнь – там, на экранах вверху. На одном из них я – президент. Еду в какой-то машине с откидным верхом. Засаживаю свой инструмент поочередно то в первую леди, то в Мэрилин Монро, пока мне не вышибают мозги метким выстрелом. На другом телеэкране, я – подросток, разносчик пиццы. Принес заказ «с дополнительной салями» в университетский женский клуб.

Малыш, номер 72, поднимается по лестнице. Туда, где ждет Шейла, стоя у распахнутой двери. На верхней ступеньке он останавливается и на секунду оглядывается. В окружении яркого света он кажется особенно худеньким. Малыш кладет что-то в рот и запрокидывает голову. Шейла протягивает ему пластиковую бутылку с водой, полную наполовину. Малыш пьет, и каждый глоток отзывается взрывом пузырьков в бутылке. Дверь закрывается. Все, его больше не видно.

Чувак с тряпичной зверюгой опирается о край буфетного стола.

Я подхожу ближе и спрашиваю: а твой папа когда-нибудь беседовал с тобой о сексе?

Чувак с тряпичной зверюгой, он говорит:

– Не дашь мне на пару секунд свой мобильник?

Я спрашиваю: для чего?

Чувак шарит рукой по столу, берет гондон, кладет его в рот, жует пару раз и выплевывает.

Он говорит:

– Хочу вызвать подкрепление.

Разумеется, у меня есть мобильник. В спортивной сумке. Я отдаю ему телефон и рассказываю о том, что, когда я учился в университете, у меня была девушка по имени Бренда, очень красивая и сексапильная, но при этом – настоящая леди.

Чувак с тряпичной зверюгой подносит мой телефон к самому носу, оставив лишь небольшой зазор, чтобы нажимать пальцем на кнопки. Щурясь и морщась, он говорит:

– Я слушаю...

На телеэкране над нами: я, старый хрыч, употребляю какую-то молоденькую медсестру-волонтерку в доме престарелых. В то же самое время, на другом телеэкране, я – бойскаут из младшей дружины – заправляю вожатой.

Я рассказываю о том, как мечтал прожить с Брендой всю жизнь: мы с ней поженимся, у нас будут дети, мы купим собственный дом и состаримся вместе. Мы будем вместе всю жизнь, в горе и в радости, и вообще. Я был влюблен. По-настоящему. Я так сильно ее любил, что даже ни разу не попытался трахнуть. Ни разу не попросил дать мне пососать ее грудь. Ни разу не попытался засунуть руку ей в джинсы. Мы с ней любили друг друга. Любили и уважали.

Чувак с тряпичной зверюгой говорит в телефон:

– Ленни?

Свободной рукой он по-прежнему держится за край стола.

Он говорит:

– Я хочу сделать срочный заказ.

Это было на втором курсе. Я любил Бренду так сильно, что показал ее фотку папе.

И вот что было дальше: папа взял фотографию. Посмотрел, покачал головой. Потом вернул мне фотографию и сказал:

– Как у такого придурка, как ты, могла появиться такая роскошная

девчонка?

Папа сказал:

– Эта цыпочка – не для тебя. Тебе до нее, как до неба.

А я сказал, что хочу на ней жениться.

На одном из экранов я – солдат, который спасается на Гавайях от японских бомбардировок и пялит гавайских красоток в «От нее к вечности».

Чувак с тряпичной зверюгой говорит в телефон:

– Я хочу заказать эскорт. Прямо сейчас. Мужика с крепким членом. Возраст, цвет кожи – это не важно. Главное, чтобы у него гарантировано стояло.

Он говорит:

– Нет, это я не себе.

Он говорит:

– Все-таки я еще не на грани отчаяния.

Когда я сказал, что собираюсь жениться на Бренде, мой старик улыбнулся. Улыбнулся, приобнял меня за плечи и спросил:

– Ты ей уже засандалил?

Я покачал головой. Нет.

И папа спросил:

– Хочешь, я тебя научу, как сделать, чтобы девочка не залетела? Надежное средство!

Чувак, который с тряпичным зверем, замечает, что я смотрю на него, и говорит в трубку:

– Ты рассказывай. Я слушаю, честное слово...

Папа сказал мне, что в древности, когда еще не изобрели презервативы, и гормональные таблетки и всякие там колпачки и спиральки, в древности, если мужик не хотел, чтобы его женщина забеременела, он делал так: после того как он спустит, он чуть-чуть сикал в женщину, не вынимая из нее свой член. Самую капельку. Ну, может быть, пару капель. В моче содержится кислота, которая убивает сперматозоиды.

Так сказал мой старик.

Ну, чтобы я поссал в Бренду.

Он сказал, что она ничего не почувствует и не узнает.

Папа сказал, что это такая мужская хитрость, о которой каждый заботливый отец непременно рассказывает своему сыну. Своего рода наследство, передающееся из поколения в поколение, и если у меня когда-нибудь будет сын, то, когда он подрастет, я передам этот секрет ему.

Тот год, когда я учился на втором курсе – последний счастливый год в

моей жизни. У меня была девушка, которую я любил. У меня был папа, который любил меня.

Чувак, который с тряпичной зверюгой, говорит в телефон:

– Пятьдесят баксов, а ты сам решаешь: либо да, либо нет.

Он смеется и говорит:

– У тебя наверняка есть какой-нибудь неудачник, может, какой-нибудь наркоман, которому явно не помешает лишний полтинник...

В ту ночь, когда мы с Брендой наконец занялись любовью – это было волшебно. Мы расстелили одеяло под деревом, усыпанным мелкими розовыми цветами. Над нами были цветы и звезды. Я принес бутылку шампанского, которую папа вручил мне специально по этому случаю. Бренда испекла печенье с шоколадной крошкой. Мы слегка опьянели и занялись любовью. Не так, как в фильмах, где член и влагалище сходятся в смертельной схватке, бьются, долбят и хлопают друг о друга. Нет, это было похоже на нежный сон. Как будто наши тела разговаривали друг с другом всей кожей. Мы узнавали друг друга через запах, вкус, прикосновение. Говорили о том, что не умели сказать словами.

Мы лежали, прижимаясь друг к другу, голые, на одеяле, расстеленном на траве, и лепестки цветов осыпались на нас, и Бренда спросила, как мы будем предохраняться.

И я поднес палец к ее губам и сказал: не волнуйся. Я сказал, что мой папа меня научил, как быть осторожным.

Чувак с тряпичной зверюгой говорит в телефон:

– Меня не волнует его внешний вид. Пусть это будет потасканный старый хрен, пусть это будет оплывший и страшный, как черт, толстяк. Я плачу пятьдесят баксов.

Под этим деревом в крошечных розовых цветах мы с Брендой подарили друг другу наш первый совместный оргазм – начало нашей с ней жизни. Жизни, которая на всю жизнь. Я сделал ей предложение и подарил обручальное кольцо. Она надела его на палец. Мы выпили бутылку вина. А потом мы лежали, прижавшись друг к другу, она – подо мной, а я – сверху и все еще в ней. И мне ужасно хотелось по-маленькому, после половины бутылки сладкого шампанского.

На телеэкранах вверху: я – седовласый миллионер, финансовый магнат, заправляю своей секретарше на резном деревянном столе. На других телеэкранах: я – водопроводчик, пришел пробивать трубы скучающей домохозяйке.

Лежа на Бренде, исключительно с целью ее защитить, я слегка расслабляюсь и даю капле мочи вытечь наружу. Только мой мочевого

пузырь весь горит, и я не могу остановиться. Из меня уже хлещет вовсю, и Бренда вдруг вздрагивает подо мной и смотрит мне прямо в глаза. Мы прикасаемся друг к другу носами. Ее губы шепчут мне прямо в губы.

Она спросила меня:

– Что ты делаешь?

Я силюсь сдержаться, силюсь остановить эту струю. Я говорю:

– Ничего.

Так я ей и сказал:

– Ничего я не делаю.

Чувак с тряпичной зверюгой говорит в телефон:

– У тебя есть кто-нибудь на примете?

Он смеется и говорит:

– Я же сказал, что меня не волнует, страшный он или нет...

Бренда пытается выбраться из-под меня, ерзает на одеяле, бьет меня кулаками, и повторяет:

– Ты свинья. Ты свинья.

Бренда била меня кулаками и кричала, чтобы я немедленно с нее слез.

А я говорил: погоди, не сейчас. Я держал ее за руки и говорил, что это все для того, чтобы она не забеременела.

На телеэкранах: я – в Древнем Египте, забиваю Клеопатре сзади. Я – космонавт на космической станции, обрабатываю симпатичную зеленую инопланетяночку в невесомости.

Под теми цветами и звездами, лежа на Бренде, я не мог остановиться, пока ей не удалось просунуть колено у меня между ног. Она резко согнула колено и со всей силы вмазала мне по яйцам. Боль была адская. Мой член тут же выскочил наружу, вывалился из Бренды, – все еще твердый и неопавший, все еще бьющий тугой и горячей шампанской струей, поливающей нас обоих. Я схватился обеими руками за отбитые яйца. При этом, конечно же, я отпустил руки Бренды, и она выбралась из-под меня.

Что-то упало и ударило меня по виску. Слишком жесткое для цветка. Слишком твердое для плевка. Бренда схватила свою одежду и убежала. С тех пор я ее больше не видел. Но эта картина запомнилась мне на всю жизнь: как Бренда неслась от меня со всех ног, и по ее бедрам стекала моя моча.

Чувак, который с тряпичным зверем, говорит в телефон:

– Ладно, пришлите кого угодно. Только быстрее.

Он захлопывает крышку и отдает телефон мне.

Вот почему я посоветовал тому малышу это сделать.

Чувак с тряпичной зверюгой морщится и выплевывает на пол еще

один пережеванный гондон. Щурится на меня и говорит:

– Ты посоветовал мальчику помочиться в родную мать?

Нет, говорю. И рассказываю о таблетке с цианистым калием. О том, как Касси просила меня принести ей таблетку, спрятав ее в медальоне, но малыш согласился передать ее вместо меня.

У чувака со зверюгой отвисает челюсть, брови ползут вверх. Потом его лицо приобретает свой первоначальный вид, он нервно сглатывает и говорит:

– Эти две таблетки, которые он мне показывал... одна из них была с цианидом?!

И я молча киваю. Да.

Мы оба смотрим наверх, на закрытую дверь в съемочный павильон.

На телеэкранах: я – пещерный человек, участвую в первобытной разнузданной оргии, где все – со всеми, все грязные и волосатые, еще даже не совсем люди. Мы еще не успели эволюционировать.

Чувак, который с тряпичным зверем, пожимает плечами и говорит:

– Даже если он примет не ту таблетку, мы все равно установим мировой рекорд.

Он говорит:

– Я позвонил в агентство, так что ждем подкрепление. Кавалерия уже на марше.

Он говорит, что в этом агентстве знают одного дядьку, который сделает все, что нужно, причем в час берет меньше пятидесяти баксов. Какой-то старый хрен, как сказали в агентстве, ходячий анекдот порно-индустрии, весь дряблый и сморщенный, и к тому же страдает чесоткой. Вечно красные глаза и дурной запах изо рта. Какой-то порнодинозавр, которого не берет ни одно агентство, но они попытаются с ним связаться и в спешном порядке направить его сюда, чтобы он мог заменить малыша, номер 72. На случай, если парень умрет, или у него вдруг не встанет, или он скажет Касси, что любит ее, и его выставят за дверь.

Чувак с тряпичной зверюгой говорит:

– Они так его описали, что мне уже не терпится посмотреть, что это за чудовище.

Он моргает. Закрывает один глаз, потом – второй. Трет глаза кулаками, снова моргает, щурится на телеэкраны вверху и хмурится.

Там, на экранах: я – натурщик в художественном училище. Стою полностью голый в центре большой мастерской, и симпатичные студентки поочередно отсасывают у меня.

В ту ночь, в мою последнюю ночь с Брендой, эта штука, которая

ударила мне в висок – слишком тяжелая и твердая для цветка, – это было мое обручальное кольцо, которое я ей подарил.

Телефон у меня в руке начинает звонить. На экране высвечивается номер. Это номер моего импресарио.

26. Мистер 72

Девушка с секундомером разрешила мне вернуться. Я сказал, что мне надо передать кое-что важное мистеру Бакарди. Она провела меня вниз по лестнице, в «подвал ожидания». В запахе детского масла и сырных крекеров.

Мистер Бакарди видит меня, прижимает к груди свой мобильник и спрашивает:

– Ты убил ее?

А Дэн Баньян говорит:

– А может, чего и похуже... сказал ей, что ты ее *любишь*?

А девушка с секундомером, она говорит:

– Джентльмены, минутку внимания...

Когда заходишь туда, к Касси Райт, в эту комнату наверху, возникает стойкое ощущение, что ты пришел навестить ее в больнице. Она лежит на белой кровати с белыми подушками и простынями, лежит с раздвинутыми ногами и попивает апельсиновый сок из большого стакана – через согнутую пластиковую соломинку. Лежит, укрытая до пояса простыней. Прожекторы направлены на кровать – горячие и яркие, как лампы в операционной. Когда девушка-ассистентка впускает тебя в эту комнату, возникает стойкое ощущение, что Касси Райт ждет, пока кто-нибудь из медсестер не обмоет ее новорожденного ребенка, чтобы отдать его, чистого, Касси – чтобы она приложила его к груди.

У изголовья кровати стоят вазы с цветами. Букеты в шуршащих прозрачных обертках. Розы, розы и розы. Самые разные, но исключительно – розы. На столике рядом с кроватью лежат открытки. С кружевными резными краями, в искрящихся блестках. Открытки засунуты в букеты. Открытки валяются на полу. На одной – отпечаток чей-то грязной ноги.

Все эти открытки – поздравления с Маминым днем. «Лучшей маме на свете!» «Любимой маме от сына». «О такой маме можно только мечтать!»

Девушка с секундомером тащит меня в комнату, тянет за руку и говорит:

– Мисс Райт...

Она показывает на букет у меня в руках и говорит:

– Вот вам еще один сын...

Уже потом – в подвале, внизу – Дэн Баньян говорит:

– Твоя мама – женщина моей мечты!

Он говорит:

– Как ты думаешь, она согласится со мной поужинать?

Мистер Бакарди кричит в телефон:

– Как у тебя язык повернулся такое сказать?!

Он кричит:

– У меня самый ровный и темный загар. Это лучший загар во всей отрасли!

Наверху, в комнате, где снимается фильм, было полно народу. Полностью одетые люди ходили с места на место, держа камеры на плече или поддерживая провисающие провода, что тянулись от каждой камеры к каким-то коробкам, или к электрическим розеткам, или к другим проводам. Другие люди держали длинные палки с микрофонами на конце. Склонялись над Касси Райт с расческами и тюбиками помады. Крутили прожекторы и подставляли под них сверкающие серебряные зонты, чтобы свет отражался и падал на Касси на белой кровати.

Их было так много, этих людей. Одна большая семья. Они смеялись. Их глаза покраснели от недосыпания. Все это время они были рядом с Касси – ждали, когда родится ребенок. Эти люди, к подошвам которых прилипали красивые открытки – поздравления с Маминым днем. Открытки были разбросаны по всей комнате. Весь пол был усеян лепестками роз.

Девушка с секундомером подталкивает тебя в комнату, щипает за локоть, и какой-то мужик, у которого камера, говорит:

– Черт возьми, Касс, это ж сколько у тебя детей?!

Все смеются. Все, кроме меня.

Вот она, твоя семья. Семья, в которой ты родился. Рождаешься прямо сейчас.

И Касси Райт говорит:

– Сегодня они все – мои.

Снова в подвале, где все, кто еще не прошел, ждут своей очереди, мистер Бакарди кричит в телефон:

– Моя лучшая роль еще *не позади*!

Он кричит:

– Ты же знаешь, никто лучше меня не умеет работать анальную сцену стоя, да еще так, чтобы кончить по первому требованию.

Дэн Баньян смотрит вверх, на мерцающие экраны. Смотрит и говорит:

– Как ты думаешь, она согласится выйти за меня замуж?

Там, наверху, где снимают кино, три гестаповские формы валялись в углу. Потемневшие от пота. Девушка с секундомером сказала, что их перестали использовать где-то на середине списка – чтобы не терять время.

Какой-то парень поднес стакан с апельсиновым соком поближе к

Касси, чтобы она смогла взять губами соломинку, не приподнимаясь с постели. Она отпила сока, а парень взглянул на меня и сказал:

– Давай, малыш. Взгромождайся.

Он сказал:

– Хочется все-таки добраться до дома еще сегодня.

Касси Райт оттолкнула его и махнула мне, чтобы я подошел ближе.

Потом приподняла рукой одну грудь, нацелив сосок на меня, и сказала:

– Не слушай его. Это наш режиссер. – Касси приподняла рукой грудь и сказала: – Иди сюда, иди к мамочке...

Свою левую грудь, ту, которая лучше. Точно такую же, как была у меня дома. В доме, в котором я жил, пока приемные родители не сменили замки.

Мистер Бакарди говорит в телефон:

– Двадцать баксов? За то, чтобы я только приехал и засунул в кого-то член ровно на тридцать секунд? – Он смотрит на Дэна Баньяна и говорит: – Ты, наверное, хотел сказать, пятьдесят баксов?

По-прежнему щурясь на мониторы, Дэн Баньян говорит:

– Королева порно и король телеэкранов сыграют свадьбу.

Он говорит:

– Мы могли бы устроить свое собственное реалити-шоу.

На экране, куда он смотрит, там даже нет Касси Райт. Там идет промежуточная заставка между двумя эпизодами. Экскаватор сыпает комья земли в самосвал.

Там, на съемочной площадке, я шагнул вперед – лепестки роз прилипли к моим босым ногам – и встал на колени перед ее огромной, ослепительно-яркой кроватью.

Все, кто был в этой комнате, наблюдали за нами сквозь объективы кинокамер или по видеомониторам. Они слышали наш разговор через наушники.

Я встал на колени перед кроватью, и когда Касси Райт сунула мне в лицо свою грудь, я спросил, узнает ли она меня?

– Соси, – сказала она и потерлась соском о мои губы.

Я спросил, знает ли она, кто я?

И Касси Райт улыбнулась:

– Ты, наверное, тот мальчик из супермаркета, который носит мои пакеты?

Моргая и щурясь на телеэкраны, Дэн Баньян говорит:

– Мы поженимся в Лас-Вегасе. Это будет самым громким событием десятилетия.

Мистер Бакарди кричит в телефон:

– Моим поклонницам не нужны новые лица! Им нужен я!

Я ее сын, сказал я Касси Райт. Тот самый ребенок, которого она отдала на усыновление.

– А я что говорил, – сказал парень, который держал стакан с соком.

Я пришел сюда сегодня, потому что она не отвечала на мои письма.

– Еще один... сколько можно... – пробормотал оператор. Его голос, идущий с той стороны камеры, был приглушен металлом и пластиком. Объектив камеры смотрел мне прямо в лицо. Он был так близко, что я видел свое отражение в изогнутом стекле.

Снято. Записано. Просмотрено. Навсегда.

Когда я открыл рот, чтобы заговорить, Касси сунула мне в рот свой сосок. Мне пришлось отвернуться, чтобы все-таки сказать:

– Нет.

Вкус соли у нее на коже, вкус слюны тех, кто был здесь до меня.

Я сказал:

– Я пришел подарить тебе новую жизнь.

Девушка с секундомером взяла его в руку, большим пальцем нажала на кнопку, которая сверху, и сказала:

– Время пошло.

Ощущение – точно такое же, как от надувной куклы для секса, когда из нее вышел весь воздух. Плоская. Мятая. Я никогда не забуду, как моя приемная мать потрясала розовой сморщенной кожей перед носом у моего приемного отца, а потом они вместе пошли к преподобному Харнеру и все ему рассказали, потрясая все той же розовой оболочкой. Так они превратили мою любовь – мою сокровенную тайну – в то, что я больше всего ненавижу в жизни. Не крошечные шлюхи ручной работы, которым мой приемный отец посвящал свой досуг, не влагалища с вишней в ванильной глазури, которыми моя приемная мать забивала весь холодильник – нет, напоказ была выставлена моя тайна. Почему-то только моя.

То единственное, что дало мне возможность почувствовать себя особенным – теперь это стало моим стыдом.

Чтобы доказать, что я – это я, я показал Касси Райт золотое сердечко, которое мне дал Бранч Бакарди. Размотал цепочку, намотанную на запястье, открыл медальон и показал Касси Райт фотографию младенца внутри. Мою фотографию. Таблетку с цианистым калием я вытряхнул на ладонь и зажал в кулаке.

Касси Райт улыбнулась, глядя на фотографию. Ее лицо сделалось старым – вокруг глаз и рта. Ее губы сжались в тонкую линию, кожа на

щеках как будто провисла.

Она спросила:

– Ты где это взял?

Я сказал: Ирвин дал.

И Касси Райт уточнила:

– Эрвин?

Я кивнул. Да.

Она спросила:

– А больше он ничего не давал?

Я сжал кулак еще крепче и покачал головой. Нет.

Я сказал: это я. Младенец на фотографии в медальоне. Я – ее сын.

И Касси Райт вновь улыбнулась.

– Ты только не слишком расстраивайся, малыш, – сказала она, – но мой ребенок, которого я отдала на усыновление, это был никакой не сын. – Она захлопнула золотое сердечко и отобрала у меня медальон вместе с цепочкой. Надела цепочку себе на шею. – Я всем говорила, что у меня мальчик. Но у меня была девочка, дочка...

Секундомер тихо щелкал, отсчитывая мои шестьдесят секунд.

Мое отражение в объективе камеры, оно было так близко, что я разглядел слезинку, скатившуюся у меня по щеке.

– А теперь... – Касси Райт откинула простыню, прикрывавшую ее до пояса, и сказала: – Будь хорошим, послушным мальчиком и уже начинай меня трахать.

Внизу, в подвале, Дэн Баньян говорит:

– А что ты сделал с таблеткой, которая с цианистым калием?

Я не знаю.

Я ее сунул себе в трусы. Которые лежали скомканные на полу. А потом так и оставил ее в трусах. Для сохранности.

Дэн Баньян морщится и говорит:

– И как теперь кто-то возьмет ее в рот, после того, как она побывала в твоих грязных трусах?

– Это цианистый калий! – кричит мистер Бакарди, прижимая телефон к груди. – Из-за капельки пота и смегмы он не станет более ядовитым!

Я трахал Касси Райт жестко и яростно. Ее колено упиралось ей прямо в лицо. А потом я услышал, как девочка с секундомером сказала:

– Все, время вышло.

Но я продолжал ее трахать, перевернув на бок.

Я слышал, как Касси Райт проговорила:

– Этот мальчик сношается так, как будто хочет кому-то что-то

доказать.

Я перевернул ее снова и поставил раком. Вцепился обеими руками в ее ягодичы с увядающей дряблой кожей. Я слышал, как Касси Райт крикнула:

– Уберите его с меня!

Кто-то схватил меня сзади. Чьи-то пальцы оторвали мои руки от бедер Касси. Меня оттаскивали от нее, а я по-прежнему двигал бедрами, никак не мог остановиться, а потом мой член все-таки выскользнул из Касси, и из него брызнула белая струя – прямо ей на ягодичы.

А на другом конце этого тела губы Касси Райт произнесли:

– Вы это сняли?

И режиссер сказал:

– Это пойдет на трейлер. – Он отпил апельсиновый сок из стакана, который держал в руках, отпил через соломинку и сказал: – Ты полегче, малыш, а то мы тут утонем.

Касси Райт сказала:

– Вытрите меня кто-нибудь. – По-прежнему стоя на четвереньках, она обернулась ко мне и сказала: – Было приятно с тобой познакомиться, малыш. Продолжай покупать мои фильмы, ага?

Внизу, в подвале, чей-то голос произносит:

– Номер 600? – Молодой женский голос. Девушка с секундомером говорит: – Пожалуйста, пройдите на съемочную площадку.

А мистер Бакарди кричит в телефон:

– Ваше вшивое агентство, оно существует только благодаря мне!

Он идет к лестнице и кричит на ходу:

– Это не деньги, это неуважение!

Я говорю: подождите. Запускаю руку в трусы, шарю рукой между тугой эластичной тканью и липкой сморщенной кожей мошонки. Делаю шаг, второй, третий. Подхожу поближе к мистеру Бакарди, который стоит у подножия лестницы, обернувшись ко мне.

Я говорю: вот, возьмите. Убейте ее, эту суку. Убейте.

– Не надо ее убивать, – говорит Дэн Баньян. – Я собираюсь на ней жениться.

Мистер Бакарди захлопывает крышку на телефоне и говорит:

– Какие-то вшивые двадцать баксов...

Я говорю: все, как вы и планировали. Затрахать ее до смерти.

И роняю таблетку ему на ладонь.

27. Мистер 137

Знаете что? Я еще не женился на Касси Райт, но уже могу стать вдовцом. Я говорю этому мальчику, актеру под номером 72: я тебя очень прошу, пожалуйста. Скажи мне, что это была просто конфетка «M&M». Ну, то, что ты дал Бакарди.

– Цианистый калий, или цианид калия, – говорит девочка-ассистентка и наклоняется, чтобы поднять с пола бумажную салфетку. – В природе содержится в корнях маниоки, многолетнего вечнозеленого растения семейства молочайных, изначально произраставшего в Африке. Применяется в качестве красящего пигмента для изготовления краски «берлинская лазурь» интенсивного ярко-синего цвета. Отсюда название одного из оттенков синего – циановый...

Отсюда же, говорит ассистентка, происходит название «цианоз». Термин для описания синюшного оттенка слизистых и кожных покровов жертв отравления цианистым калием. Смерть наступает мгновенно, надежно и необратимо.

На телеэкранах, подвешенных под потолком по периметру комнаты – пустой гулкой комнаты, где не осталось уже никого, кроме нас троих, – пышногрудая Касси Райт играет строгую медсестру, благочестивую и деспотичную в своем накрахмаленном белом халате и практичных удобных туфлях, добродетельную медсестру, которая дарит свободу и радость пациентам мужской психиатрической клиники, отсасывая у всех и каждого. Классика порно. «Улетный отсос над гнездом кукушки».

Я говорю: обожаю этот фильм.

И актер номер 72 говорит:

– Вы о чем?

Он говорит, этот фильм – ну, тот, что мы смотрим, – он об отважной девчонке, которая мечтала стать подающей в мужской софтбольной команде и добилась-таки своего, отсосав у всех членов команды.

Я щурюсь, приподнимаюсь на цыпочках, всматриваюсь в экран. Одной рукой я по-прежнему крепко держусь за край складного буфетного стола. Это мой якорь. Мой ориентир в темной комнате.

Актер номер 72 говорит:

– Этот фильм называется «Несносные медведи» кончают дружно».

Он говорит:

– Вы что, слепой?

Уже не важно, что сделает Бакарди, даст он Касси таблетку или не даст – это уже не имеет значения, говорит девочка-ассистентка, собирая бумажные стаканчики со стола. Она собирает стаканчики, набивает их смятыми салфетками. Она говорит, что скорее всего один покойник у нас уже есть. Ходячий труп. Который может в любую минуту упасть и уже не подняться. Когда цианид попадает в кровь, объясняет она, он соединяется с атомами железа, содержащегося в цитохромоксидазном комплексе митохондриальной ДНК мышечных клеток. Форма клетки меняется, ткани теряют способность усваивать кислород, переносимый кровью, и организм задыхается. Пораженные клетки, в первую очередь нервной системы и сердца, уже не могут производить энергию.

Я спрашиваю, как нам назвать наше с Касси реалити-шоу. Ну, когда мы с ней поженимся. Может, «Красавица и детективище»?

Девочка-ассистентка собирает пустые пакеты из-под чипсов, сминает их в шуршащие шарики, бросает в черный пакет для мусора. Она говорит:

– Большинство отравлений цианистым калием происходят трансдермально.

Она смотрит на номера 72 и говорит:

– Ты как себя чувствуешь?

Слабость? Потеря слуха? Онемение кистей? Повышенное потоотделение, головокружение, беспричинная тревожность?

Те девятьсот человек, совершившие массовое самоубийство в Джонстауне в 1978 году, они отравились именно цианидом. Цианидом травили узников нацистских концлагерей. Гитлер и его жена, Ева Браун, приняли цианистый калий. В 1950-х годах, во время холодной войны, американским шпионам выдавали особые очки в толстой тяжелой оправе. Если шпиона ловили, он должен был быстро разгрызть пластмассовую дужку очков, куда предварительно запяли капсулу со смертельной долей цианида. Именно эти очки в роговой оправе, инструмент самоубийства, говорит девочка-ассистентка, стали потом частью имиджа Бадди Холли и Элвиса Костелло. Все эти юные битники, носившие на носу смерть.

Когда она произносит «Джонстаун», мы с этим молоденьким актером, номером 72, одновременно бросаем взгляд на большую чашу для пунша, наполовину пустую. В розовом лимонаде плавают окурки и апельсиновые корки.

Так вот, говорю, насчет нашего с Касси реалити-шоу. Может, назвать его «ССС – совершенно секретное совокупление»? Или все-таки для телевидения это не очень пристойно?

Актер номер 72 говорит:

– А что значит транс...

– Трансдермально, – подсказывает девочка-ассистентка. – Это значит «сквозь кожу».

Смахивая со стола крошки, ассистентка рассказывает о том, что большинство отравлений цианистым калием происходит при проникновении яда сквозь кожу.

Обращаясь к молоденькому актеру, она говорит:

– Понюхай ладонь.

Малыш подносит ладонь к носу и делает глубокий вдох.

– Нет, – говорит девочка-ассистентка, – ты понюхай ту руку, в которой держал таблетку. Чем-нибудь пахнет?

Мальчик нюхает другую руку, потом нюхает еще раз и говорит:

– Миндалем?

Запах горького миндаля – это цианистый калий вступил в реакцию с влагой у него на коже, в результате чего получился цианистый водород. Яд уже проникает в его кровеносную систему.

– Пойду вымою руки, – говорит номер 72.

Ассистентка качает головой и говорит, что таблетка соприкасалась не только с ладонью. Есть и другие места у него на теле – мокрые от пота участки, где находятся поры и нервные окончания.

Насчет нашего совместного реалити-шоу с моей будущей, может быть, уже мертвой женой... Я говорю: а если назвать его «Миссис Сексапильность и мистер Плоскостоп»?

Актер номер 72 смотрит на девочку-ассистентку, а потом опускает голову, прижав подбородок к груди, и смотрит на свою промежность.

Он говорит:

– Нет, нет, нет.

Ассистентка берет сразу несколько бумажных салфеток и вытирает стол, залитый лимонадом.

Собирает не вскрытые презервативы – красные, розовые, голубые – и сыпает их в пустой пакет из-под попкорна.

Актер номер 72 снова нюхает свою ладонь. Потом наклоняется, оттягивает резинку трусов. Он сгибается в три погибели, так что на спине выступают шишечки позвонков, и шумно втягивает носом воздух. Нюхает свою промежность. Выпрямляется и тут же сгибается снова. Нюхает еще раз. Выпрямляется и говорит:

– Нет, не могу. Далеко.

Он оборачивается ко мне:

– Сделайте мне одолжение.

Он говорит:

– Вы не можете понюхать мою мошонку?

Девочка-ассистентка сметает с буфетных столов сладкий мусор: открытые леденцы и ириски, разноцветные шарики жвачки.

– Я вас очень прошу, – говорит мне актер номер 72. – Это вопрос жизни и смерти.

И знаете что? Это все хорошо. Но я только что понял, что я гетеросексуал.

Если он ел конфеты, говорит девочка-ассистентка, обращаясь к молоденькому актеру, может, поэтому он еще жив. Глюкоза – природное противоядие при отравлении цианистым калием. Она соединяется с цианидом и снижает его токсичность.

Актер номер 72 бросается к столу, лихорадочно сгребает остатки конфет – «Lemonheads» и «Skittles», миниатюрные «Butterfingers» и «Hershey Kisses» – и горстями запихивает их в рот. Пережевывая лакричные палочки и мармеладные фигурки, хлюпая сахаром и слюной, он говорит мне:

– Пожалуйста.

Сквозь комья мятных ирисок и кашу из шоколадных черепашек он говорит мне:

– Просто понюхайте и скажите, чем пахнет.

Девочка-ассистентка рассказывает о том, как Григорий Распутин, сумасшедший монах из России, принятый при царском дворе и соблазнявший придворных дам своим совершенно мифическим членом восемнадцать дюймов длиной, пережил несколько покушений на его жизнь. Этого монаха-развратника несколько раз пытались отравить цианистым калием, и каждый раз яд подсыпали в какое-нибудь сладкое кушанье или питье: в подслащенное вино, например, или в пирожные. Иными словами, незадачливые убийцы всякий раз смешивали отраву с наиболее эффективным противоядием.

Сейчас, говорит девочка-ассистентка, Бранчу Бакарди будет достаточно просто засунуть таблетку в любое отверстие на теле Касси Райт. Уже не важно, как именно яд попадет в организм – через рот или как-то иначе, – все равно у Касси начнется головокружение, спутанность сознания, сильная головная боль. Кожа Касси слегка посинеет, а сердце забьется в бешеном ритме, пытаясь насытить клетки кислородом, который они не способны усвоить. Касси впадет в кому, у нее остановится сердце, и смерть наступит буквально за считанные секунды.

– Даже если вы понюхаете его яйца и ничего не почувствуете, –

говорит мне ассистентка, – это еще ничего не значит. Не каждый способен почувствовать запах цианистого водорода.

Где-то снаружи отчаянно воют сирены. Они приближаются, становятся громче.

Девочка-ассистентка тянется через стол, собирает недоеденные кексы. Корки от пиццы. Размокшие пирожные, с которых слизали всю сладкую глазурь из кленового сиропа.

Сирены уже совсем близко. Воют прямо над нами, за бетонной стеной.

– Если вы собираетесь подкатиться к мисс Райт, – говорит мне ассистентка, – лучше заранее настройтесь на то, что у вас ничего не получится.

Она наклоняется, чтобы поднять что-то с пола. Держит эту штукину двумя пальцами, хмурится и говорит:

– Какой-то придурок жевал гондоны?..

Я пожимаю плечами и говорю: кому – что.

Носком туфли она пытается соскоблить с пола выплюнутую кем-то жвачку и рассказывает о том, как она несколько месяцев добивалась встречи с Касси. Как Касси рассказывала о ребенке, которого отдала на усыновление, и говорила, что это было самой большой ошибкой в ее жизни – ошибкой, которую она не сумела исправить. Не сумела избавиться от чувства вины, которое, собственно, и заставило ее сняться в этом фильме, чтобы сделать его богатым, своего потерянного ребенка. Чтобы жизнь Касси Райт – жизнь, растраченная впустую, – все-таки была прожита не зря.

Сирены уже совсем близко. Они воют так громко, что ассистентке приходится кричать.

Продолжая смахивать со стола крошки и отдирать прилипшие конфеты, девочка-ассистентка кричит:

– Такое терпение бывает только от ненависти.

Она кричит, что только целая жизнь – жизнь как сплошной гнойный абсцесс ненависти и злости, – придает человеку решимости часами ждать, стоя где-нибудь за углом, под дождем и палящим солнцем, и изо дня в день околачиваться на автобусных остановках – на случай, если Касси Райт вдруг пройдет мимо.

Ждать столько лет, чтобы наконец отомстить.

Сирены смолкают, становится тихо. Мы стоим и смотрим друг на друга: я, ассистентка и мальчик под номером 72. Мы вдвоем, в пустой комнате.

И актер номер 72 говорит чуть ли не шепотом, но в тишине,

воцарившейся после того, как умолкли сирены, все равно получается громко. Он говорит:

– Это ты.

Он проглатывает комок сахара и слюны и говорит:

– Ты – тот самый ребенок, дочь Касси Райт. А Касси даже не знает.

Сминая в кулаке пустую банку из-под лимонада, девочка-ассистентка говорит:

– Небольшая поправка...

Она улыбается и говорит:

– С этой минуты я – тот самый *очень богатый* ребенок.

Эта девочка-ассистентка... у нее нос Бранча Бакарди. Прямой и длинный. Ее черные волосы – это волосы Бранча Бакарди. Ее губы – это его губы.

Я интересуюсь, откуда она столько знает о цианиде.

И знаете что? Этот мальчик, молоденький актер, номер 72, он бежит в туалет отмывать свои яйца.

28. Шейла

Буквально за пару минут – за одну быстро выкуренную сигарету – до того, как я привожу Бранча Бакарди, нашего «гвоздя» программы, мисс Райт показывает пальцем на свой стакан с апельсиновым соком. Сгибает палец, просит меня поднести ей стакан. Машет рукой, мол, быстрее.

Беру стакан, подношу ей. Сгибаю соломинку до уровня ее губ.

Мисс Райт манит меня пальцем, чтобы я наклонилась поближе. Достаточно близко, чтобы почувствовать запах ее пота. Разглядеть седые корни ее светлых волос. Один вдох – запах засохшей спермы. Следующий вдох – пыльный запах латексных презервативов. Яркий солнечный запах апельсинового сока. Даже не прикасаясь к соломинке в стакане, ее губы произносят:

– Я знаю.

Они шепчут:

– Я поняла это сразу. Еще в нашу первую встречу в кафе.

Тихо и нежно, как будто поет колыбельную песню, мисс Райт говорит:

– Я едва не расплакалась, ты так на меня похожа...

Подлинный факт.

Повернув голову в сторону, отворачиваясь от соломинки в стакане с соком, мисс Райт улыбается мне своей яркой блестящей помадой, улыбается и говорит:

– Цитируя этого последнего юношу... Я хотела подарить тебе новую жизнь.

Она начинает рассказывать о том, как Ричард Бертон едва не погиб на съемках «Ночи игуаны» в Мексике. Там есть эпизод, в котором Бертон перерезает веревку ловушки, куда попала живая игуана, и освобожденное животное убегает в джунгли. Но случилась накладка. Бертон, конечно же, перерезал веревку, а вот игуана, проведшая несколько долгих недель в компании крепко пьющих Авы Гарднер, Джона Хьюстона и того же Бертон, видимо, не захотела бросать дружный споенный коллектив. Она никуда не побежала. Для того чтобы все-таки снять эпизод, к ящерице подвели электрический провод, и когда Бертон перерезал веревку, игуанушибанули разрядом в 110 вольт.

Беда в том, что Ричард Бертон не успел убрать руки от игуаны и получил те же самые 110 вольт – через ящерицу. Его едва не убило током. Знаменитого киноактера с мировым именем и чешуйчатую

холоднокровную рептилию едва не поджарило заживо одним и тем же разрядом.

Подлинный факт.

Тут мисс Райт улыбается и говорит:

– Живи в свое удовольствие на все те деньги, что тебе выплатят по страховке...

И прежде чем она успела сказать еще слово, я запихала ей в рот соломинку для питья. Глубоко-глубоко, чуть ли не в горло. Чтобы только она замолчала.

29. Мистер 72

Девушка с секундомером спускается вниз по лестнице, зажимая руками рот. Крепко-крепко, как будто пытается удержать что-то во рту. Ее глаза – совершенно круглые. Они не моргают, настолько сухие, что уже не блестят. Разве что самую малость – как могло бы блестеть стекло. Стекло на ее секундомере, который болтается на шее. Она зажимает руками рот с такой силой, что пальцы становятся белыми, и лицо тоже становится белым, как будто вся кровь была выжата из кожи. Она идет вниз по ступенькам, медленно переставляя ноги. Левая, правая. Левая, правая. Каждый шаг – на ступеньку вниз.

Я не знаю.

Если вам вдруг захочется живо представить, как человек умирает, умирает по-настоящему, просто включите любой порнофильм и понаблюдайте за тем, как оргазмируют актеры. Они задыхаются, ловят ртом воздух, чтобы сделать хотя бы еще один вдох. Вены на шее набухают и выпирают, мышцы напрягаются, словно сведенные судорогой, кожа натягивается. Рот открывается, подбородок дрожит. Зубы как будто вгрызаются в воздух. Губы растянуты, глаза крепко зажмурены. Зубы отчаянно пытаются откусить еще один кусок жизни – такой, чтобы побольше.

Посмотрите «Третью мировую шлюху» и вы поймете, почему в определенных кругах смерть иногда называют последним оргазмом или просто еще одной сценой с выбросом спермы.

Девушка с секундомером встает у подножия лестницы. Снимает с обеих рук верхний слой розовой кожи, потом еще один слой – голубой. Тонкие резиновые перчатки, вывернутые наизнанку. Она бросает их на пол. Они лежат – мертвые, плоские, как приспособления для суррогатного секса. Девушка швыряет перчатки на пол и закрывает лицо руками. Кожа у нее на руках – сморщенная и распаренная после стольких часов медленной варки в собственном соку внутри этих самых перчаток. Девушка расправляет поникшие плечи, распрямляет согнутую спину и делает долгий, глубокий вдох. Вдыхает запах мочи, детского масла и пота. Потом задерживает дыхание, плотно прижав локти друг к другу, пытается выдохнуть, но захлебывается судорожными рыданиями, сотрясающими все ее тело.

Я смотрю на нее. Мои яйца растерты до красноты. Трусы промокли

насквозь. Я – бездомный. Я – сирота. Без денег и без работы.

Дэн Баньян смотрит на девушку. То есть не то чтобы смотрит прямо на нее, но стоит, повернув ухо в ту сторону, откуда доносится ее плач. Потому что теперь она плачет, плачет по-настоящему. Закрывая лицо руками.

Номер 137 говорит:

– Касси что, умерла?

Сирота без гроша в кармане, бездомный, лишенный всего, я иду к ней, к этой девушке. Иду, отрывая босые ноги от липкого пола. Левую, правую. Левую, правую. Подхожу, встаю рядом. На мне – только мокрые трусы. Я подхожу к девушке, обнимаю ее за плечи. Петельки и узелки у нее на свитере дрожат под моей рукой. Другой рукой я прижимаю ее к себе и держу, пока она не прекращает дрожать. Наклонив голову, упираясь подбородком в ее плечо, я смотрю на черные цифры у себя на руке.

Глядя девушку по волосам, я говорю ей:

– Вообще-то у меня есть имя. Меня зовут не «номер 72»...

Не знаю...

Белые хлопья мертвой кожи у нее на голове – они липнут к моей руке, осыпаются на пол. Девушка с секундомером разваливается на части прямо у меня в руках. Я нюхаю свои пальцы и говорю, что мне нравится запах ее шампуня. Я говорю, что она хотя бы знает, кто ее настоящая мама. Ее секундомер вжимается мне в пупок, холодит кожу. Я прижимаю к себе эту девушку, пока у нее не выравнивается дыхание, и спрашиваю, как ее зовут.

Она слегка отстраняется. Серебряный крестик у меня на шее, он прилип к ее мокрой щеке, вдавленный в кожу. Девушка отстраняется, и цепочка натягивается между нами, соединяя ее и меня. Еще один выдох и вдох, и крестик срывается, падает мне на грудь. На щеке девушки остается красная вмятина в форме креста.

У меня на животе вокруг пупка краснеет круглый отпечаток секундомера.

Все еще у меня в объятиях, все еще у меня в руках, девушка говорит:

– Она так меня ненавидела, моя мать...

Она говорит:

– Я всем говорю, что меня зовут Шейла, потому что моя настоящая мать назвала меня самым уродским именем, которое только можно придумать.

Имя, которое Касси Райт записала в свидетельстве о рождении.

Перед тем как отдать свою дочку на усыновление чужим людям.

Указательным пальцем девушка быстро смахивает слезинки с обеих щек. Ее движение напоминает движение «дворников» на ветровом стекле.

Она говорит:

– Эта сука, она назвала меня Зельдой Зонк.

Улыбается и говорит:

– Это как же надо было ненавидеть своего ребенка...

Я обнимаю ее, и конкретно сейчас меня почему-то совсем не волнует, что у меня больше нет ничего. Ничего за пределами этих стен. Что я даже не знаю своего настоящего имени и не знаю, кто я. Но здесь и сейчас, когда я прижимаю к себе эту девушку и чувствую ворс ее свитера своей голой кожей, мне вроде как больше ничего не нужно.

Дэн Баньян говорит:

– Ты сказала, Зельда Зонк?

Там, на другом конце комнаты, он улыбается, глядя на нас своим ухом, улыбается и говорит:

– Она правда назвала тебя Зельдой Зонк?

Он качает головой и начинает смеяться.

А я говорю, что мое настоящее имя – Дэрин, Дэрин Джонсон. Я держу Зельду в объятиях, пока она вновь не ложится щекой на серебряный крестик у меня на груди. Ее секундомер тихо тикает мне в живот.

30. Мистер 137

Руководитель актерского отдела киностудии Metro-Goldwyn-Mayer трижды забраковала Роя Фитцджеральда. Когда она просила его пройти по кабинету, он начинал спотыкаться, причем спотыкался так часто, что она уже стала всерьез опасаться, как бы он не свалился и не разбил ее стеклянный журнальный столик. Фитцджеральд, бывший служащий флота, а ныне – водитель грузовика, развозящий мороженую морковь, так растягивал губы, когда улыбался, что наружу торчали не только зубы, но еще и десны. У него был писклявый девчоночий голос. Хуже того: он хихикал. Каждый раз, когда Фитцджеральд спотыкался о собственные ноги, он хихикал.

Ни у кого не находилось ролей для этого женоподобного увальня, пока агент Фитцджеральда, Генри Уилсон, не научил своего подопечного улыбаться, не разжимая губ. Уилсон привел Фитцджеральда к одному актеру со стрептококковым воспалением горла. Когда Фитцджеральд заразился, и его горло горело огнем, Уилсон заставил его кричать как можно громче, и Фитцджеральд кричал, пока не надорвал голосовые связки. После этого его голос стал низким, раскатистым и в меру хриплым. Теперь это был голос мужчины. И еще Фитцджеральд взял себе псевдоним – Рок Хадсон.

Мне так нравится, что Касси Райт тоже знает этот эпизод из истории Голливуда. Я поэтому в нее и влюбился. Потому что мы оба знали все эти подробности: как Таллула пила разведенный водой порошок из яичной скорлупы, как Люси подтягивала себе кожу. Да, я влюбился, а что? Люди женятся и по менее веским причинам.

Касси знала о том, что Мэрилин Монро всегда обрезала каблук на одной туфле, так чтобы одна нога была чуть короче другой – чтобы ягодицы соблазнительно терлись друг о друга при каждом шаге. Касси знала, что постоянные воспаления легких и хронические бронхиты, которыми Мэрилин страдала всю жизнь, были скорее всего результатом привычки принимать ванну из колотого льда перед каждым появлением на публике или на съемочной площадке. Зарывшись в лед по самую шею, наевшись таблеток, чтобы не чувствовать боли, она лежала в ванне часами – чтобы грудь и ягодицы стали подтянутыми и упругими, на весь день.

И знаете что?

Касси знала тайное имя Мэрилин. Имя, которое Монро выбрала для

себя той, кем ей хотелось быть на самом деле. Не сексапильной блондинкой, виляющей бедрами и лопочущей милые глупости. Нет, Мэрилин мечтала о том, чтобы быть уважаемой серьезной актрисой, изучавшей актерское мастерство по системе Станиславского. Умной и проницательной интеллектуалкой под стать Артуру Миллеру. Человеком, обладающим чувством собственного достоинства. Именно таким человеком становилась Мэрилин Монро, когда выбиралась куда-нибудь без макияжа, в простой повседневной одежде, а не в дизайнерских туалетах, взятых на время на киностудии; укрывая свою знаменитую прическу неброским платком, прячась за стеклами диоптрических очков в роговой оправе. Эта неяркая, умная, образованная актриса называла себя Зельдой Зонк. Когда заказывала билеты на самолет и регистрировалась в отелях. Зельда Зонк. Та, которая читала книги. И собирала предметы искусства. Та, кем мечтала быть великолепная Мэрилин Монро, белокурая секс-богиня, самая соблазнительная блондинка за всю историю человечества.

31. Шейла

Мисс Райт знала.

Эта женщина знала все с самого начала. Знала, кто я и кто она. Все это время она играла, зная, что ей предстоит умереть. Касси Райт сознательно дала себя трахнуть шести сотням дрович, чтобы сделать меня богатой.

Подлинный факт. Еще одно, самое последнее ключевое понятие наших дней – суровая реальность.

Что делать, когда разрушается вся твоя личность и все твои представления о себе? Как жить дальше, когда вдруг выясняется, что все это время ты жил неправильно?

Нет, ну какая же сука.

32. Мистер 600

На телеэкранах крутят фрагменты из самого первого фильма Касси. Снятого на видеокамеру, по качеству – разве что чуть получше, чем дешевая камера видеонаблюдения в какой-нибудь крошечной бакалейной лавке. На телеэкранах: мы с Касси, такие же юные, как девочка Шейла и малыш номер 72. Касси закатила глаза, так что видны только белки. Она раскинула руки, ее голова запрокинута, рот приоткрыт. Из уголка рта стекает тонкая струйка слюны.

Обмякшая и неживая, как надувная секс-кукла. Как свое латексное подобие.

Если хотите знать, когда я делал тот первый фильм с Касси Райт, я подмешал ей в лимонад демерол с кетамином. Установив камеру на штатив рядом с кроватью, я протянул Касси во все отверстия, куда пролазил мой член.

Потому что так сильно ее любил.

Этот первый фильм с Касси Райт назывался «Раскованный бизнес». Потом, когда Касси стала знаменитой, его перемонтировали и выпустили под названием «Всади мне пожалостней». Потом перемонтировали еще раз и выпустили под названием «Шлюха идет на войну: Первая мировая».

Если хотите знать, Касси не собиралась сниматься в том первом фильме.

В этом фильме, который крутят в пустом подвале.

Малыш умчался в сортир, отмывать яйца от яда. Должно быть, стоит, трет их мылом. Точно так же, как тот чувак с телеящика, чувак с тряпичной зверюгой, тер себе лоб.

Шейла спускается вниз по лестнице и горько плачет. Трет глаза рукавами свитера, размазывает по щекам слезы и сопли. Ее зубы стиснуты, челюсть как будто свело судорогой. Она плачет и говорит:

– Вот мудак...

Шейла швыряет планшет о стену. Планшет взрывается бумажными именами и номерами. На пол оседает дрожащее облако полтинников и двадцаток, которые Шейла брала как взятку.

Малыш, номер 72, выходит из туалета и говорит:

– Не плачь.

Он говорит:

– Мисс Райт сама так хотела...

По окончании средней школы, там у себя в Мизуле, Касси планировала поступить в театральное училище. Она думала остаться в своем родном городе, жить в родительском доме и учиться актерскому мастерству, чтобы потом играть в театре или сниматься в кино – в общем, так или иначе, стать актрисой. Но в любом случае она не хотела выходить за меня замуж. Сказала, что будет учиться и добиваться всего самостоятельно. Касси сказала, что если бы она была дуручкой, и все было бы плохо, если бы она впала в отчаяние и хваталась бы за пресловутую соломинку, совершенно «убитая» жизнью, несчастная и одинокая, тогда она, может быть, и приняла бы мое предложение. Так что я не терял надежды.

Беда в том, что родители Касси настроили ее против меня, забив ей голову всякой фигней на тему самоуважения и чувства собственного достоинства.

В тот вечер, в пятницу, когда Касси мне это сказала, я ответил, что все понимаю.

Я сказал, что мне хочется, чтобы она жила полноценной и яркой жизнью – такой, о которой она мечтает. А потом предложил ей лимонад.

Самое близкое сравнение для сегодняшних ощущений: когда подтираешься не в том направлении. Сидишь на толчке. Отрываешь бумажку и, не задумываясь, трешь от задницы к яйцам, размазывая говно по морщинистой волосатой мошонке. Причем чем активнее стараешься его очистить, тем сильнее тянется кожа и тем больше говна прилипает к волосам. В результате оно расплзается тонким слоем по яйцам и бедрам. Так вот, ощущения примерно такие же.

Уже потом Касси мне рассказала, что от этих наркотиков, от демерола и кетамина, у нее остановилось сердце. Ее мозг остыл, и сознание вышло из тела, Касси отчетливо помнит, как парила под потолком, глядя сверху на саму себя, и на видеокамеру у кровати, и на мою голую задницу, которая сжималась и расслаблялась, сжималась и расслаблялась, когда я долбил в нее, как безумный, пока ее сердце не заработало вновь. Я затрахал ее до смерти, а потом вернул к жизни. Протянув ее мертвое тело во все доступные отверстия, я отобрал ее прежнюю жизнь и подарил ей жизнь новую.

Секс воскресил эту чистую светлую девочку, но она стала кем-то другим.

Касси парила под потолком и наблюдала за происходящим.

Точно так же, как я – сейчас.

За спиной Шейлы: чувак, который с тряпичным зверем, спускается вниз по лестнице. Идет, держась за перила двумя руками.

Шейла срывает с шеи секундомер и швыряет его о бетонную стену. Еще один маленький взрыв.

Спускаясь еще на ступеньку вниз, Шейла говорит:

– Старый козел, он сам принял таблетку.

Малыш приседает на корточки перед своим пакетом с одеждой. Достает джинсы, кроссовки, футболку. Ремень. Надевая носки, он говорит:

– Кто?

Шейла стоит, скрестив руки на груди. Смотрит на телеэкран, где я пялю безвольное тело Касси, смотрит и говорит:

– Мой отец.

Чувак с тряпичной зверюгой говорит:

– Кто?

Бранч Бакарди.

Я. Мертвый, покинувший свое тело и парящий под потолком. Как Касси в тот вечер, когда у нее остановилось сердце.

Шестьсот мужиков. Одна порнодива. Мировой рекорд на века. Фильм, обязательный для коллекции каждого уважающего себя ценителя эротики.

У кого-то из нас все готово к тому, чтобы сделать из этого фильма снафф. Только это неправда.

И если вы думали, что я жив, это тоже неправда. Я принял таблетку.

Застегивая рубашку, малыш номер 72 говорит:

– Мистер Бакарди умер?

И Шейла говорит: сложно сказать.

Она говорит:

– С его загаром и автозагаром в несколько слоев он выглядит здоровее и живее любого из нас.

Моя дочь.

На телеэкранах я спускаю в Касси, трахая ее мертвое тело, возрождая ее к жизни. Неплохой кадр с выбросом спермы, пропавшей зазря. Непригодной вообще ни на что, разве только на то, чтобы сделать ребенка. Шейлу. Каким же я был дураком!

33. Мистер 72

Теперь – это уже потом. Мы стоим на улице, уже после того, как врачи «скорой» спросили у Шейлы, есть ли какие-то ближайшие родственники? Ну, кого нужно поставить в известность?

Уже после того, как Шейла сказала «нет», покачивая головой. Белые хлопья осыпались с ее волос, словно пепел от догоревшего костра. Она сказала:

– У этой сволочи нет семьи. И никогда не было, никого.

У мистера Бакарди нет никого.

Это все – уже после того, как мы оставили Дэна Баньяна в подвале. Когда он одевался, то надел рубашку шиворот-навыворот. Пытаясь нащупать пуговицы, он сказал:

– А если назвать наше реалити-шоу «Блондинка идет и слепого ведет»?

Он надел брюки задом наперед, снял и надел так, как надо. Достал из кармана сотовый телефон, нажал на кнопку быстрого набора, дождался ответа и сказал в трубку, что эскорт можно не присылать. Все закончилось. Старый жирный урод, которого они обещали найти – он больше не нужен.

Дело сделано.

Потом Дэн Баньян позвонил кому-то еще и сказал «да». Да, да, да – в какую-то фирму, где делают срочную трансплантацию волос. Потом позвонил в ресторан и заказал столик на двоих. Для себя и мисс Райт. На сегодняшний вечер.

И вот мы с Шейлой стоим на улице, только мы с ней вдвоем. Солнце садится с той стороны здания. Цвета закатного неба, красный и желтый – как отблеск пожара на той стороне всего. Шейла перебирает банкноты, перекладывает по одной из руки в руку. Ее губы считают:

– ...пятьдесят, семьдесят, сто двадцать, сто семьдесят...

Сумма в ее правой руке доходит до 650 долларов. Потом та же самая сумма – в левой.

Я говорю, не волнуйся. У тебя же осталась мама. Тебе есть кого ненавидеть.

Шейла снова считает деньги. Она говорит:

– Ну, спасибо.

Она вытирает глаза двадцатидолларовой купюрой. Сморкается в полтинник и говорит:

– Чувствуешь запах жареного мяса?

А я спрашиваю, может быть, проще сразу меня отравить?

И она говорит:

– А ты разве не знаешь? Обиженные любят обиженных.

Цианид и сахар. Яд и противоядие. Типа как будто мы нейтрализуем друг друга.

Я не знаю. Но здесь и сейчас, когда мы стоим с ней на улице, перед дверью той комнаты, где съемочная площадка, и у меня на руке по-прежнему красуется номер «72», а мы стоим, ждем, что дальше, и мне вроде как больше ничего не нужно.

Врачи «скорой помощи» все еще там, внутри. Пытаются делать наружный массаж сердца мертвому телу мистера Бакарди. Втыкают в него иголки огромных шприцов, накачивают лекарством. Его мертвые губы застыли в улыбке, глаза крепко зажмурены, словно от удовольствия.

И Шейла говорит:

– Подожди.

Она прекращает считать. Половина банкнот остается в одной руке, половина – в другой. Шейла смотрит на закрытую металлическую дверь, из которой мы только что вышли. И дверь закрылась за нами. Когда щелкнул замок, когда все закончилось. Шейла прижимается ухом к двери. Потом утыкается носом в замочную скважину и нюхает, с шумом втягивая в себя воздух. Рука, сжимающая банкноты, тянется к дверной ручке и дергает. Раз, второй, третий. Другая рука, в которой зажата еще одна толстая пачка денег, стучит в закрытую дверь. Стучит громко, настойчиво. Шейла оборачивается и вручает мне деньги:

– Подержи пока эти бумажки.

Слабый запах дыма. Как будто там, внутри, жарят мясо на углях.

Красный отпечаток моего крестика, он уже сходит с ее щеки.

И только после того, как Шейла отдает мне деньги, она начинает кричать. Колотить в дверь кулаками и бить ногами. Отчаянно дергать дверную ручку обеими руками.

34. Мистер 137

В комнате, где съемочный павильон, врачи «скорой помощи» колотят по бритой груди Бранча Бакарди. Их медицинские перчатки прилипают к его коже, а когда отрываются, раздается негромкий хлюпающий звук. Их ладони, обтянутые латексом, испачканы коричневым бронзером. С каждым липким ударом на груди у Бакарди открывается очередная проплешина мертвой синюшной кожи. Врачи колотят его по груди, их перчатки испачканы в его крови, которая вытекла из соска, когда он порезался бритвой. Теперь сосок больше не кровоточит.

Оператор с камерой на плече склоняется над кроватью. Врачи обливаются потом. Бока их белых рубашек, от подмышек до пояса, уже стали серыми, пот пропитал их насквозь. Касси Райт говорит:

– Ты снимаешь?

Студийный фотограф, как одержимый, снимает происходящее со всех ракурсов. От его непрерывных вспышек слепит глаза. Мы все моргаем. Вдыхаем душный горячий воздух, загустевший от запахов пота, духов и спермы.

А Касси тем временем садится верхом на Бакарди, приподнимается, замирает на корточках над темной щетиной на его бритом лобке. Приподнимается еще выше, опираясь ладонями о колени, а потом опускается вниз, прямо на синий одеревеневший в эрекции член Бакарди, и член исчезает у нее внутри.

Даже мертвый, это отменный прибор. Впечатляющий.

Царь среди дилдо. На батарейках или обычный, с «ручным управлением». Мертвый, как его розовое резиновое подобие у меня под кроватью. Как священная реликвия в любом соборе. Мощный непрерывный стояк, как его неисчислимые копии на полках в секс-шопах. Теперь уже коллекционная вещь. Антиквариат.

Касси Райт приподнимает бедра и яростно опускает их вниз – раз за разом. Промельки синего мертвого члена то появляются, то исчезают. А Касси говорит:

– Вздумал меня обойти... старый козел...

Они оба мокрые от пота. Касси Райт трахает мертвое тело Бакарди и рычит:

– Вздумал испортить мой лучший проект... ах ты сволочь...

У нее по щекам текут слезы, подтеки размытой туши повторяют узор

паутинки морщинок вокруг ее глаз, ее лицо все расколото тонкими черными трещинками.

Один из врачей выдавливает из тюбика светлый прозрачный гель. На какую-то штуку, похожую на небольшую перчатку кэтчера. На белую перчатку-ловушку. Потом берет еще одну, точно такую же штуку, и трет их друг о друга, размазывая гель. От обеих перчаток тянутся провода – к какой-то коробочке, на которой горит красная лампочка.

Врач, который размазывал гель, говорит:

– Отойди!

Второй врач убирает руки с груди Бакарди и отступает на шаг назад.

Эти кэтчерские перчатки, на самом деле – пластины электрокардиостимулятора. Реанимация электрошоком. Миллиард вольт электричества, уже подготовленного к тому, чтобы ударить в Бакарди и вернуть его к жизни.

Врач, держащий пластины кардиостимулятора, кричит в расколотое, мокрое от слез лицо Касси:

– Женщина, отойдите!

И Касси встает, приподнимается над Бакарди. Пока между ними не остается единственное связующее звено – его толстый посиневший член. Толстая мясистая головка выскальзывает из влагалища Касси, истекающего секретами. Этот жесткий синюшный член, он торчит вверх, как бы тянется к Касси, которая уже почти слезла с него.

Врач прикладывает пластины к дряблой, мокрой от пота груди Бакарди, и спина Бакарди выгибается дугой, когда в него бьют разрядом электричества. Мышцы у него на руках и ногах разбухают, выступают четким фактурным рельефом. Его кожа становится упругой и гладкой. Удар тока вернул ему молодость. Вернул ему юное, отменное тело – загорелое, гладкое, крепкое. Вспышка фотоаппарата и отблеск молнии, ударившей в тело Бакарди, превращают его в монстра доктора Франкенштейна.

И в этой искрящейся вспышке Касси Райт смотрит на Бранча Бакарди, который снова такой же, каким был раньше – когда был молодым. Когда они оба были молодыми. И вот теперь он вернулся. Во всей красе.

Может быть, это было самоубийство. Может быть, она просто устала, и у нее подогнулись колени.

Все получилось возвышенно и трагично. Как в «Ромео и Джульетте». Но знаете что...

Один опрометчивый шаг может испортить тебе всю жизнь.

Одно мгновение – и все.

Миллиард вольт электричества все еще бьются в теле Бакарди...

камера продолжает снимать... И Касси Райт садится на его жесткий, высоковольтный член смерти. Электрический стул. Устройство для оглушения скота.

35. Шейла

Если регулятор энергии стоит на отметке выше 450 джоулей, контакты кардиостимулятора могут обжечь грудь пациента. От пластин остаются ожоги. Любое металлическое украшение может вызвать короткое замыкание и раскалиться за долю секунды. Сережки или цепочка. Два красных круга от контактов на дряблой груди Бранча Бакарди – как нарисованные соски. Два блестящих стигмата, выжженных на груди. Золотой медальон прожег грудь мисс Райт и оставил клеймо в форме сердца. Новые алые соски Бакарди и сердце на коже мисс Райт, они еще дымятся. Медальон раскрылся, золото почернело, фотография младенца внутри свернулась обугленным лепестком и рассыпалась черным пеплом.

Фотография новорожденного младенца, моя фотография – вспышка, пламя – и все. Сгорела дотла.

Глядя на Бранча Бакарди, один из этих задротов-врачей говорит:

– Ну, вот и славно. С таким огромным болтом мы бы его точно не упихали в мешок для тела.

– Да какой там мешок, – отвечает второй. – Такой монстр и в гроб не поместится. То есть в гроб-то поместится, а вот крышку закрыть не получится.

Разряд электричества сплавил Бакарди и мисс Райт в одно существо с двумя спинами. Намертво припаял их бедрами друг к другу. Их плоть заключила брак в ненависти, соединив их сильнее и крепче, чем любой свадебный обряд. Теперь они вместе, уже навсегда.

Но нет... они не умерли. Бранч и Касси. Почти, но все-таки не совсем. Едкая вонь обожженных гениталий – от электрического разряда мощностью в киловатт, который едва не прикончил мисс Райт, но вернул Бранча Бакарди к жизни. Электрошок, сплавивший их воедино. Скрепивший их вместе.

Подлинный факт.

Врачи «скорой» просто стоят и смотрят. Пытаются придумать, как им перенести в машину два бессознательных тела, этих сиамских близнецов, сросшихся самыми интимными частями, как их перенести и доставить в больницу. Прикипевших друг к другу двумя слоями проваренной кожи, или мышечным спазмом, или мягкими тканями, спекшимися в кусок мяса – один на двоих.

Запах пота, озона и пережаренного гамбургера.

И вот тогда я сказала, произнесла это вслух: Бранч Бакарди и Касси Райт – мои папа и мама. Мои родители. Я их дочь.

Подлинный факт. Я стучу пальцем себе по груди и говорю этим врачам:

– Меня зовут Зельда Зонк.

Но меня никто не замечает. Все смотрят на два обнаженных тела. Они оба стонут. Их головы клонятся – шеи не держат. Глаза остаются закрытыми. От их заклеянной, сожженной плоти поднимаются тонкие струйки пара, закрученные спиралью. От новых алых сосков и сердечка.

Я поднимаю руку, распрямив пальцы и плотно прижав их друг к другу. Как будто я снова в школе – даю Клятву на верность флагу. Как будто приношу присягу в суде. Я легонько машу рукой, привлекая внимание врачей. Другой рукой я стучу себя в грудь. Прямо над сердцем. Там, где оно предположительно есть.

На мгновение все представляется таким важным. Почти настоящим.

Я произношу его снова. Мое тайное имя. Тяну руку над головой, чтобы кто-нибудь все-таки посмотрел в мою сторону и увидел меня.

notes

Примечания

Супруги Лант – Альфред Лант и его жена Линн Фонтан, знаменитые американские театральные актеры, на протяжении многих лет выступавшие вместе на сцене. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Люси и Дизи – Люсилль Болл и Дизи Арназ – исполнители главных ролей в американском комедийном телесериале «Я люблю Люси» (1951—1957).

Имеется в виду Жаклин Кеннеди-Онассис.

Усеченная форма латинского выражения «In flagrante delicto» – «В пылающем преступлении». Выражение означает, что преступник был пойман с поличным, во время совершения преступления. Фраза также используется как эвфемизм, для обозначения пары, застигнутой во время полового акта.

Элизабет Кюблер-Росс (1926—2004) – американский психолог швейцарского происхождения, создательница концепции психологической помощи умирающим больным.

Джеффри Дамер – известный американский серийный убийца и каннибал, в период между 1978-м и 1991-м годами убивший и изнасиловавший 17 мальчиков и юношей.

Имеется в виду шкала сексуальных предпочтений, которую придумал американский исследователь Альфред Кинсей. Это шкала измерения сексуальных ориентаций. Метод Кинсея заключается в том, что респондентам предлагается выразить свое предпочтение различным сексуальным практикам от гетеросексуальных до гомосексуальных: 0 баллов – исключительно гетеросексуальная ориентация, 3 балла – бисексуальная, 6 баллов – исключительно гомосексуальная ориентация.